Т. Завёрткина

Мои Турки

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Посвящается потомкам.
Т.Заверткина

В этой книге вполне обычный (средний) человек, родившийся в маленьком городке Турки, Саратовской обл., почти в центре Современной России, рассказывает "о времени и о себе" — историю своей семьи. Книга содержит много интересных моментов, которые упускают "писатели на окладе" в погоне за красным словцом и эффектным сюжетом. Книга написана настолько понятным, живым, языком, что читается на едином дыхании и настолько правдива, что каждый читатель найдет в ней частичку своей жизни.

- Книга 1. ПРЕДКИ
  -
  - Глава 1. Куделькины
  - Глава 2. Ивановы
  - Глава 3. Осины
  - Глава 4. Трофимовы
  - Глава 5. В Родной Семье
  - Глава 6. Томка
- Книга 2. МОЕ ВРЕМЯ
  - Глава 1. Турки довоенные
  - Глава 2. Война
  - Глава 3. Мирное время
  - Глава 4. Студенчество
  - Глава 5. Замужество
- Книга 3. ПОТОМКИ
  - Глава 1. Отъезд Рэмира
  - Глава 2. Мы одни
  - Глава 3. Суд
  - Глава 4. А жизнь продолжается
  - Глава 5. А все-таки жизнь прекрасна
  - Глава 6. Люда становится инженером
  - Глава 7. Дети выросли
  - Глава 8. На пенсии
  - Глава 9. Тучи над Родиной
  - Глава 10. Родные вы мои Турки
  - Глава 11. И беда пришла, да не одна
  - Глава 12. Остались одни
  - Глава 13. В Орске

- Глава 14. Разные судьбы
- Глава 15. Да, пусть живут турки

- СОДЕРЖАНИЕ

Книга 1. ПРЕДКИ

Пока нет зарослей крапивы,
И не цепляется репей,
Бегу тропинкою, где ивы,
Притихнув, слушают ручей.
В нарядах белоснежных, пышных,
Взбежав на солнечный бугор,
Стоят молоденькие вишни,
А далеко внизу — Хопёр!
Весны зелёные аккорды
Звучат повсюду: тут и там,
И я, хмелея от восторга,
Пою весенний гимн Туркам!
Татьяна Буткова

Глава 1. Кудельки́ны

Село Турки расположено на холмистой местности. Там много гор, равнин, широкая река, лес. Оно все утопает в садах.

На Лачиновой горе или улице Лачиновка, протянувшейся вдоль самого оврага (теперь улица Революционная) стоял маленький саманный {сделанный из глины и деревянных чушек) домик, покрытый соломой. Жили в нем крепостные крестьяне — Анна и Павел, да были у них дочка и сын. Дочку выдали замуж за такого же бедного крестьянского парня, а отец со своим младшим сыном работали на помещика шесть дней в неделю и лишь один день на свою семью. Жена днем занималась и работой на барщине, и домашним хозяйством. А вечером зажигали лучину, и при ее тусклом свете она пряла куделю (от этого и произошла их фамилия — Кудельки́ны).

Мать сама ткала из спряденных нитей холсты, шила для мужа и сына холщевые рубахи, для себя юбки, кофты. Ситцевые кофточки надевала лишь на праздник. Обуви, кроме лаптей, тоже не имели.

В 1861 году на Руси отменили крепостное право. Крестьяне могли отойти от помещиков, получить надел земли. Но мало что изменилось в жизни крестьян. Надел земли давали далеко от села и только тем семьям, где есть мужчины и мальчики. Дочерям земли не полагалось: все равно выйдет замуж и уйдет в другую семью. Но многие отошли от помещика. Отошли и Кудельки́ны. Далеко было их поле, но все же свое.

Сын Иван в эти годы был уже женихом, и хоть уставал на полевых работах, вечерами уходил на зарянки, где парни и девушки пели, танцевали под гармошку и балалайку, где молодежь знакомилась друг с другом.

Мало танцевал и пел уставший за день паренек. Все больше он любовался Марьей. Да и он ли один на нее засматривался? Рослая, статная с голубыми, почти синими глазами. Волосы русые, пышные, заплетены в длинную косу. Нет голоса звонче, чем у Марьи. Плясать пойдет — залюбуешься.

Только в мечтах парень видел ее своей невестой. Но Марья пошла за него, почувствовала себя в доме Кудельки́ных как в родительском.

Свекровь души не чаяла в Марье. Моясь в бане, не раз признавалась ей:

— Смотрю я на тебя, Марья, и дивлюсь. Ты больше на статую похожа, чем на бабу. И кожа у тебя не крестьянская, а будто мраморная, а тело словно точеное. Создает же Бог такое чудо!

И Марья знала, что она хороша.

Стали у молодых рождаться один за другим дети. Первые умирали, некоторые были убиты на войне. Остался лишь младший — Костя.

— Дождемся ли мы с отцом твоих деток, Костенька?

— Дождетесь, маманя. Есть у меня невеста любимая. И зовут ее, как тебя, Машей.

И вспомнила себя Марья невестой… Как же давно это было! Синеглазая, русоволосая, статная, как говорили в округе — точеная. В белом подвенечном платье…

Вот такой и виделась в воображении Марьи невеста ее Кости. Сын обещал познакомить родителей с Машенькой. Каково же было разочарование Марьи, когда ее удалой молодец Костя привел познакомиться с родителями Машеньку. Ее нельзя было назвать невестой, даже просто девушкой. Она больше походила на угловатого мальчика-подростка: маленькая, смуглая, черноволосая, несколько угрюмая.

— Сколько же тебе лет, дочка? Да и русская ли ты? — спросила Марья.

— Мне шестнадцать лет. Я русская.

Но были на этот счет разные версии. Когда-то в село привозили пленных с войны. Их называли турками. Привозил с Дона по Хопру Степан Разин и персов, которые не понимали русского языка. Их тоже за это называли местные жители турками. Людей высадили на берег Хопра и оставили. Они построили себе лачуги и в них обосновались. А когда в половодье Хопер разлился, несчастные переселились на ближайшую гору, повыше от воды. И по сей день эта гора зовется Турковой горой. Возможно, в те древние времена и у села не было названия. И только позже село назвали Турками. Не в честь ли этих турок или персов? И не была ли Маша потомком этих людей? На русскую она совершенно не походила.

Сама же Маша слышала и такую версию, которую ей рассказывала бабушка. Помещик, крепостными крестьянами которого они были, поменял однажды шутки ради свою охотничью собаку на молодую девушку-татарку у знакомого татарского бая, где она была в работницах. Помещик привез ее в село, окрестил и выдал замуж за своего крепостного.

У Маши был восточный разрез глаз, скуластое лицо, черные глаза. В глубине души Маша считала, что она является потомком той татарки. Но уверена в этом не была.

И хоть Марья не была очарована Машенькой, перечить Косте не стала. Не знала тогда Марья, что вскоре потеряет своего ненаглядного Костю и доживать будет почти до ста лет с Машей,

так за всю жизнь по-настоящему и не полюбив ее.

Через год у Кости с Машенькой родился первенец. Назвали его Петром (он-то стал потом моим дедушкой).

Лицом Петя больше походил на мать: смуглый, темноволосый, с восточным разрезом глаз, с восточным овалом лица. Только глаза взял отцовские — серые. Рос Петя мальчиком застенчивым, шумных игр не любил. Нельзя было его назвать и разговорчивым. Все он о чем-то думал, мечтал.

Года через три родился у Куделькиных второй сын, а за ним появилась и дочка Лиза — ни дать, ни взять — вылитая бабушка Марья: русоволосая, кудрявая, веселая. И в ее юные годы потом и о ней стали говорить как прежде о Марье — точеная.

Семья состояла уже из семи человек. Хлеба своего не хватало, и Костя пошел в батраки к купцу Вислову. Работы было столько, что батрак зачастую чуть не валился с ног: нужно быть и грузчиком, и извозчиком, и кем угодно, только бы угодить купцу, только бы удержаться в батраках, не пойти по миру с протянутой рукой.

— Вот что, мать, не хочу я, чтоб и мои сыновья испытали эту долю. Отдам их учить грамоте, и будет у них иная дорога.

— С ума сошел, Костя? — взмолилась Маша. — Где же ты средств возьмешь? И одеть надо, и книжки купить, за учебу заплатить.

— Лапти сам сплету, рубахи домотканые ты сошьешь и сумки тоже. Ну, а на книжки да за учебу заработаю. Жилы из себя вытяну, а заработаю. Мой Петька хоть и моложе, а умнее алефановского оболтуса. Буду учить и точка.

Не все сложилось так, как мечтал Константин. Тяжело заболел младший сын. Менингит — болезнь едва излечимая. Но мальчик выжил. Однако на всю жизнь болезнь оставила свой отпечаток — он стал глухонемым.

А Петра в школу отдали. Он оправдал надежды отца: первый класс (тогда называли первую группу) закончил с похвальным листом. Пошел Петя во вторую группу, учебный год почти заканчивался, приближалась весна.

Костя у купца почти дневал и ночевал.

— Я тебя, отец, почти и не вижу.

— Горячая пора, Маша. И деньги нужны, хочется из нужды выйти, а не получается.

Наутро купец Вислов приказал Косте съездить в Аркадак за зерном, а потом перевезти из леса бревна.

— Последний раз поезжай на санях, а уж потом будем выезжать на телегах. А пока, я думаю, лед на Хопре выдержит. Да и бревна на санях перевозить сподручнее.

Утро было прохладное, но к середине дня припекло солнце. И когда Константин возвращался, услышал вдруг треск ломавшегося под санями льда. Только б спасти лошадь! Не расплатиться, если утонет. Сбруя, хомуты, дуга не слушались обледеневших пальцев. Ватные лохмотья его старого зипуна напитались холодной водой, отяжелели и тянули под лед. Лошадь распряг, она спасена. Онемевшими пальцами Костя хватался за кромки льда, а они все ломались. Еще бы продержаться немного. Но сила уходила. С саней покатилось бревно и с силой ударило Константина по голове. Ледяной Хопер принял в свои воды несчастного батрака.

Не думала Маша, что справится с этой бедой и останется жива. Она билась, исходила криком! У свекрови от горя мутилось сознание. Свекровь вопила день и ночь в голос. Долгие годы потом у нее на глазах вдруг появлялись слезы. С той поры и стали терять свое зрение прекрасные синие глаза уже немолодой Марьи.

Теперь в семье осталось шесть человек. Как и чем жить Машеньке дальше?

— А сколько тебе годов? — спрашивали соседки.

— Двадцать шесть, — отвечала вдова. Качали головами соседки, жалели.

В свои двадцать шесть, маленькая и худенькая, она обязана взвалить на свои хрупкие плечики заботу о семье.

Вскоре после похорон Кости в дом Куделькиных пришли товарищи Константина.

— Вот что, Маша, мы договорились с мельником Алефановым, чтоб принял он на работу вашего Петьку. Не потянуть тебе одной всю семью.

— Родимые, да Петьке всего девять лет. А худенький — в чем душа! И ростом не вышел. Ему и семи годков-то не дашь.

— Не беда. Будет ездить с нами с обозом. На каждых санях или телеге должен сидеть человек с вожжами. А запрягать и распрягать коня мы ему поможем, присматривать будем за мальцом.

Так Петя навсегда расстался со школой. Он в свои девять лет — старший ребенок, он — кормилец семьи.

Маша замечала, как вдруг одряхлели ее старики, сразу постарели, словно на десять лет.

Не хочется Петьке так рано вставать и собираться на работу, ночь еще на дворе.

— Вставай, касатик, — будит его мать, — пока соберешься да дойдешь. До мельницы не близко, три километра. Вставай, миленький. Не опаздывай.

И Петя втягивался в новую жизнь. Делать заставляли все подряд: таскать воду, дрова, убирать мусор, мучную пыль, подметать и мыть полы и, конечно же, ездить с обозом в извоз. Ездили в Аркадак, Ртищево, Балашов. Давно уже научился сам запрягать и распрягать лошадь.

Прошло два года. И замечал не раз мельник, что не похож Петька на сорванцов-ребятишек. Все он делает серьезно, добросовестно. Но самое главное — это то, что мальчик грамотный. Проверит, правильно ли взвесили на весах зерно или муку, распишется в документах при получении или сдаче зерна. Мельник уже доверял ездить одному, верил, что подросток выполнит все, как надо.

Пете шел тринадцатый год. Однажды возвращался, как обычно, с зерном на санях. Но существует, видимо, судьба. На середине Хопра, на том самом месте, где погиб отец, затрещал лед и под Петькиными санями. Вот они уже опустились под лед, вот намокла его одежонка, а он хватается и хватается худенькими пальчиками за кромки льда. Они обламываются, Петька хватается снова. Тельце худенькое, легкое… Еще немного! И Петя выбрался на лед. Больше он уже ничего не помнил. Кто его нашел, кто принес домой — не знает.

Маша упала замертво, когда внесли почерневшего от холода сына в обледеневшей одежде. И Петя не приходил в сознание несколько дней. Нервный стресс и простуда приковали к постели его надолго. От мельника привезли Куделькиным муки, сахара. Когда, наконец, Петя слегка пошел на поправку, приехала навестить его и мельничиха, привезла ситца на рубашку.

Но вот уже Петя выходит на улицу. Спускается с книжкой в руках в овраг, что напротив дома, любуется природой. Лето! Какое тут чудо! Вся Селявка покрыта зеленым ковром. И как тут дышится! Сядет мальчик в тени среди ветел, читает с наслаждением книгу. Так бы вот и не выпускал книгу из рук. Но скоро снова ходить на мельницу, работать.

Глянул Петька на свои ноги — удивился: какие стали вдруг длинные и тощие, словно лучины. А руки? Все равно, что прутики от тех ветел.

— Как же мешки таскать? — задумался парнишка.

И Маша замечала, что слаб ее Петя, кормилец семьи. Приняла тогда она решение: идти в батрачки. Летом, конечно, невозможно, не потянет свекор полевые работы один. Сеять, косить траву на сено, жать рожь, вязать снопы, молотить одному не под силу. Но после полевых работ, осенью, оставив дом на полуслепую бабку Марью, Маша шла прачкой к купцам. Договорилась с шестью купеческими семьями. В понедельник шла

стирать к одним, во вторник к другим, в среду стирка у третьих… И так всю неделю до воскресенья. А с понедельника все сначала. Нелегкая работа, но в семье какое-то подспорье. Одно плохо: полоскать белье все требовали в проруби в Хопре. А жили все, к сожалению, далеко от Хопра. Маленькая росточком Маша еле тащит на коромысле в ведрах мокрое белье к реке, полощет его в ледяной воде окоченевшими пальцами, а потом все тащит в тех же ведрах на коромысле назад к купеческим домам, в гору, онемевшими руками развешивает белье на морозе.

И так изо дня в день, из недели в неделю, из месяца в месяц, из года в год…

Дети подрастали. Какая хорошенькая Лиза! Словно кукла. Купчиха Смоляева подарила от дочки старую шубку, которая пришлась Лизе по росту. И вон девочка в шубке с салазками побежала в овраг кататься с горки.

Удивилась Маша, как подрос Петр. Думала, что будет маленьким росточком. Но после болезни он вдруг вытянулся. Сейчас в свои пятнадцать он не ниже мужиков, с кем работает.

Жаль вот глухонемого Егора до слез. До чего же у него умелые руки! И все тянется к железкам. Из простой жестянки сделает такое, что диво посмотреть. Хорошо бы отдать мальчика учиться в ремесленное училище. Да кто же примет глухонемого?

Но не вытерпела однажды Маша. Взяла поделки своего сынишки и пошла с ними к мастеру в училище. Подивился мастер, покачал головой и велел приводить мальчика в училище учиться.

— Да он же глухонемой, батюшка.

— А нам тут не разговаривать надо, а смотреть внимательно да дело делать.

Так и младший сын Маши был устроен на учебу в ремесленное училище.

Только вот сама Маша часто стала простывать. Заботы и бесконечная работа уносили здоровье. Да и полоскание белья в проруби — дело непростое.

— Что-то нынче, Маша, на тебе лица нет, то уж больно бледная, а то вся красная? — спросила купчиха.

— Опять простыла. Боюсь, над корытом упаду. И спину ломит, и голова болит, руки не слушаются.

— Господи, да ты горишь вся. Выпей стопку водки, это прогреет тебя, не будешь дрожать.

— Не могу, не сумею.

Но купчиха настояла. И Маша почувствовала, как по всему телу разливается приятное тепло. И на душе веселее.

С тех пор Маша не отказывалась от рюмки водки, радовалась,

что это защищает ее от простуды. Она так втянулась, что свекровь стала замечать, что Маша прикладывается к спиртному и дома. Начались скандалы. Но от рюмок Маша отвыкнуть уже не могла.

И вот однажды Маша поняла, что под сердцем она носит ребенка. И как ни стягивала живот, как ни скрывала, заметили все и свекровь, и соседки.

— Да от кого же ты, несчастная? Горе-то какое! — спрашивали знакомые.

— Не спрашивайте, бабы, все равно не скажу.

— Неужто купчик какой подпоил да затащил в постель?

— Нет, не купчик. И тайну свою унесу в могилу, а наказание за грех понесу одна.

И так, и сяк уговаривали ее соседки пойти к бабке, если еще не поздно. Маша не решилась: много женщин умирало от заражения крови после бабок. Лучше стыд претерпеть, чем оставить сирот без матери. Пусть родится четвертый ребенок.

Однажды показалась Маше, что Петр ее сидит за столом задумчивый и смотрит в окно. Сердце замерло: «Неужели догадался тоже о ребенке?»

Обняла сына:

— Что задумался, сынок? И на зарянку не идешь. Не заболел ли?

— Нет, просто местностью любуюсь, глаз отвести не могу. Не могу решить, зимой у нас вид от дома красивее или летом. Зимой ветлы искрятся снежным серебром, горы синие в тени, а от зари на снегу розовый свет. Нарисовать бы такое. Про лето и говорить нечего, вся Селявка в цветах и зелени. Милы мне Турки, маманя. Вот и любуюсь, и думаю, есть ли на земле место лучше нашего.

По щекам Маши потекли слезы:

— Вот так и отец твой говорил.

Долго ночью не спала Маша. Уже стирает она с большим трудом, только никто этого не знает. Скоро не сможет стоять над корытом совсем. После родов захочет ли свекровь нянчить приблудного ребенка? Да и справится ли, если Маша пойдет вновь батрачить? Свекровь почти ослепла, людей узнает больше по голосу. Кто пойдет в поле? Кто поможет в доме?

Соседи советуют женить Петра, будет в доме молодая работница. Но ведь Петру пошел лишь семнадцатый год, он и девок-то боится. Да ведь какая еще и попадется? И не работать нельзя, один парень всю ораву не прокормит.

Значит, женить. Поискать, поспрашивать только, не знает ли кто девку бедную, но работящую.

С этой мыслью Маша и уснула.

Глава 2. Ивановы

В живописном селе Турки были не только Лачинова гора, Туркова и Селявина. Были горы Гаврилова (или Гавриловка), Вышеславцева гора и Крымская (или Крымовка).

В одном из домов Крымовки жил Иванов Осип. Люди его уважали, часто приходили за советом или помощью. То ли оттого, что он был умным и добрым, но его не всегда называли даже Осипом; разве только тогда, когда были чем-то недовольны:

— Осип, забери своего телка из соседнего огорода, все грядки истоптал.

Но больше его звали ласково, Осей. Уже многие стали забывать их фамилию Ивановых, прилипла к ним фамилия Осины. По документам-то Ивановы, а по-уличному Осины:

— Говорят, Осины уже сенокос начали. Или так:

— Кто-то нынче к Осиным приехал. Одним словом, Осины и Осины.

Было у Осипа два сына: Алексей и Николай. Может быть, Осип был в молодости красив, а может быть, имел жену-красавицу, только сыновья его были хороши собой: симпатичные лицом, стройные, русоволосые, кудрявые, веселые. Особенно хорош был Алексей. Не просто хорош, а ярко красив. Влюбилась в него девушка из зажиточной семьи Колбасниковых. Когда-то и те были небогаты, а начали богатеть как бы по случайности. Задумали однажды продать старую корову, оставив себе от нее молодую телочку. Да как продать старую? Никто не купит. Сделали сами из нее колбасу, немало повозились с непривычки. А продали ту колбасу так выгодно, что на вырученные деньги купили опять корову и бычка. И снова сварили колбасу. И опять барыш.

Отец передал свой опыт детям; те построили во дворе сарайчик, назвав его колбасной мастерской. Промысел их давал большой доход. Летом, когда мясо от жары могло быстро испортиться, они нанимали в помощь чужих людей, чтоб дело шло быстрее. Семья уже давно забыла о нищете, а соседи забыли их настоящую фамилию. Все называли их Колбасниковыми.

Ни за кого не хотела идти замуж их единственная дочь. Светом в окошке был для нее Алексей Осин. Согласились, наконец, родители выдать дочь за Алексея, но при условии, что не жена пойдет в дом к мужу, а Алексей войдет в их семью. А вскоре и Алексей стал опытным колбасником, перестал знать нужду.

Судьба же Николая Осина сложилась совсем по-иному. Ему

Осип сосватал девушку из очень бедной семьи, Наталью. И красотой своей Наталья не славилась. А выбрал ее Осип для сына потому, что все в Крымовке знали Наталью, как девушку умную, рассудительную и рукодельную. В ее бедном родительском доме все сияло чистотой.

Удивлялся и Николай таланту своей жены: на ее вязаные скатерти любовались все знакомые, дивились узорам ее вышивок, которые Наталья придумывала сама. Навела Наталья и в доме Осиных чистоту. А на грядках в огороде не увидишь и травинки.

Со спокойной душой умер дед Осип.

А у Натальи и Николая вскоре родилась дочка. Назвали ее в честь матери Наташей. Но внешностью она походила на отца. (Это и была потом моя бабушка — мама Наташа). В семье девочку звали Натанькой.

Через два года после Натаньки родилась Александра (Санятка), а вслед за ней появился сын Никифор. Семья росла, хлеба не хватало, и Николай нанялся в батраки к купцу. Все домашние заботы легли на плечи жены Натальи: дом, скотина, огород, дети. Уставала до упаду. И муж приходил домой уставший, угрюмый. А иногда вдруг напьется с горя да и загуляет с какой-нибудь вдовушкой; не хотелось ему идти домой в нищету, где в люльке, подвешенной к потолку, горланил уже его четвертый ребенок Степка.

Сходило похмелье, просил Николай у Натальи прощения. Все прощала тихая, робкая Наталья, только бы муж не ушел к другой. И появился в семье пятый ребенок Иван, и вслед за ним шестой, дочь Лиза.

А Наталья стала прихварывать. И если бы не старшая Натанька, которую Наталья всему приучала с малых лет, с домашними делами так рано износившейся матери не справиться. Совсем другая Санятка, ничего к ней не прививается: доверчивая, ленивая, простодушная, по каждому поводу ей смешно. Матери, одним словом, не помощница.

Николай стал приходить домой все чаще под хмельком. Да еще купец подзуживает, не на той, мол, женился, не выбрал такую, как Алексей, живущий сытно. Дома Николай срывал зло на Наталье, бранил, жестоко бил.

И запомнила с тех лет Натанька песню, которую пела ее мать. Натаньке казалось, что в песне этой под названием «Лучинушка» говорится об их семье:

Горит в избе лучинушка, Горит, трещит сосновая. Придет — сидит хозяюшка, Как ноченька суровая.

Л детушки голодные Все на печи валяются. Отец у них родимый был Буян и мот, и пьяница.

Придет домой, ругается, Кричит: «Живей ворочайся! Подай! Прими! — Ломается, — Целуй, милуй да кланяйся.

(Эту песню потом выучила моя мама, мама Катя, и записала нам на магнитофонную пленку).

Все дети Осиных похожи лицом на Николая, только Лиза вся в мать.

Очень любил отец младших сыновей: Степку и Ивана. Посадит одного мальчика на одно колено, другого — на другое. Любуется их кудрявыми головками. А те канючат:

— Папаня, отведи нас в школу. Вон и Федька, и Дениска в школу ходят, а Федот в гимназию. Почему же мы дома и дома? Запиши нас в школу.

— Да ведь у Федота отец большой купец. И Федька с Дениской дети лавочников. А я — батрак, одеть мне вас не во что. У вас у мальчишек один дырявый армяк на троих. Да и платить за учебу нечем.

И видит Натанька, как опустил отец мальчиков с колен, нагнул голову, запустил пальцы в свои буйные кудри, а на пол из глаз капают слезы.

А вечером снова приходит домой пьяный. Заслышав шаги, мать бросается на печку, забивается в самый угол. Но Николай за косу стаскивает ее с печки на пол, пинает ногами.

Нет, не позволит больше Натанька так обижать свою мать. Она заслоняет ее своим телом, горящие глаза гневно смотрят на отца. Тот опешил:

— Кто же научил тебя быть такою смелой?

— Жизнь. Оттого я и смелая. Покачал головой, отступил.

Жалеет Натанька о том, что все братья много моложе ее, не могут вступиться за мать. Да и ей всего шестнадцатый.

— По-женски я болею, доченька, — говорила ей мать, — болею давно и тяжело. Через великие муки тяну дела, вижу, что половина всех забот на твоих плечах. Только отцу в его пьяном угаре ничего не видно. А я ведь опять в положении, скоро родится седьмой ребенок.

И родился Пашка.

А Наталья уже не поднималась.

— Дочка, будь им после меня и сестрой, и матерью. Не бросай их. {Выполнила просьбу своей несчастной матери мама Наташа. Она всю жизнь опекала не только всех братьев и сестер, но и их детей, своих племянников и племянниц).

Умерла Наталья Осина, когда ей не было и сорока лет, оставив сиротами семерых детей.

Вот только когда Николай протрезвел. Он выл диким зверем. А перед тем, как выносить из дома гроб с телом жены, он встал

перед гробом и людьми на колени и дал клятву, что до последнего своего смертного часа в рот спиртного не возьмет ни капли. И слово свое сдержал.

Наташе исполнилось шестнадцать, когда она стала хозяйкой в такой большой семье. Отец только что не молился на нее. Слово Наташи стало в доме законом. А она молоденькая, не совсем еще опытная, взвалила на себя все дела и заботы. И была она очень благодарна своей умной и рукодельной матери, рано научившей ее всему: шить, вязать, вышивать, стирать, убирать, варить, ухаживать за скотиной и огородом. Шутка ли? В семье восемь человек, и о каждом надо позаботиться. А полевые работы? Надо сеять, косить, жать рожь, вязать снопы, молотить, все вовремя убирать. Страшно Наташе. Но, видно, с тех юных лет она познала, а потом часто повторяла пословицу: «Глаза страшат, а руки делают».

Приближалась весна, скоро светлая Пасха. А ребятишки совсем обносились. Во что их нарядить на праздник? Чем они хуже других?

Спит весь дом. Не спит Натанька. Из химического карандаша сделала порошок. А когда утром ушел на работу к купцу отец, она открыла сундучок и достала заветные вещи: три простыни и две наволочки. Как это мама при такой нищете умудрялась собирать копейки и готовить своей любимице приданое? Посмотрела Наташа грустно на эти вещи, прижала на минуту к груди, а потом одну за другой стала окрашивать в светло-фиолетовый цвет, приготовленный из химического карандаша, растворенного в чугуне с водой.

Ах, если бы была швейная машина!

Вручную, где днем, где ночами шила и шила Наташа детям обновы: мальчикам рубашечки, Санятке кофточку, Лизе платьице. А из своей старой кофты — Пашке распашонку.

Всех, как могла, нарядила на Пасху Наташа.

— Где это ты, девка, ситчику-то раздобыла? — спрашивает ее соседка.

— Это не ситчик, тетя Степанида, это мои простыни и наволочки. Прижала соседка Наташу к своей груди, заплакала.

Ах, как хотелось Наташе отдать в школу Степана с Ванюшкой, о которой они так мечтали! Но этому сбыться не удалось, средств едва хватало на еду, хоть отец работал много, никогда не выпивал, а Наташа, не разгибаясь, трудилась дома, на огороде и в поле.

После смерти матери прошло два года. Пошел третий. Вон и Пашка вовсю лопочет, и Лиза подтянулась.

Наташе исполнилось восемнадцать. Любуется отец, как

расцвела дочка. Тоненькая уж, правда, но ладненькая, пышноволосая. И лицо не крестьянское, как у Санятки. Городское какое-то, черты лица тонкие. Одеть бы понаряднее, настоящая царевна.

А Наташе хочется на зарянку. Горе горем, но молодость берет свое. Радуются старшие соседки, слыша звонкий голосок певуньи Наташи:

— В отца певунья. Матери-то в сиротстве не до песен было. А Николай голосистый был в молодости и собой пригожий.

Удивлялись люди и порядку в огороде Осиных:

— Глянь-ка, Сергевна, младшие-то Осиных все высыпали на прополку. А ведь Натанька и подзатыльников никому не дает. А слушаются ее с одного слова. И как ей удается?

— Так уж поставила себя девка. Бедовая!

И Наташа радовалась, что отец не стал пропивать деньги, что в поле был хороший урожай, что много вырастили овощей, что все дети здоровы, что весело на зарянке и на душе.

Возвратилась с зарянки. Дома все спят. Тихо кругом, чисто. Легла на свою постель и думает:

— Вот бы сейчас маманька пришла! Так бы за нас порадовалась! Она удивилась бы, что папаня больше не пьет. А завтра, может быть, корова отелится. Хорошо будет ребятишкам с молоком, пей вдоволь!

И уже засыпая, вспомнила, как на нее на зарянке стали засматриваться многие ребята.

А утром к Осиным пришли сваты. Начались обычные разговоры, что у них есть купец — добрый молодец и так далее. Ждут сваты, что им ответит Николай. А тот все молчит. Наконец заговорил:

— Дочь свою я люблю больше жизни, желаю ей счастья. И судьбу свою будет выбирать Наташа моя сама. Вот как она решит, так тому и быть. А пока на этом и расстанемся.

Вечером состоялся разговор отца с дочерью. Николай сказал Наташе, что он не смеет ее удерживать, что рано или поздно она вылетит из родного гнезда, и что парня сватают хорошего, его и мужики хвалят, и мельник ценит за грамотность и честность.

— Да в этом ли дело, папаня? Как же я ребятишек оставлю? Тебя?

— Но ведь Санятке уже шестнадцать. И парнишки подрастают. Да и ты к нам бегать станешь. Парень-то, говорят, тихий, скромный. А ты отчаянная. Думаю, не пропадете.

— Скромный и тихий»…….Глубоко в душу запали эти слова. Если не будет пить и драться, как мой отец, это бы было славно.

— Да я жениха-то и в лицо не видела.

Отец ответил, что тут дело не хитрое, их познакомят, не завтра же выходить замуж.

И Петя Куделькин стал заходить на Крымскую гору в дом Ивановых (по-уличному Осиных). Он настолько смущался, что, казалось, приходит вовсе не к ней, не к Наташе, а к ее младшим братишкам. Сядет играть с ними в карты, а сам лишь украдкой на Наташу посматривает. Внешне он Наташе понравился: волосы темные, сам смуглый, а глаза серые, умные, но что-то в них еще детское.

Визиты Петра зачастились, мальчишки совсем привыкли к нему, ждали с нетерпением. Петя и чаще бы ходил, да стеснялся. А ну, как откажет? Разве для него такая царевна-лебедь? Слово скажет, все в доме ее слушаются.

— Не отказала бы только, другой такой не встречу, — думал Петр. И Наташа все чаще и чаще ловила себя на том, что думает о Петре, ждет его.

— Нет, такой не обидит, не сможет.

Глава 3. Осины

Сыграли свадьбу. И Наташа с Крымской горы переехала на Лачинову улицу к Петру. Все ей здесь нравилось: и ласковая свекровь, и приветливые старики, и глухонемой брат мужа, которого ей было так жаль, и хорошенькая девочка Лизавета, младшая сестренка Петра. Но больше всего ее привлекал здесь простор этой улицы, который давал будто бы простор и свободу душе:

— Глянешь от вас на Селявку, простор нескончаемый, не то, что на нашей Крымовке, где на улице двум телегам не разъехаться. Красота у вас тут, Петя, только б любоваться.

Обняв жену, Петр повел ее показать огород. Наташа ахнула, всплеснув своими нежными руками:

— Чудо! А у нас там огород идет по склону оврага. Поливаешь, а вода вся вниз убегает. У вас же равнина. Счастье какое! Здесь справа мы с тобой смородину посадим черную и красную.

— А вишня, смотри, к нам от соседей перешла, — показывал Петя. — А видишь этих двух красавиц?

И он показал на две стройные кудрявые яблони. Их он сажал в памятный для него год, когда утонул его отец. Было Пете тогда только девять лет. Доктор Ченыкаев рассаживал сад, а два саженца выбросил. Жаль их стало Пете, хоть доктор сказал, что яблоки от них будут невкусные. Но не засыхать же саженцам на солнце. Посадил их мальчик в своем огороде на самом просторе. Оба саженца принялись, подросли, начали приносить плоды.

— Залюбуешься весной их цветами. Вот эта, что повыше, цветет снежно-белым цветом, даже с голубым отливом, и яблоки на ней до жути кислые, но удивительно ароматные. Даже ни одни из вкусных яблок по аромату не сравняются с этими. Вторая же яблонька цветет ярко-розовым цветом. Яблоки на ней крупные, желтовато-румяные, а вкус у них пресный, чуть сладковатый, но с горчинкой. Мы и прозвали эти яблони Кислушкой и Преснушкой.

{Прошли десятилетия. Давно не стало Ченыкаева сада: одни яблони засохли, другие после хозяина спилили. Лишь Кислушка с Преснушкой стояли как лесные великаны, словно дубы. Под этими яблонями для всех детей Куделькиных, а потом и для всех их внуков было самым любимым местом. Привязывали к яблоням гамак, отдыхали, читали, тут собирались друзья, пели песни, устраивали репетиции. Сюда приходили на свидание. Две красавицы-яблони дождались и правнуков Петра, а сами и не собирались стареть. Но вот вышел закон о том, что у всех

жителей, кто не работает в колхозе, уменьшить садово-огородные участки до пятнадцати соток. Почти половина огорода, в том числе и яблони, стали ничейными. Но мы по старой памяти продолжали их любить, считать своими. Когда через много лет в переулке стали строить дома, и отрезанная у нас и наших соседей земля могла потребоваться новым жильцам под огороды, папа Сережа спилил эти яблони на дрова. Я долго по ним горевала).

— Славно у вас, Петя.

— А не трудно ли тебе будет хозяйствовать в семье? Ведь нас восемь человек.

Наташа улыбнулась:

— Да ведь и нас там было восемь. Только на руках у меня — все малыши. А у вас взрослые, все работают: бабка у печи помогает, дед во дворе у скотины, ты работаешь, мать тоже, вот и брат твой училище заканчивает, становится на ноги. А как выйдем всей семьей в поле, никакая работа не страшна!

Любуется застенчивый Петя своей молодой задорной женой. Но вот она спросила:

— А откуда у вас грудной ребенок Танька? Кто отец?

Петр смутился:

— Это мать скрывает. Это ее тайна, ее беда.

И заспешила Наташа домой варить Танюшке кашку.

Да, не мало, думает она, будет работы в новой семье. Все запущено. Чистоту наводить надо, не привыкла Наташа так жить. А сколько чинки! Все у них рваное: наволочки, полотенца, рубахи. Свекровь от купчих старые вещи приносит. Можно из них кое-что перешить и для этой семьи, и для той, на Крымовку. Только и мелькает иголка в ловких пальцах Наташи. А в мыслях сожаление о том снова, что нет у них швейной машины, мысли об отце, о сестренках и братишках, которых постигло горе: вскоре после свадьбы Наташи неумеха Санятка не смогла как надо привязать корову. Бедная скотина запуталась в веревках и задушилась.

Еще ниже склонила Наташу голову над шитьем, еще быстрее заработали пальцы, замелькала иголка.

— Повезло Маше с Наташей-то Осиной, — говорили соседки.

— Что верно, то верно. Вон и Танюшку чуть в зубах не таскает, будто своего ребенка.

Но через год у молодых родился свой ребенок, сын. Назвали его в честь отца Петром. Мальчик прожил всего несколько месяцев. И первого своего ребенка они вскоре похоронили.

Начал самостоятельную работу младший брат Петра. Вскоре он принес свою первую получку и передал ее Наташе.

— Не удивляйся, — сказал муж, — он тебя считает хозяйкой в доме. Да и мы все тоже. А матери деньги доверять нельзя, она их

пропьет.

Наташу эти слова ударили как обухом по голове. Вновь вспомнилось, как пьяный отец издевался над матерью и свел ее в могилу такою молодой. Сердцем Наташа жалела свекровь, гнувшую долгие годы свою спину над купеческими корытами, а потом, застывая у проруби Хопра, нуждающуюся в спиртном, чтоб согреться, не заболеть. И все-таки в душе появлялся холодок, когда она замечала, что свекровь возвращалась под хмельком, искала повода к ссоре дома с родными.

Но вот у Наташи родилась дочка Евгения. И этот ребенок только До лета чувствовал себя хорошо. Летом ее смыл понос, и Женечку похоронили.

— А не ешь ли ты девка, огурцов, когда кормишь младенцев грудью? — спросила старая бабка Марья Наташу.

Вот она, причина! Слышала и прежде от кого-то она раньше да не придавала значения. И уж очень хороши были свежие огурчики со своего огорода, которые целыми мисками срывала Наташа. И не верила, что от огурцов будет вредно детям. Теперь зарубила себе на носу твердо — не есть огурцов, если Бог даст ребенка еще.

Дел в доме было невпроворот. Напрасно Наташа думала, что в этом доме будет легче. Взрослым и пищи нужно варить больше, от печки почти некогда было отходить, так как бабка Марья все слабела. И шить взрослые вещи сложнее: они требовали больше времени. Обшивала всех Наташа сама. Хоть всю ночь не спи, а всего не переделаешь.

Третьему малышу в доме все были очень рады, родился Василий. Рос как на дрожжах. Уже быстро перебирал ножонками по полу, смешно лопотал. А имя Василек ему необыкновенно подходило — веселые голубые глаза, вьющиеся светлые волосы. Он не любил плакать, и в доме от него было словно светлее.

А после Василька Наташа принесла Зою. Свекровина Танюшка еще небольшая, свой Василек только еще учится говорить, грудная Зоя заливается плачем в люльке, подвешенной к потолку, куча белья у корыта, и дед один не справляется в поле.

Приходилось Зою и Танюшку оставлять иногда на подросшую уже Лизавету, сестренку мужа, а с Васильком ехать в помощь деду в поле. Но чаще в поле брала с собой Зою, так как ее надо кормить грудью. Укладывала ее в холодке, а сама жала рожь. Не могли все взрослые выезжать вместе в поле, как мечталось когда-то. Они были на заработках, батрачили.

Как-то, возвратившись домой с работы, Петр застал жену в слезах:

— Васька заболел. Горит весь, дышит трудно. Ни в поле не

простывал мальчик, и дома простыть негде. И все же простыл.

Умер Вася от воспаления легких. Ох, как горевали родители и все родные в доме!

— Зоюшка, кровиночка, хоть ты не оставляй нас, — молила Наташа.

И Зоя улыбалась. Уже умела стоять на ножках, удивленно глазела на мир.

Однажды ночью проснулась вся семья от страшного зарева. Светло как днем. Горели сразу семь домов, начиная от Кузьминовых, кончая Громовыми. Горели и Куделькины.

Спросонок плохо соображали, что спасать в первую очередь от огня, который рвался уже в окна и двери. Хватали подушки, перины, одеяла. Бабка, обезумев, вытаскивала заслонку от печки.

Но каждая мать знает, что надо спасать сначала. Наташа взобралась на табуретку, пытаясь снять с крюка люльку, в которой спала Зоя. Крюк, как назло, не поддавался.

— Сгоришь! — услышала она над самым ухом. Кто-то с силой дернул ее за руку и поволок через горящие сени и крыльцо. Кто-то сорвал люльку и бросился с ней сквозь пламя. Искры сыпались на полог, висевший вокруг люльки, сыпались на пеленки. Вся люлька запылала, как костер.

Зоя пострадала сильно. Обгорело лицо, шея, грудка, часть живота, ручки. Но у ребенка были еще силы истошно кричать от боли. Наташа потеряла сознание.

Зои больше не стало.

Пожар произошел оттого, что загорелся по какой-то причине один из домов. Ночь была ветреная, а крыши у всех покрыты соломой. Достаточно искре упасть на сухую солому, и все загоралось, как костер. Погорельцы расселились в хлевах, сараях, мазанках, полов-нях. Посоветовавшись, все приняли решение строиться незамедлительно, иначе негде будет зимовать. Не было времени на расчистку пепелищ, дорожили каждым днем.

Строиться стали все в своих дворах. Вот почему часть улицы стала потом много шире: семь домов отступили от центральной линии.

И снова все строили дома саманные, то есть из глины и деревянных чушек (чурок), втопленных в глину. И снова покрывали все свои дома соломой. Иного строительного материала не было, купить — не по средствам. Работали от зари до зари, только б успеть к зиме.

Наташа после всего случившегося долго была словно окаменевшей: молчаливая, безучастная, с отсутствующим взглядом, каменным лицом. Приходил отец, уговаривал:

— Наташа, доченька, а ты поплачь немножко, легче станет.

Уговаривали и другие родные, соседи. Но в груди был ком и в горле ком, а слез не было, хоть и рада была бы Наташа выплакаться.

(И в старости моя бабушка — мама Наташа — не могла плакать; я не видела ее слез даже в труднейшие моменты ее жизни, когда приходилось ей неимоверно страдать, теряя взрослых детей. Ее горе было как бы сильнее слез, она не могла поплакать и расслабиться, а несла муку в себе).

Погорельцам помогали родственники. Куделькиным помогал Наташин отец Николай, в те годы еще сильный, всегда трезвый. Деньгами помогал его брат Алексей. Петру пришлось рассчитаться у мельника и впрячься в работу. Оставила купцов Смоляевых, Ипполитовых и Зеченковых прачка Маша, мать Пети. Только минутами в работе от своего горя забывалась Наташа. Строились всей семьей.

В зиму вошли все-таки в новый дом. На мельницу работать Петр больше не пошел. Он решил своим трудом отблагодарить дядю Наташи — Алексея Осиповича, стал работать у него в колбасной мастерской. За труды поначалу Алексей не платил ничего. Он давал Петру сала, костей, ножки от скотины. Позже стал платить, но очень мало. Однако колбаса и наваристые щи из костей у Куделькиных на столе были часто.

Хорошо помогал семье глухонемой. В слесарном и токарном деле стал большим мастером, зарабатывал прилично. Ему давали на работе ответственные заказы зачастую такие, которые многим были не по плечу, ремонтировал различные машины. И, несмотря на то, что был глухим, поломку машины узнавал по вибрации через землю, ощущая это ногами. Получку, как всегда, отдавал только Наташе. И сам стал одеваться прилично. А однажды свершилось чудо: он купил ей швейную машину — ее заветную с детства мечту.

(Сейчас эта зингеровская заветная машина у нас в Орске, мне ее подарили, когда я выходила замуж. Машина служит уже сто лет и «приказывает» работать ежедневно: чем больше шьешь, тем лучше шьет; пропустишь какое-то время — строчки хуже).

Наташа после пожара, похорон дочки и строительства дома осунулась, похудела.

— Не печалься так, — говорил ей муж, — живут же семьи и без детей. Это уж кому какое счастье.

И Наташа разрыдалась. Впервые после пожара. Да так, что не могла вымолвить ни слова. Так и не узнал Петр на этот раз о том, что у них через несколько месяцев снова родится ребенок.

Шел 1905 год. Вести о революции в городах докатывались и до села. Да и в самих Турках были созданы политические кружки.

Рыбников, женившийся на их соседке, приехал из-под Питера. Поговаривали, что он революционер. И о докторе Ченыкаеве ходили разные слухи. Такой барин, с виду богатый, приехал из города, сколько средств вложил в строительство клуба, построил под стать городскому театру. И больницу отгрохал кирпичную с амбулаторией и светлыми палатами стационара. Теперь планируют строительство кирпичной двухэтажной школы — и во главе всего доктор Ченыкаев. А себе домишко поставил крохотный из трех комнат: в одной сам ютится с семьей, в другой больных принимает, а третья с выходом в сад непонятно для чего. Шепотом люди ее конспиративной квартирой зовут.

И никому непонятно, зачем себе такой сад насадил, во весь пустырь в пол-улицы. А плоды из сада либо отсылает в больницу, либо раздает соседям близлежащих домов.

С утра принимал больных у себя дома, а с обеда допоздна посещал больных на дому. Недаром целое столетие спустя о нем с благодарностью вспоминают жители села и посвящают ему стихи:

Словно книгу читаю хорошую,
За страницей страницу листая,
Погружаюсь в историю, в прошлое,
В мир, где доктор жил Ченыкаев.

Там и люди, и судьбы разные… —
Но куда же вы, доктор, куда?
На заборе тряпица красная,
Значит, в доме этом беда.

Бескорыстно спешил на помощь
В дом последнего бедняка,
Где не только каких-то сокровищ,
Где и хлеба порой — ни куска.

Сколько боли людской услышано,
Сколько горя и скорби вобрал!
Он лечил не всегда по книжному,
Добротою своей исцелял.

Сколько доброго и полезного
За день сделать он успевал,
И ночами веселые пьесы
Для турковских спектаклей писал.

Чтоб Турками могли погордиться,

Сделать доброе поспеши.
Пусть же в каждом живет частица
Ченыкаевской щедрой души.
Т. Буткова

А вот Шапошников крестьянам был понятней. Молокосос еще был, а у купца сумел деньгами разжиться, правда, суммой небольшой. Приглянулся ему пустырь, куда мусор сваливали, да иногда кто пускал теленка попастись.

Задумал Шапошников на этом пустыре сад рассадить, а на скопленные деньги купить саженцев, а кое у кого и так взять: небольшие садики при огороде в Турках у всех есть, саженцами поделятся. Стал просить у властей тот замусоренный пустырь под сад. Посмеялись над ним, да и разрешили, коли соседние с пустырем крестьяне будут не против. Поставил Шапошников мужикам две четверти водки, да и попросил не вмешиваться в его затею. А мужикам что, пустыря в репьях да татарнике не жалко.

Женился Шапошников (кстати, на какой-то родственнице мамы Наташи, только очень дальней). И рассадили они огромный сад. В турковской черноземной почве любой прутик расти будет. И потянулся к солнцу молодой сад. Стал давать и плоды. Шапошников — не Ченыкаев: везет возами продавать фрукты в те места, где нет садов, и выручает большие деньги. Вот уже в саду поставил дом, да какой! Раза в три-четыре больше, чем у Ченыкаева. У дома затейливый балкон и веранда. Комнаты отделаны разным цветом: голубым, розовым, белым. Вот уже Шапошников построил себе магазин в центре села, а рядом с ним еще один, уже теперь кирпичный жилой дом.

А Ченыкаев в то время не только лечил больных, но действительно занимался революционной деятельностью. Нелегальную литературу ему поставлял сын из Москвы.

Доктор хотел, чтоб в селе меньше было больных, чтоб дети всех сословий, в том числе и бедноты, ходили в школу, не были темными, которых легче закабалить, заставить бесплатно гнуть спину на богача, чтоб народ понял, что пора сбросить проклятый царизм, взять власть в свои руки и задышать свободнее.

Он организовал политические кружки. На занятия кружков заходил и Петр Куделькин, приносил домой тоненькие брошюрки, читал их украдкой.

— Петя, оставь ты это. Вон сколько уже людей арестовали. А вдруг и тебя заберут?

— Забирать меня не за что. Но жить народу, как жил он веками в лаптях да при лучине, тоже нельзя. Бороться надо, чтоб люд на земле жил получше. Посуди сама: оболтус богатого сидит за партой годами и ничего не смыслит. Он же занимает место

другого, пусть бедного, но умного, а, может быть, и талантливого ребенка, который с семи-восьми лет идет в подпаски. Это справедливо?

И Наташа умолкала. Она все понимала. Богатство у толстосумов — не их богатство: оно нажито за счет других людей. По совести оно и не принадлежит им, так как оно народное. Вот и отобрать бы все свое у богачей.

Но всегда неспокойно было на душе у Наташи — каждый вечер до тех пор, пока Петр не возвращался домой.

Днем не раз слышала Наташа о том, что горят по деревням помещичьи усадьбы, особенно самых жестоких помещиков. А в Турках громил народ купеческие лавки.

Однажды Петр принес вечером тюк сатина.

— Не надо, Петя, слышать об этом не хочу, посадить тебя могут, — умоляла Наташа.

И старая мать смотрела на тихого сына с удивлением и испугом.

— А вы не бойтесь, я его под колоду спрятал, никто и не найдет. Но то ли свекровь успела проболтаться соседям и сатин украли, то

ли она сама, опасаясь за сына, сбросила сатин в какой-либо колодец, но утром под колодой сатина уже не было.

Революция 1905 года не достигла успехов, арестовали очень многих. Революционеры ушли в подполье.

В конце ноября (22-го) 1905 года у Куделькиных родилась дочь. Назвали Екатериной.

Девочка была неспокойной, нервной, крикливой. Внешне походила сразу на всех: у матери взяла цвет волос и высокий лоб, у отца восточный разрез глаз и овал лица. А у прабабушки Марьи ее ярко-синий цвет глаз и нежность кожи. (Когда Катюша стала взрослеть, стали говорить о том, что она даже лицом начинала походить на прабабушку Марью, а особенно фигурой, строением шеи, груди).

В Кате вся семья души не чаяла, особенно отец. Едва придя с работы, бросался к малышке. Он только что пылинки с нее не сдувал. Без ума от дочки была и Наташа. После того, как похоронили четверых детей, она уж и не чаяла иметь ребенка. Баловали девочку очень.

Через три года после рождения Кати появился на свет Николай. Его рождение и первые годы жизни проходили для семьи незаметно. Главенствующую роль занимала шустрая любимица Катя. Между собой дети были очень дружными, почти неразлучными. Позже, будучи взрослой, Катя вспоминала, что они в детстве с Колькой повздорили только один раз из-за

первого огурца, который Николай нашел на грядке, а Катя вырвала из руки и бросилась по огороду наутек, а брат догнал.

Шли годы, дети подрастали. Однажды вместе с подругой Манькой Таня повела Катю на ярмарку. День был прохладный, все три девочки надели на головы платочки. Вдруг Катя остановилась как вкопанная:

— Вы не так повязали на меня платок.

— Ну, а как тебе его повязать? — спросила Таня.

— Потуже.

Повязали потуже, отошли несколько шагов, опять не так, опять просит повязать еще потуже. Подружки посмотрели друг на друга, расхохотались. Куда же туже?

— Да завяжи ей со всей силой, — посоветовала Манька, — не задуши только.

Татьяна так и сделала. У Кати в глазах даже слезинки появились.

— Теперь так?

— Вот теперь так.

— Отчего она у вас такая? — спросила Маня.

— Взрослые говорят, что Наташа, когда была в положении, тяжело переживала беды: пожар, смерть Зои, строительство дома и боялась за Петю, как бы не арестовали из-за каких-то политических кружков и книжек. Поэтому, наверное, и Катька немного нервная.

— А какая хорошенькая! И поет-то она у вас замечательно, — заметила Маня.

— Да она все до одной песни знает. И знаешь, Манька, умная какая. Иногда большие разговаривают, а она будто их и не слушает, играет в куклы и вдруг подскажет взрослым такое, что они сами и решить не могут, — хвалила свою Катьку Таня.

Любила Татьяна Катю и за смелость. И в самом деле девочка была боевая, шалунья, а порою и драчунья. Сладит — не сладит, а в обиду Колькиным товарищам себя не даст и брата защитит, первая налетит на обидчика.

В 1913 году в семье появился еще один ребенок, тоже мальчик по имени Сережа. Прабабушка Марья, полностью к этому времени ослепшая, спросила, беленький ли ребенок или черненький. И каждый раз радовалась, что дети рождаются у Наташи светлые, русоволосые, ни один не похож на смуглую Машу, отцову мать. Но чертами лица Сережа очень походил не на мать, а на отца.

Кроме повзрослевшей Лизы, подростка Татьяны, в семье у Петра и Наташи уже трое и своих детей.

В доме все преобразилось, повеселело: то тут, то там слышен

радостный звонкий смех. И после долгого молчания вновь поет Наташа за шитьем. Стучит ли швейная машинка, наметывает ли ткань вручную, а песня льется:

В тиши ночной, прекрасной, дивной
Стояла тройка у крыльца.
С прелестной девочкой-блондинкой
Прощался мальчик навсегда.
(Текст этой песни записан в тетради мамы Кати).

В начале 1914 года выходила замуж и Лизавета, сестра Петра, крестная Катюши. Хороша была Лиза в юности. Стройная, с тонкой талией и пышной грудью. Служила Лиза в ту пору горничной в одном богатом доме. Часто хозяева приглашали ее пообедать с ними вместе. Не смея отказаться, Лиза садилась за хозяйский стол, но едва поев и поблагодарив, от стеснения стремилась быстренько выскользнуть из-за стола.

— Не спеши, Лиза; чем дольше посидишь за столом, тем дольше пробудешь в раю, — шутила хозяйка.

Однажды к хозяевам приехал их родственник, молодой офицер по имени Семен. Лиза очаровала его, и Семен сделал ей предложение. Готовились к свадьбе, нужны были деньги на приданое, к тому же подрастали и другие дети. И решил Петр уйти из колбасной своего родственника дяди Алексея, где получал гроши, а мастером к тому времени был опытным. Его охотно принял в свою колбасную богач Евдокимов Леонтий Афанасьевич, имеющий еще и свою пекарню, и несколько магазинов.

Лиза же после свадьбы уехала со своим мужем во Владикавказ, где он служил в армии. Там она устроилась в госпиталь сестрой милосердия. Но счастье молодоженов продолжалось недолго: Семен погиб, а Лиза вернулась домой.

В этот год Кудельки сфотографировались всей семьей. Взяли с собой и грудного Сережку. Но он так кричал, так изворачивался тельцем, что фотограф предложил делать снимок без него. {Это фото сохранилось у нас до сих пор).

Сережка порою так кричал, что плач его был слышен через весь овраг на Селявке.

— Ну, Наташа, и крикун у тебя, по всей Селявке слышно. Не иначе, как петь будет хорошо, — шутили селявины женщины.

Сережа, как и Катя, тоже был неспокойным ребенком. Может быть, беспокойнее Кати. Он очень часто плакал, когда немного уже подрос. Его и уговаривали, и стыдили за слезы, и бранили. Но сдерживать слезы он не мог. Были случаи, когда, стыдясь всех домашних, он подходил к старенькой бабушке Маше и шептал на

ухо:

— Мама старая, собери меня на улицу, а то я орать хочу.

— Да ты что? Дурачок, что ли?

Но малыш упорно просил помочь ему одеться. Наплакавшись вволю, приходил успокоенный:

— Ну, вот я и наорался.

Но сбылись и слова селявиных женщин, слух и голос у Сережки были прекрасными, и песни он любил не меньше Кати.

Однажды взрослые выехали в поле. Дома бабушка Маша напекла пресных пышек, завязала их в узелок и послала Сережку отнести в поле своим к обеду. Долго шел мальчик полевыми дорогами. Кругом рожь стоит стеной, цветы, поют птички. Запел и Сережа:

Во субботу день ненастный, Нельзя в поле работать. Нельзя в полюшке работать, Ни боронить, ни пахать.

Работающим в поле ветер хоть слабо, но доносил слова песни и знакомый голосок.

— Да ведь это наш Серенька! Вот постреленок! Неужели один идет?

Время шло, а мальчика все не было. И снова вдруг донеслись слова песни, но звук едва был слышен.

— Да уж не заблудился ли он? Скачите кто-нибудь на коне. Искать его надо по голосу, по песне.

Догнали малыша километров за семь от своего поля. От развилки дорог он шел совсем в другую сторону. А когда стали есть принесенные им пышки, все тут же начали плеваться: бабушка Маша вместо соды положила в тесто хину.

Часто Наташа замечала, что ее свекровь после дойки коровы там же, в сарае, отливала молоко в горшок и прятала его в сено. Неужели молоко меняет на водку? Не утерпела, спросила.

— Чесальщиковым я ношу, Наташа. Умерла мать у горемычных. Один Григорий мается с малютками. Ленка нашей Катьке ровесница, а Грунюшка чуть постарше. Жалею девчушек.

Зашла как-то и Наташа к Чесальщиковым, да и ахнула: изба почти нетопленая, по углам иней, пол в избе земляной. Из-за печки выглянули две косматые головки с испуганными глазенками. У Наташи от жалости сжалось сердце.

Позже Катя с Леной Чесальщиковой стали неразлучными подругами. Григорий привел в дом девочкам мачеху.

Однажды Катюша играла с Ленкой у них в огороде. А над оградой из Шапошникова сада свесились спелые вишни. Но не достать ручонками малышкам эти ягоды. Ленка сбегала домой за кочергой. Только наклонила веточку, а кочергу из сада хвать из рук Лены. Вырвала из рук девочки подкравшаяся жена

Шапошникова. Горько плакала девочка, молила отдать:

— Тетенька, изобьет теперь меня мачеха, отдайте. Мы никогда больше так не будем.

Так и пришлось Григорию самому идти за кочергой, просить прощения за крошку-дочь. {Вспомнила этот случай моя мама Катя, когда ей было без полутора месяцев девяносто лет).

Соседи Куделькиных стали постепенно забывать их настоящую фамилию. Домом верховодила Наташа по уличной фамилии еще на Крымовке — Осина. Никто не заметил, с какого времени семью Наташи и на Лачиновке стали называть Осиными:

— Я у Наташи Осиной узор сняла. Или:

— Пойду займу соли у Осиных. И так:

— Вон ребятишки Осины в овраг побежали.

И все привыкли, что они Осины, даже сами члены семьи и их дети. Спросят кого из детишек:

— Ты чей же будешь?

— Осин, — отвечает.

Старожилы моей улицы уже пятое поколение зовут Осиными. И я для многих до сих пор Томка Осина, даже моя дочь Люда для старушек тоже Осина:

— Говорят, Людка Осина приехала.

Доходило до того, что старшего сына Куделькиных Николая призвали служить в армию под фамилией Осин. Записывали призывников данной улицы, вспомнили, что у Осиных сын призывного возраста, да так и записали, так и служил Осиным всю действительную. Остался в армии, закончил летное училище, стал офицером. А фамилию Осин носить продолжал.

Шли годы. Началась война с Гитлером. А кадровый офицер, подполковник получает письма от родных то на Осина, то на Кудельки-на. Время военное, неспокойное. Создали комиссию:

— Что же получается, Николай Петрович? Осин вы или Кудель-кин? Объясните комиссии чистосердечно.

Объяснил — не поверили.

И в грозные годы войны приехали из воинской части в Турки представители. Ходят по улице и спрашивают показать, где проживают Осины. Других — где проживают Куделькины. Но только все показывают на один и тот же дом. Поверили, наконец, подполковнику. Но с тех пор он стал носить одну фамилию, настоящую — Куделькин.

Но вернемся к прежним временам, когда Катька, Колька и Серенька были детьми.

Дело было под один из больших церковных праздников. Приехали к Осиным из Ильинки дальние родственники, чтоб пораньше утром пойти в церковь к заутрене. Изба у Осиных была

тесновата. Спать с вечера положили всех приезжих на овчинные шубняки да тулупы на полу. Неуютно стало в доме, запахло старой овчиной.

Утро выдалось прохладным, и мать надела на Катю шерстяные самовязанные чулки. Аднем припекло весеннее солнышко, ноги вспотели, и шерсть стала покалывать нежную кожу ног девочки. Она уже подбегала к церкви, когда в голову пришла мысль: в чулках вши, коли ноги так чешутся. Села на церковную паперть, сняла чулки, вглядывается в них…

Из церкви валит народ, и многие прихожане спрашивают девочку, что же такое она делает.

— Вшей ищу, совсем заели. Понаехались ильинские черти да и по-напускали вшей.

Окружили ее люди, а иные шарахаются, как от чумной греховодницы, крестятся.

— Твоя артистка-то у церкви спектакль устроила, — рассказывают знакомые Наташе.

Но вот в Турках достроили новую двухэтажную кирпичную школу.

— Катерину в школу надо бы отдавать, — сказал отец.

— Ох, хорошо бы!

И повела мать Катю в школу. Чем ближе подходили к школе, тем больше робела Наташа, а директору призналась:

— Боюсь я. Сумеет ли усидеть за партой и учиться? Очень уж озорная.

— Не тревожьтесь. Озорные еще лучше учатся.

И Катя стала школьницей. Прилежной, внимательной, исполнительной. С первых дней ей было свойственно чувство долга.

Но, как и дома, Катя себя в обиду в школе не давала. Однажды внимательно слушала урок. А мальчик, сын директора, сидевший сзади, вдруг ударил ее по голове учебником. Не жаловаться же на него? Да учительница и сама все видела, но замечания ему не сделала. Это и возмутило девочку. Взяла она свой учебник, повернулась назад и «ответила» директорскому сынку тем же.

Не одобрив этого поступка, учительница приказала:

— Куделькина Катя, сейчас же в угол.

Почему одна Катя? Потому что он — сын директора? Да и он же первый начал. Катя смертельно побледнела от несправедливости. Подняла свою хорошенькую головку и гордо пошла в угол.

Учительница смутилась. Перестала вести урок, подошла к Кате. Смотрит, молчит. Потом вдруг сказала:

— Какой у тебя красивый воротничок! Кто тебе купил?

— Нет, никто! — ответила девочка, с укором глядя в глаза учительнице.

Много было в школе разных шалостей. Но училась Катя прекрасно. Подружкой ее была тоже лучшая ученица класса — Катя Филипенко. Подруги потом переписывались до самой смерти Кати Филипенко.

Но вот в семье Куделькиных появилась новая дочка, Маруся. И вновь слепая Марья спрашивает, беленькая ли она? Маруся из всех детей была самая беленькая, настоящая блондинка. Девочка была спокойная, но все равно для нее нужно сделать многое, и забот прибавлялось. Ходить Маруся начала рано. Не успели оглянуться, а кудрявая звонкоголосая блондинка шустро перебирает ножками.

Танюшка становилась взрослой девушкой, дружила все с той же Маней.

Однажды они спросили, не хочет ли слепая прабабка Марья сходить в гости.

— Как не хотеть, милые? Дед ушел на тот свет, а я, слепая, все лежу и лежу на печке. В гости-то хорошо бы.

Помогли девчата слезть бабке с печки, одели валенки, все остальное. Вывели на улицу да обвели слепую вокруг своего же дома два раза, а потом привели домой. Рада бабка, здоровается, крестится. Усадили ее в «гостях» за стол, угощают чаем, а потом предлагают отдохнуть, полежать на печке.

— А печка-то у вас какая! Ну, совсем как наша.

Засыпает бабка, а потом уже ничего не помнит: на своей ли она печке, на чужой ли.

Зашел как-то к девушкам знакомый парень Федор — проказник на всю округу.

— Не Федька ли у нас? — слышит его голос бабушка. Подмигнули девчата парню:

— Теперь он не Федька, баба Марья, а батюшка Федор, в церкви служит, а сегодня в праздник к нам зашел поздравить.

Поздравляет его бабка Марья, а молодежи потеха. Однажды совсем развеселилась молодежь.

— Да кто это нынче у нас? — слышится снова голос бабки с печки.

— А это барыня навестить нас пришла. И денег принесла. Вот и тебе, бабушка.

Суют ей в руки порванные клочки бумаги, а та крестится, благодарит «барыню». Девчата хохочут, а Кате жаль бабку, обидно за нее.

Вечерами особенно весело напротив дома Осиных. На краю

оврага заливается гармошка, а вокруг гармониста кружит молодежь. Татьяну Осину скоро отдадут замуж. Она глаз не сводит с Алексея Алека-ева, но его интересует ее подруга Маня. Уж чего только не предпринимала Татьяна! Даже записку писала ему, будто от кого-то постороннего, мол, не смотри на Маньку, что Таня не хуже ее. (Любила она его за бойкий, лихой, буйный нрав. Но, женившись на Мане, Алексей в порыве буйности характера жестоко ее бил. А однажды, не найдя ее, спрятавшуюся в саду в кустах смородины, он повесился сам).

Родные поговаривали, что свататься к нашей Татьяне хочет Костя Борисов, живший на соседней улице. Тане было все равно, коли Алексей тогда в ее сторону даже и не смотрел.

Итак, Татьяна вышла за Костю. У них родилась дочка Лида. Очень полюбила Татьяна дочурку. Чтобы удобнее кормить ночью грудью, она клала младенца спать на кровать вместе с собою. Однажды раздался истошный крик. Сонная Татьяна своим телом насмерть задавила крошечного ребенка. Это потрясло всю родню.

В 1919 году у Наташи с Петром рождается последний ребенок. Ее в память о только что похороненной Лидочке Татьяны назвали тоже Лидией.

Кончилась Октябрьская революция. Многое в селе изменилось. Колбасная мастерская Евдокимова перешла в государственную собственность. Она стала называться кредитным обществом. Петра Куделькина оставили здесь также колбасным мастером. Он выполнял и многие общественные поручения новой молодой страны.

Все домашние дела в те годы легли в основном на плечи Наташи. Лидочка подрастала. Она совершенно была не похожа на своих сестер. Те многие черты лица унаследовали от своего отца. Лида от него не взяла ничего, ни одна черта не напоминала чего-то восточного. Она взяла у матери и овал лица, и тонкий прямой нос, маленький рот, голубые глаза, но в отличие от матери — очень большие. И девочка эта необыкновенно рано начала разговаривать. Как правило, и Наташа порою разговаривала с малышами, хотя ей казалось, что они пока еще и не понимают ее.

Так было и на этот разЖ

— Ну, вот я и истопила печку, — сказала она вслух себе ли, ребенку ли, лежавшему в люльке с соской-пустышкой во рту, — теперь пойду воды принесу, да корове сена дам.

Лида смирнехонько лежала в люльке. Вскоре в дом вошла соседка Лиза Рыбникова, оглянулась кругом и сказала себе:

— Как ветром всех сдуло, весь дом пустой. Куда же Наташа-то подевалась?

И вдруг в пустом доме раздался чистенький голосок:

— Она пошла за водой, и потом корове сена даст.

Лизавету охватил озноб. Не младенец же заговорил? Отодвинула полог люльки. Там лежала крохотная, как кукла, девочка с большими, в половину лица, глазами. Лиза только головой покачала: никогда не видела, чтоб разговаривали, да еще и разумно, чуть ли не новорожденные.

Детишки подрастали. Вон уже и Колька стал совсем большой. Дружит с Пашкой Грачевым и Мишкой Рыбниковым, вместе лазят по садам. Мишка, правда, чуть моложе Кольки, и хитрый Колька порою доводит младшего друга до слез:

— Смотри, Мишенька, что я около вашего дома нашел! И показывает ему туго зажатый кулак.

— Вот здесь в кулаке. Было твое — стало мое, потому что ты, растяпа, потерял, а я нашел. Теперь не отдам.

Заливается Мишка слезами:

— Отдай! Ведь мое было.

Разожмет Колька свой кулачок, а в нем ничего и нет.

Дразнил и своих сестренок и брата.

Купит Наташа конфет, и чтоб детям было не обидно, разделит всем поровну. Залезут все ребятишки на печку, и начнет Колька рассказывать им интересные сказки. Оборвет сказку на самом интересном месте.

— А дальше что было? — Спрашивают младшие.

— А дальше не скажу, если не дадите мне все по конфетке. Малыши отдают.

И дразнит до тех пор, пока у малышей не остается уже конфет совсем, а кое у кого капают слезы: жаль конфет, и сказку дослушать хочется.

— Ну, сорванцы, а теперь получайте свои конфеты обратно. И все возвратит улыбающимся детям.

Катя продолжала учиться. Ходил в школу и Николай. Но Катя чаще и чаще стала задумываться: правильно ли она делает, что занимается в основном учебой, а на помощь дому времени остается мало, в то время как у матери трое совсем еще маленьких детей. А тут еще гармошки со всех зарянок не дают сосредоточиться над задачкой. Вон уже и ее любимые подружки Ксенька с Ленкой начинают бегать на зарянки.

— Какая разница, что изменится, если проучусь я годом больше или годом меньше?

И Катя не закончила семилетку. В ее воспоминаниях, да и при разговоре со знакомыми она упоминала о том, что закончила шесть классов. А мне с детских лет помнится, что школу, как она говорила раньше, мама оставила в пятом классе. Но с приходом советской власти, когда ликвидировалась неграмотность, она

стала стесняться своего начального образования и в анкетах при поступлении на работу стала писать образование «неполное среднее». И как же ей страшно, должно быть, было в военные годы принимать районную сберкассу, куда входили и Турки, и все деревни, колхозы и совхозы! Почти неграмотная, она взваливала на себя такую ответственную ношу, тем более в суровое время. Дай Бог, если я что-то путаю, и дай Бог, чтоб у нее были хоть те шесть классов, о которых она писала в анкетах.

Бросив школу, Катюша с головой ушла в домашние дела, с которыми матери, действительно, было справляться трудно. Она стирала, нянчила, убирала в доме, помогала в огороде и в поле. Зато вечером, конечно, зарянка! Сколько взоров устремлялось на молодую стройную девушку, с кем мало кто мог сравниться в плясках и песнях. Эти веселые годы юности Катя называла лучшими годами всей своей жизни. Вот кто унаследовал Марьину стать, стройность, нежную привлекательность и талант той же прабабки Марьи в плясках и песнях. Может быть, это все и погубило в будущем Катино счастье: через несколько лет ее руки стал добиваться гроза всех парней с этой улицы, отчаянный драчун и подвыпивший буян Петька Микиткин. Но это потом. А пока Катя была счастлива, весела, жизнерадостна.

И снова ночной пожар. Рядом с Куделькиными жила немолодая Елизавета Фатеевна Черышкина со своими двумя дочерьми, сыном и мужем. Рассказывают, что в молодости она была веселая, шутница, любительница почудить. Завернется, например, ночью в белую простыню, а вторую накинет на грабли, поднимет над собой и идет по переулку этаким высоченным белым привидением в темноте навстречу какой-нибудь парочке. Несчастные бросались наутек. Придумывала и другое: соорудит на ноги подобие копыт из кожи и придет к молодежи на зарянку. Как бы невзначай приподнимет чуть подол юбки. Какая уж тут зарянка, если у тетки Лизаветы копыта вместо ног!

Потом она овдовела, присмирела, но в народе до старости ее считали колдуньей. Сын ее уехал в город, приезжал только в отпуск. Она осталась с дочерьми, такими же рослыми, как мать, остроумными, веселыми.

Дружбы одной из ее дочек добивался некий Гузенов, парень с соседней улицы, собой невзрачный, низкорослый и, как говорили, корявый. Девушка, разумеется, и смотреть на Гузенова не хотела. В отместку он поджег сарай с сеном, где сестры ночевали на сеновале. Загорелся сарай, за ним дом. Огонь перекинулся и на соломенную крышу Осиных.

И снова все лето в строительстве. Снова такой же саманный дом. Помогали уже подросшие Катя и Николай. К зиме все было

готово.

В этот период Домом культуры стали руководить родственники Куделькиных, приехавшие из города. Старшие дети бывали на репетициях, а Катя не пропускала ни одного спектакля. Возможно, их внутренние данные, а также участие в работе клуба положили начало их большой любви к искусству, драматургии, сцене.

Дом у Осиных всегда звенел от смеха, песен. Всегда в этот дом собирались то подруги Кати, то товарищи Коли и Сережи. Они устраивали домашние вечера, разучивали новые песни, танцы. Сияют глаза Наташи:

— Смотри, отец, и Маруська-то им подтягивает. Слух и голосок у нее будет не хуже, чем у Катьки.

Улыбается отец:

— Голос у Маруськи, правда, как колокольчик. Но у Катьки другое, у Катерины талант: диапазон шире и вторить может любую песню без репетиции. Это ж дар небесный.

Материально семья заметно стала тоже жить лучше. Кто бы подумал, что с приходом советской власти так наладится жизнь! Давно и про лучины забыли. И у многих керосиновые лампы не простые, а лампы-молнии. Колбасная мастерская Петра в артель «Прогресс» вошла. Ему за добросовестный труд положили хорошее жалование, называют с уважением Петром Константиновичем. И глухонемой перевелся на работу на государственный маслозавод и тоже зарабатывает прилично. Его и не узнать: купил новый костюм, полуботинки, шляпу, трость. А всю получку по-прежнему, как правило, отдавал Наташе.

Семья с приходом новой власти постепенно стала забывать, как прежде не снимали лаптей.

Не любившая сидеть без работы ни минуты, Наташа тоже решила подрабатывать. Она подрядилась шить на дому полушубки для Красной армии. И энергичная Катюша рвется к работе. Зиму работала на элеваторе, чинила мешки, летом обрывала ягоду в бывшем барском саду, теперь советском, для открывшегося государственного плодоза-вода. И много отдавала Катя времени, помогая матери шить полушубки. Они разделили операции: Катя шила рукава, мать — все остальное. Вдвоем шить веселее и быстрее. Шьют и всегда в два голоса поют.

Николай к этому времени заканчивал семилетку. Ходили в школу и Сережа с Марусей. Хвалят их учителя на родительском собрании, говорят, что дети очень способные, активные и дисциплинированные. Радостно на сердце у Наташи. Счастлив и Петр Константинович.

Глава 4. Трофимовы

Самым крайним на улице Лачиновка стоял дом Никиты Трофимова. Был ли Никита вздорным или очень бедным, а возможно, его за что-то недолюбливали, но звали его все не Никитой, а Никиткой, то есть по-деревенски Микиткой. Да, впрочем, почти всех раньше в крестьянстве звали Ванькой, Васькой, Федькой, а не Ваней или Васей.

Умерла у Никиты жена, и дети разлетелись кто куда: кого-то убили на войне, кто-то уехал в город Царицын к родным, да так и остался там, хоть думалось, что едет ненадолго, но устраивались в городе на заводы, обзаводились семьями.

И пристала в Турках к Трофимовым по Никите уличная фамилия Микиткины.

Доживал Никита с женатым сыном в своем доме. И оставался при нем еще последыш Филька.

Появились у Никиты уже и внуки один за другим, росла семья. Филька был еще подростком, но удивлял всех разумом. Сам научился писать и читать. Случалось, что сидят все на семейном совете, решают всяческие вопросы. Думают-гадают, а дело не идет. И самый молоденький Филька, как правило, непременно подскажет, как лучше сделать.

Но вот и Филька повзрослел, привел в дом молодую жену. Мала была росточком его Груша, но лицом красива и характером хороша.

Жили две семьи в одном доме дружно. Но у обоих братьев продолжали рождаться дети, в доме становилось тесно. Решили Филиппа с Грушей отделить, всем скопом построить им домик рядом со своим, пусть саманный, маленький, но все же свой.

И теперь уже последним в улице стал дом Филиппа, а дальше в сторону Ильинки начинался пустырь.

Старший сын Филиппа Митя родился еще в старом доме дедушки Микиты. А в новом стали рождаться другие дети. Оля и Аня были погодки.

— Вот что, мать, — сказал однажды муж Груше, — давай-ка сад рассадим. Место тут привольное и земля не истощена, никто на этом пустыре прежде ничего не сажал. У нас родился третий ребенок. Да, ведь думаю, не последний. Пусть малышня потом лакомится ягодами да фруктами.

Привез Филипп саженцев, и закипела работа у трудолюбивой пары. Соседи смотрят, поговаривают между собой:

— Ай да Филипп! Ну, этот мужик зряшного дела делать не будет. Видно, хорошее дело затеял.

Дети подрастали, подрастал и сад. Вот уже и Митя ухаживает за молодыми деревцами.

Груша ждала уже четвертого ребенка, Лизу.

— Ох, и работящие Филипп с Грушей. Когда они и отдыхают? И детей с малолетства к делу приучают, — говорили соседи.

— Неужели, Филипп, у нас опять девка родится? Как бы я хотела сыночка!

В этот год у Микиткиных случилось горе — сгорел дом. Пожары в селе были частыми. У всех почти домов крыши были соломенными, и достаточно в сухую погоду было искры от папироски.

Горе для Микиткиных великое. Последний год и дед Никита жил у Филиппа: тесновато было у старшего сына, где семья была еще больше.

Грамотный Филипп собственноручно написал письмо в Царицын родным, поделился горем. Помощи не просил, но вместо ответного письма приехали родственники, старшие братья, чтоб помочь построиться заново.

В этот трудный год Груша принесла двойню: долгожданного сыночка Петю и дочку Лиду.

И задумали всей родней строить для большой семьи и дом побольше, да не саманный, а бревенчатый, срубовой. Лес помогла купить родня. Поместье, отведенное прежде Филиппу под саманный домик, не позволяло ставить большой дом. Решили поэтому поставить дом коньком, удлинив его за счет собственного двора. Крыльцо в этом случае получилось тоже не со стороны улицы, а со двора, сбоку.

Дед Микита не дождался конца строительства нового дома, умер. Все остальные к зиме въехали в новое просторное жилище. Чтоб спасти дом от пожаров, покрыли его не соломой, а железом. Вся улица теперь любовалась на дом Филиппа, а он, конечно, очень гордился.

Семья состояла из восьми человек: родители и шестеро детей.

Отец в поле ездил с Митей, Олей и Аней. Сам не любил сидеть без дела и детей не баловал, приучал крестьянствовать. Мать оставалась дома по хозяйству. Подросла и Лиза, она и нянчилась с двойняшками: Петей и Лидой.

Недаром Груша все ждала сына. Петя был красивым ребенком, черноглазым, кудрявым, шустрым. Больше всех других детей любила его мать. Вот ведь двойняшки они с Лидой, а Петя как-то роднее, милее.

Оля с Аней становились невестами, подросла и Лиза. Сестры очень любили наводить чистоту. В горнице на окнах непременно росли в горшках цветы.

— Мы, мама, и около дома надумали цветов насадить.

— Да оборвут все ваши цветы, куры стопчут.

— А мы попросили отца палисадник нам сделать, в нем и посадим.

И мать радуется. Трудно растить много детей, но ведь какие помощницы! Вон и младшая Лида пол пытается сама помыть. А старшие везде — ив поле, и в доме, и огород прополют, и польют, и дом побелят внутри и снаружи. Изо всей улицы на Лачиновке дом Микиткиных самый видный.

Но вот родился в семье еще один сын — Миша. А к Петяньке материнское сердце все равно больше тянется. Он уже подрос, ездит с отцом и Митей в поле, а Груша все наказывает:

— Ты Петяню-то там не перегружай.

Давно вынашивает Филипп мечту: дать детям образование. Ну, с Митей, Аней и Олей опоздали. Митька осенью жениться собрался, а там и Ольга с Анной упорхнут, а младших надо учить.

Дмитрий женился. Привел жену сначала в отцовский дом, но в нем все-таки тесновато, и построили молодым маленький домик. Некоторое время, правда, пришлось даже пожить на квартире.

Прошел еще год. И снова у Микиткиных две свадьбы. Олю просватали за двоюродного брата Петра Куделькина, а Анну — за двоюродного брата Куделькиной Наташи. Отдали девчат в небогатые дома, но к людям знакомым, уважаемым. Теперь с Куделькиными, жившими на одной улице, породнились с двух сторон.

Лиза в школу идти отказалась наотрез:

— Большая я, стыдно мне садиться за парту. Лучше мамане помогать стану по дому и огороду.

Трудно стало одному Филиппу в поле. В помощниках у него только Петька. Но как же далеко ему до хозяйственного Дмитрия! И мал еще Петянька, и ленив. Приходилось в горячую пору нанимать соседских парней и платить им зерном с урожая.

Петю и Лиду записали в школу. Лида учится старательно, но не всегда все у нее получается. Петька наоборот: хватает все с лета, а усидчивости никакой: то у него «голова болит», то «живот схватило». Все мысли — сбежать к мальчишкам.

— Вот, мать, — говорит Филипп жене, — это все твое баловство. Дети у нас, как дети, один он у нас непутевый, красавчик твой.

Семилетку ребята закончили. Родители решили, что Лиде учиться достаточно, все равно выйдет замуж да ребятишек начнет рожать, за домом следить.

— А Петьке — хочет он или не хочет — дам образование,

буду учить дальше. Осенью в гимназию пойдет, а дальше и выше учиться будет.

— С ума сошел, Филипп? Сам всю жизнь в лаптях, мечтаешь, чтоб сын ученый стал.

— Да что мои лапти? Я уж прожил жизнь, а для них только начинается. Вот и Мишка в школу пойдет. А если Петька учиться запро-тивится, ремень возьму.

(По другим рассказам, Петя в школе вообще не учился. Лиду записали в так называемую массовую школу, а Петю — в гимназию).

Филипп возами возил яблоки из своего сада на базар и к учебному году купил сыновьям новые формы. Часть денег от продажи фруктов еще и осталась.

Сбывается его мечта, дети будут учиться. Станут сыновья учителями, а, может быть, врачами. И вспомнил вдруг, как самостоятельно учил каждую букву и неуклюжими пальцами старался ее написать. Да все тайком, чтоб никто не узнал, не стал смеяться.

И вот — Петя гимназист.

Курят мужики-соседи, сидя у завалинки, судачат между собой:

— Детей-то своих Филипп нарядил как господ, ранцы им купил.

Идет Дуня с ведром, прислушалась:

— Да, Филипп-то Никитич пуп свой надорвал, от зари до зари то на сенокосе, то в поле. И соха у него аккуратная, и коса наточена, а вы спите до обеда, а потом сидите у завалинки. Тьфу на вас.

— Постой, Авдотья, плеваться-то на нас. А ты сама видела Агра-фену Савельевну на лавочке отдыхающей? Все-то она при делах. А вы, бабы, целыми днями сидите да семечки щелкаете.

А Филипп с семьей и в голодный 1921 год не бедствовал. Пшеница, правда, вся засохла на солнце, дождей не было. Но ржи немного собрать удалось. Может быть, и не хватило бы ее до нового урожая, но спас сад с огородом. Намочили две кадушки яблок, спустили в погреб. Так же кадушками насолили капусты, огурцов, помидоров. Уливали грядки летом, не жалея сил. Картошка, как и зерновые, уродилась плохая, но собрали всю до горошинки. Не голодала семья этот трудный год, все остались живы-здоровы.

— А Осины, Аграфена, глухонемого похоронили.

— Да ведь он, Филипп, умер не от голода, они тоже не бедствовали, не голодали. От тифа он умер, бедный.

В 1922 году крестьяне вздохнули, уродился хлеб. Но в семье

Микиткиных иные проблемы. Заупрямился Петька, не хочет ходить в гимназию. Дома-то скажет, что пошел в гимназию, а сам к товарищам, да с удочками на Хопер рыбу ловить. Долго бился с ним отец, а потом и рукой махнул:

— Ремень в руки не возьмешь, стыдно. Да и не сладишь, взрослый стал.

И бросил Петр гимназию. А вскоре ее и вовсе закрыли. Открыли в Турках теперь две школы: маленькую стали называть массовой, а двухэтажную — образцовой. Страна ставила вопрос о массовом образовании всех детей. Дети пролетариев должны учиться в школе непременно, поступать потом по возможности в техникумы и институты. Учеба бесплатная — так постановила советская власть. Более того: успевающим учащимся выплачивали и деньги — стипендию. Учись, кто пожелает. Люди верили и не верили. Сказка, да и только.

Ольга и Анна Микиткины со своими мужьями уехали на Украину по призыву партии и правительства на шахты. Строить шахты или работать на них, Филипп этого не знал, но поездку одобрил:

— Что ж, пока детей еще нет, пусть начинают новую жизнь.

(Так и остались эти две семьи на всю жизнь в Донбассе, приезжая иногда в Турки в отпуск).

А на следующий год пришли к Микиткиным сватать Лизавету. Не нравился жених Филиппу Никитовичу. Длинный как жердь этот Афанасий Захаровский. Но даже не это главное. Создавали мужики на Селявке какую-то непонятную ему, Филиппу, коммуну. И Захаровские туда же. Уже дворов пять-шесть объединили свои земли в коммуну. А как урожай делить? Как труд свой сравнить? Он, к примеру, Филипп, привык трудиться от зари до зари. А Панкратовы и Курбаткины, соседи его, до обеда валяются, а в поле приедут, в холодке лежат. Вот и не одобряет Филипп эту Селявину коммуну, вошедших в нее Захаровских. И сжимается сердце за судьбу дочери. Но Лиза не отказалась от жениха. Филипп не перечил и выдал дочь на Селявину гору Захаровским.

В поле ездил Филипп теперь с младшими детьми, а в самую страду вместе с ними и Груша. А вечерами Петянька и Лида спешили на зарянку, иногда просто к подругам и товарищам. Только стал замечать отец, что от Петьки иной раз спиртным попахивает. И сколько ни ругал, сколько ни просил жену не давать парню денег, не баловать, Петр случай от случая продолжал выпивать — всегда у него на это были «причины».

Был Петька веселым, общительным выдумщиком на всякие затеи. И всегда за ним ходила ватага ребят, а он у них вроде за

атамана.

А Лида посещала зарянки все реже.

— Что же ты нынче дома, дочка? Что же женихов не выбираешь?

— А я выбрала, мама. Он сейчас в Саратове учится. Он активист, в партию вступил, и послали его в губернию на учебу. Да я его со школьных лет знаю, учились вместе. Может быть, и ты знаешь Чуркиных?

Нет, Груша не знала. Заныло материнское сердце. Что за Чуркины эти?

Ну, а Петька прихорашивался перед зарянкой. Может быть, тоже невесту подыскал? Спросила об этом Лиду.

— Невесты у него нет. Но вот с Катьки Осиной на зарянке глаз не сводит.

Мать руками всплеснула. И так они уже родня с Осиными и по отцу, и по матери: двух старших дочек Осиным родным уже выдали.

Права Лида. Катюша Осина для Петра — свет в окошке. Не будь ее, и на зарянку незачем идти. Только вот песен петь, как она, он не горазд. Но в пляс иной раз пойдет, не устоит. А сегодня он решился проводить ее до крыльца.

И вот провожаются они целую неделю, долго стоят у крыльца, расстаться не могут.

— До чего же симпатичный парень, — думает Катя, — стояли бы вот так и стояли.

Но девичья гордость диктует иначе:

— Ну, иди, Петя. Не до утра же вот так будем стоять.

— Я бы не до утра, я бы всю жизнь рядом пробыл, все глядел и не нагляделся бы.

Весело Кате! А сколько других хороших парней! И все приглашают танцевать нарасхват.

Кулаки сжимает Петр, когда Катюшу приглашает танцевать другой парень, так бы вот и оттолкнул каждого.

Проводив однажды до крыльца, сказал:

— Больше ни с кем не танцуй.

— Что? — удивилась девушка.

— А то! И не улыбайся никому, и не здоровайся с ними. Я смотреть на это не могу.

— А не много ли ты на себя берешь?

Круто повернулась Катя на каблучках, вбежала по ступенькам и захлопнула за собою дверь. Долго еще стоял Петька у крыльца. Вот взять бы ее да улететь на край света, где никто на нее, кроме него, Петра, взглянуть не смог и пальцем прикоснуться. Трудная эта штука — любовь.

На другой день Катя подошла к Петру на зарянке и сказала о том, что даже отец с матерью ей не дают приказы, а ему и вовсе командовать собою она не позволит.

Несколько дней Петя не был на зарянке, зло свое вечерами срывал на домашних.

Катя зарянок не пропускала. Она пела и танцевала, но что-то для нее там было не так, не весело, как прежде при Петьке.

Но вот и Петр не вытерпел, пришел на зарянку. Но ни один из них сначала не сделал навстречу друг другу и шага. После похорон четверых детей Катя была слишком долгожданным и дорогим ребенком в семье Осиных. Ее очень баловали, особенно отец. И к тому же, как старшей сестре, ей подчинялись все младшие братишки и сестренки. Характер ее сложился непокорным. Петя же с пеленок был избалован матерью, хоть Филипп пытался с этим бороться. И вырос Петр очень своевольным. Поэтому молодым людям трудно было уступать друг Другу.

Но вот осмелился Петя и пригласил Катюшу танцевать. Не отказала.

— И чего я взъелся? Почему ей не потанцевать с кем-то и другим? — думает в нем один Петр. Другой голос говорит ему совсем другое:

— Да потому что я умираю от ревности.

И через несколько дней произошла неприятность. На зарянке к Катюше пригласить на танец направился парень.

— Если он ее возьмет за руку, если обнимет за талию и поведет в танце, я убью его.

И откуда сила у этого невысокого Петьки? От злости, что ли? Парней еле разняли.

Подобные случаи стали повторяться.

И Катя начала избегать Петра. Но если не придет она на зарянку, он непременно подкараулит ее у колодца или просто на улице на дороге. Ноги сами несли его к дому Осиных. Но ее братья всегда говорили, что Кати нет дома.

Однажды Петр проследил за ней, когда она пошла к Волковым на Селявку на девичник. Выдавали замуж Наташу Черышкину. Стемнело. Подошел Петр к окну дома Волковых. Так и есть: вон она, Катя, в розовой кофточке и зеленой юбке-клеш, сшитой, как у его сестры Лидки.

— Все равно перехвачу, когда пойдет домой, — задумал Петр. И для храбрости несколько раз хлебнул из бутылки, которую держал в кармане.

Но домой Катя пошла не одна, а под ручку с невестой и ее женихом.

Петр допил из бутылки до дна и с размаху налетел на них. Он хотел схватить Катю за руку, но его руку перехватил сильный Кондратий, жених Наташи. Парни стали драться, а перепуганная Катя убежала в дом Волковых, да там и осталась до утра.

Брат Наташи Леонтий советовал подать в суд на хулигана, потому что девушке не стало ни хода, ни прохода. Но родители Кати, считая Микиткиных своими родственниками по двоюродным братьям, не хотели причинять неприятность Филиппу и Груше, которых уважали.

Петр не находил себе места и через день уговорил-таки старшего брата Митю идти к Осиным и сватать Катю. Дмитрию не нравилась просьба брата.

— Да не отдадут они свою любимую дочь за тебя, разбойника. Так оно и вышло. И родители не отдали, и Катя отказала наотрез. Долго Петр не видел свою ненаглядную, но однажды повстречал ее, идущую с подругами и попросил выслушать его. Он объяснялся в любви, извинялся за свое буйство и просил простить его. Катя сказала, что давно простила, но встречаться с ним не будет.

Прошло два года. Они не встречались. Петр случай от случая выпивал со своими друзьями, любил повздорить, подраться. Но на других девчат не смотрел.

В этот период просватывали любимую подругу Кати — Ксеньку за нелюбимого Леньку Борисова, потому что хозяйство Борисовых было несколько богаче, и матери Ксени казалось, что делает дочери добро, выводит ее из нищеты. Ксенька заливалась слезами, видеть не могла Леньку.

— Катя, подружка моя, признайся, — спрашивала она, — неужели ты не любишь Петра, что отказываешься от него? Он самый красивый парень, любит тебя без памяти. Вы же пара. Я бы с радостью пошла за Петьку.

— Не знаю, что сказать тебе, Ксеня. Он буйный, от него всего можно ожидать. И я боюсь его, когда случается быть одним. В нем как черт сидит: то в любви клянется, то куражится, а как ревнив — сама знаешь. Красив, конечно. И вспоминаю его часто, и все время ловлю на себе его взгляды.

Под Рождество три задушевные подруги — Лена, Катя и Ксеня — пошли колядовать в магазинах, нарядившись посмешнее. Катя была «барыней», взяв в руки вместо ридикюля кизяк, вместо шляпы надела решето. Ленка нарядилась цыганкой. Не помнит Катя, когда она в последний раз так веселилась. Девчата пели, лихо отплясывали, получали гостинцы.

Румяная с мороза, веселая вбежала Катя к себе в дом:

— Ой, мама, а мы святошничали. Я была барыней, Ленка

цыга… И замолкла на полуслове. Она вдруг увидела Дмитрия, старшего

брата Петра, с женой. Все поняв, прошла в горницу. Следом за ней вошла и мать. Заговорила невесело:

— Что же ты скажешь, дочка? Ведь опять прислал сватов.

— А как вы? — Катя была растеряна.

— Да не нам с ним жить. А ну как драться будет? Вошел к ним и Дмитрий:

— Нет, не будет. Женится — переменится. Он души в ней не чает. А проще — жить без нее не может, и нам всем покоя не дает. С ума по ней сходит.

Уговаривали долго. И уговорили. Катя дала согласие.

Петр в такое счастье и поверить не смел. Стал торопить со свадьбой: вдруг Катерина раздумает?

Не прошло и месяца, как сыграли свадьбу. Это было второго февраля 1926 года. Но уже через два дня Катя проглотила первую обиду.

Петр, оказывается, пропил деньги, которые дал ему отец на золотое обручальное кольцо невесте. Кольцо жених одолжил у сестры, а потом сразу же отобрал его у жены.

Но в семье Микиткиных Катю полюбили. Отец считал ее девушкой развитой, умной. На какие только темы она не разговаривала со свекром. Его даже интересовали вопросы, как понимает Катя слово «нация» и другие вопросы, которых он не касался с членами своей семьи. И очень любили родители Петра слушать ее пение.

Частенько просил свекор:

— Спой, Катюша, мою любимую.

Катя пела, старый Филипп подпевал:

Милые подружки, Какой нынче свет, В нынешних ребятах Ни в ком правды нет.

Он любить-то любит, Замуж не берет. Подарочек сулит, Дарить не дает.

Не дорог подарок, Память дорога. Взгляну на подарок, Вспомню, мил, тебя.

Все было бы хорошо и дружно, но пить Петр не переставал, а напившись, ко всем придирался. Нет, Катю он и пальцем тронуть не смел, но всем остальным доставалось в доме крепко, особенно отцу, у которого Петр требовал денег на водку. Дело доходило до сильных драк, до того, что Филипп от сына прятался на потолок. Теперь и Груша поняла, во что вылилось баловство любимого сыночка.

И Филипп отделил сына с невесткой. Пусть Петр побудет хозяином, может быть, тогда возьмется за ум. Сняли им квартиру

на Гавриловке, дали лошадь, немного хлеба, а Осины — телочку. И за что бы Катя не бралась, Петр во все встревал, лез сделать сам: то ли помочь хотел, то ли не доверял. Корову доить и то лез сам. Варить, стирать, даже шить — везде он тут как тут. А когда под хмельком, то все ему казалось, что Катя делает не так.

Особенно напивался Петр в праздники. А в гости с ним лучше не ходить. Теперь он уже на правах мужа не просил, а требовал, чтоб никому Катя не улыбнулась, ни на кого не взглянула, иначе скандал и драка. Нет, ее лично при всей его буйности не трогал, а тех, к кому ревновал, избивал. Любовь ли это безумная? Хулиганство ли?

Дело было зимой. Они пришли в гости на какой-то религиозный праздник к родственникам. Что-то Петру не понравилось:

— Свяжите меня, иначе не вытерплю и сейчас драться буду.

Связали, положили на кровать. Все веселятся, а Кате не до веселья: муж лежит связанный по рукам и ногам. Вдруг кто-то сказал о том, что по дороге идет поп.

— Развяжите меня. Чего доброго, вдруг батюшка сюда зайдет, а я связанный.

Развязали. А он и обуваться не стал, выскочил в одних носках и, размахивая руками, кричал во все горло: «Держи долгогривого!», мчался за попом. Поп улепетывал от него во всю прыть, только полы рясы да борода развевались по ветру. Петька хохотал, а Катя от стыда плакала. Но бес еще не давал ему успокоиться. И, придя домой, учинил скандал.

Близилась весна. Дедушка Алексей Осин, теперь уже Колбасников, пригласил их на крестины своего внука. Собрались и другие родные, сидели за столом, праздновали событие. И как прежде свекор, теперь уже дедушка Алексей попросил певунью Катюшу спеть его любимую песню. Катя запела:

Я сирота, мне в мире нет счастья,
Я как родился не видал.
Мне веют вечные ненастья,
Чужих…

Оборвалась песня. Петр молотил кулаками седого старика, приревновал к деду. От стыда Катя бросилась в родительский дом и оттого, что дома с мужем не обойдется без очередного скандала. Вбежав к своим, от слез не могла вымолвить ни слова. Слегка успокоившись, сказала:

— Не могу я больше, мама, не выдержу. Не надо мне такой его любви бешеной.

— Уйди от него, родная, пока не поздно.

— Боюсь, что поздно, я жду ребенка. На аборт в больницу

пошла бы, да он не пускает. Узнает, все двери там выломает, окна переколотит, если не пустят.

— Перехитрить-то его можно, — говорит мать, — в Аркадак поедем, там и сделаем. Но для здоровья плохо, случается, что после аборта первого ребенка, может не быть уже детей никогда.

— Я на все согласна, мама. Жить с ним сил уже нет.

Ехали грустные, то одна вытирает слезы, то другая. За что ей терпеть боль? Напрасно тогда вторично не отказали сватам.

Проспался Петр, бросился искать Катерину. Откуда-то узнал-таки, куда они уехали с матерью. Сел верхом на лошадь и — в Аркадак. Только бы успеть!

Но было уже поздно. Теща и жена возвращались домой.

И снова начались извинения, клятвы, признания в страстной любви, просьба поверить ему в последний раз.

Катя не соглашалась, жила в родительском доме. Наступило уже лето, а он все ходил и молил о прощении.

И она, наконец, к нему возвратилась. Петр старался предугадывать все ее малейшие желания. Лето прошло спокойно, в полном согласии.

Осенью, когда кончились полевые работы, на селе начались свадьбы, праздники, и Петр снова стал выпивать, искать причины для скандала. Постепенно, медленно, но все начиналось сначала. Буянил и дома, и у своего отца, который не знал уже куда от стыда прятаться.

Шел месяц за месяцем. Петр кутил со своими дружками-собутыльниками. Катя все еще терпела, ждала, может быть, опомнится.

Но вот однажды пьяный привел в дом гармониста. Тот играл, а Петр плясал и буянил: вылил на пол два ведра воды, перебил посуду, стал рвать подушки, бросать все на пол, только перья летели по дому.

Катя, беременная вновь уже шесть месяцев, дрожала от страха, не зная, что еще учинит этот безумец. Она успела схватить лишь висевшее у порога полотенце и в ночной сорочке, босая, укрываясь полотенцем, бежала в марте месяце по снегу через улицы и кладбище к дому родителей.

Долго потом Петр обивал пороги. Но Катя не вернулась. Он это понял окончательно, уехал в Царицын к двоюродным братьям и поступил учиться в фармацевтический техникум.

Глава 5. В Родной Семье

Семья Осиных к этому времени уменьшилась. Татьяна с мужем Костей и новорожденным сыном Борей жила отдельно своей семьей. Умерла слепая бабка Марья. Овдовевшая после гибели Семена Лизавета вновь вышла замуж. Ее сватал сосед, холостой парень Андрей Громов. Но ей по душе был совсем другой человек, бывший революционер, теперь член партии большевиков Владимир Старцев, тоже вдовец, которому жена оставила после смерти четверых детей. За него Лиза и вышла замуж на четверых детей.

Вскоре партия послала его в Дагестан на укрепление советской власти в республике. И вся семья уехала в Махачкалу.

У Куделькиных осталась теперь постаревшая мать Петра Константиновича Маша, которая с приходом советской власти разогнула свою спину от купеческих корыт: купцы разъехались кто куда, одни в города, а те, кто побогаче — за границу. Их дома и магазины перешли в собственность государства. В домах размещались различные учреждения: почта, сельсовет, райфинотдел, Дом крестьянина, райпромторг, сберкасса, госбанк.

Старая Маша помогала снохе у печки, следила за внуками. Петр Константинович возглавлял колбасную мастерскую артели «Прогресс», оставаясь при этом и ее опытным мастером. Наташа уговорила его походатайствовать в «Прогрессе» за ее уже семейных братьев, попросить дирекцию принять братьев учениками в колбасную мастерскую. У Степана к тому времени было уже двое детей, Иван был бездетный, жену привез себе после войны из Латвии. Звали ее Виль-мой {или просто Вилей).

Сама Наташа Осина тоже продолжала подрабатывать. Когда не стало нужды в пошиве полушубков для Красной Армии, она переключилась на пошив детских рубашонок. И в те первые годы советской власти, когда в магазинах не было еще большого достатка швейных изделий, Наташа продавала рубашечки в базарные дни крестьянам, приезжающим на базар из дальних деревень со своим товаром: мукой, зерном, крупой. От многих Наташа имела даже заказы. Шить она умела с юности, работу эту любила, а на вырученные деньги покупала многое необходимое для семьи и детям гостинцы. Но некоторую сумму всегда откладывала и на «черный день».

С базара, как правило, заходила к своей младшей сестре Лизе, жившей при царизме в няньках у богачей с малых лет. Теперь Лиза была замужем за серьезным трезвым человеком, служащим райпо-требсоюза. Материально жили неплохо, растили

двоих сыновей.

Если у Наташи оставался от базарного дня «товар» не проданым, они ехали в соседний Аркадак: базарные дни там с Турками не совпадали. Она посоветовала этим не очень легким, но прибыльным делом заняться и своей сестре Санятке, муж которой был разнорабочим на элеваторе. Они имели пятерых детей, и заработок Сани им бы не помешал. Так и продолжала Наташа заботиться где словом, а где и делом о своих братьях и сестрах.

Почти день и ночь стучала швейная машинка Наташи. Ездили с сестрой они теперь уже и в соседний Романовский район. Она гордилась своим трудом и заработком, который превышал получку мужа. Но Петр приносил постоянно мясные обрезки, кости на борщ, сало, а в день, когда варят — горячую коляску колбасы. Правда, не всегда отец доносил колбасу до дома. Услышав по дороге детские голоса «дядя Петя, дай колбаски», он разламывал все на куски и раздавал.

Намолачивали Осины немало хлеба, снимали урожай с огорода. Семья жила безбедно. Вот и младший брат Наташи Пашка, оставшийся без матери грудным младенцем, привел к себе в дом молодую жену Фросю, девушку умную, работящую. На свадьбе Павел сидел

нарядный и бравый. И Наташа вдруг на миг вспомнила крохотного Пашку-заморыша, которому она из своей старой кофты шила к Пасхе распашонку.

И Павла теперь по ходатайству Наташи приняли в колбасную мастерскую. Значит, семья всегда будет иметь наваристые щи и зарплату.

Жизнь людей с приходом советской власти, когда не стало эксплуататоров-бар и помещиков, — заметно улучшилась, стиралась грань между богатыми и бедными.

Но все время неспокойно у Наташи на душе, ноет и ноет у нее сердце за самую любимую дочь Катерину, терзают одни и те же думы: лучшая девка из улицы и несет свои страдания, выбрала себе в жизни такой крест. Правда, говорится в пословице о том, что кто красивый — тот несчастливый. Вспоминается Наташе и то, как Катя моет полы, а сама и поет, и пляшет, да такие коленца выделывает, думая, что никто не видит. А ею, босой, в стареньком платьице, даже соседки любуются, заглядывая украдкой в окно. Как-то бабка Лизавета, которую в народе звали колдуньей, не вытерпела: «Душенька ты наша, уймись. Попомни мое слово, вот так ты ненароком когда-нибудь и ноги переломаешь на мокром крашеном-то полу».

{Слоено сбылись отчасти слова старой «колдуньи»: причиной

смерти моей мамы Кати стал перелом бедра).

А Наташу все точили те же мысли: правда, мол, говорят люди о том, что кто много веселится, то не к добру, тот горя хватит. Или: «Кто много поет, тот столько же и вопить будет». Эту ночь особенно неспокойно Наташе. Весь дом спит, а ей — хоть глаз выколи — нет сна.

Дробный стук ног по ступенькам и в дверь удивили Наташу. Кто бы это?

В дверь вбежала дочь. Босая, в тоненькой рубашке на лямках, укрывшая голые плечи лишь полотенцем. Ее колотит дрожь, рыдает. Упала на грудь матери. Растерли полуобмороженные ноги водкой, напоили чаем, уложили на горячие кирпичи на печке.

Только тогда стала рассказывать Катя о том, что вытворяет изо дня в день Петр уже полгода с самой осени, сколько она скрывала свою беду, переносила одна, на что-то еще надеялась. Наташа гладит дочь по голове, а у самой текут слезы, вспоминает и свою мать, которую муж загнал в могилу, не доживя века.

— Не пущу больше тебя на мытарства.

Того же мнения был и отец. Любимая его дочка молода, ей всего двадцать один год, вся жизнь будет впереди. А родится ребеночек, они с Наташей сами его помогут вырастить.

Петр не появлялся целую неделю. Кутил ли с друзьями или стыдился идти к Осиным. Но вот начались его извинения, бесконечные мольбы о прощении. Им и конца не виделось. Катя страдала: ломалась семья, и ребенок родится без отца.

— Ну вот что, дочка, если и на этот раз ему простишь, пеняй на себя и больше взад-вперед не бегай. Но думаю, что не ошибаюсь — толку с такого мужа не будет. Пока родится один ребенок. А что ты будешь делать, когда родишь еще? Уходить от него — не миновать.

Однажды, спрятав Катю на печку, сказали, что она уехала к родственникам, и в Турках ее нет.

Петр не находил себе места. Вгорячах он поехал в ближайшую деревню Ильинку и привез себе «новую жену», а через два дня отвез ее назад. Его мечущаяся душа не находила покоя. Больше в Турках он оставаться не смог. И уехал в Царицын.

Мучилась от не сложившегося счастья и беременная Катя. Она еще не могла понять, правильно ли она поступила. Братья жалели ее, льнули и младшие сестренки.

— Не горюй, — успокаивал прежде всегда немногословный отец, — не терпеть же тебе такую жизнь с ним до гробовой доски. А о будущем своего ребенка не тревожься.

Дружно в семье Осиных. Катя помогает матери в шитье, дело

спорится. За работой сердцу немного полегче.

Николай ходит за скотиной, делает всю работу во дворе. Сережа с Марусей — школьники-отличники. С осени записывать в школу и Лиду.

И снова пожар. Расселились в сараях. Нет, нельзя больше покрывать дом соломой. Недаром Наташа откладывала деньги на «черный день». Теперь решили построить дом из сруба и покрыть его железом. Дорого, но даже в сарае стучит Наташина машинка, и снова она в любую погоду стоит на базарах Турков и других сел.

Наняли плотников, помогали и муж с сыном Николаем. Застучали топоры, закипела работа. Но Наташа мало бывает дома, сейчас ей как никогда нужен заработок, ее целиком поглотила работа.

Приехала как-то раз из Романовки, устала, да годы клонятся к пятидесяти. Подходит к стройке, а все сидят на бревнышках покуривают. И муж с ними тоже.

— Тебя, хозяйка, ждем. Давай приказ, что делать дальше.

Вот тут Наташа «взорвалась»: стояла на солнышке на базаре с самого утра. Ночь строчила при лампе в сарае, с рассветом отправилась торговать, не чаяла, как до дома добраться и упасть хоть на полчаса, а муж посиживает, покуривает и думать ни о чем не хочет.

Так уж повелось — везде сама. Как пришла в этот дом девчонкой, нарекли хозяйкой, и не только делать, даже думать и решать приходится самой. Всегда велось так, что за Наташей — все как за каменной стеной: Наташа все решит, Наташа сумеет, Наташа не ошибется.

И все равно леса не хватило, покупать уже было не на что. Уложили одну матку (балку перекрытия), отличающуюся от остальных, плохо отесанную, так как бревно поуже, потоньше других. Не хватало половины досок; кое-что удалось спасти от сгоревшего дома, эти доски уложили частично на крыльце. Не на что купить дубок для порога. Применили, к сожалению, старый дубовый брус, на котором прежде разрубали мясо или чурки. (Это четко видно и сейчас в кухне у двери на пороге нашего дома).

Первый день Троицы, воскресенье. Все украшали свои дома зелеными ветками. Девушки нарядились в праздничные платья, ходят веселыми стайками вдоль улицы. А Кате невесело, ушла вглубь огорода, легла в густую траву под Преснушку, никак не остановить слез.

Вдруг почувствовала сильную боль внизу живота. Вот она повторилась снова. Сказала об этом бабушке Маше.

— Ведь это роды начинаются. Собирайся, родимая, я сама поведу тебя в больницу, — засуетилась старая Маша.

И на первый день Троицы 5 июня 1927 года у Кати родился ребенок. Это была девочка. Назвали Тамарой. Из родильного дома Катя пришла с ребенком к соседям Рыбниковым. Остальные члены семьи до окончания строительства жили в сарае и мазанке, стоявшей на краю оврага.

Осенью семья вошла в новый дом.

Было у маленькой Томуськи столько бабок и столько нянек, что Кате почти и не доставалось очереди, чтоб понянчить дочку.

Вскоре Петра Константиновича выбрали членом сельского совета. Протоколы заседаний сельсовета помогала оформлять Катя. Она интересовалась общественными делами, новой жизнью своего села. Вместе со своей подругой Лизой Миловановой (снохой Ксени) дежурила в штабе по хлебозаготовке, оформляла протоколы и там. Постепенно она, от природы очень активная, стала в курсе всех сельских дел. Молодую активистку заметила председатель женорга М.И. Лапина. Ее привлек и стиль Катиных протоколов, в которых она умела точно охватывать мысль выступающих.

В 1929 году началась коллективизация, создавались один за другим колхозы, в которые входило все больше и больше семей, в большинстве своем малоимущих. Катя все чаще бывала в сельсовете и штабе. И однажды Лапина пригласила ее к себе:

— Ты очень хорошо пишешь, Катюша. А хотела бы ты где-нибудь поработать?

— Да разве же нет, если смогу?

Первым поручением было заключение социалистических договоров между колхозами Турковского района. Восемь дней ходила Катя из колхоза в колхоз, из деревни в деревню. Лапина осталась довольна проведенной работой, четким и грамотным оформлением протоколов и бланков — порученное дело выполнено со всей ответственностью.

— А теперь иди в нарсуд, — сказала ей Мария Ивановна, — поучишься три месяца и зачислят тебя в штат на зарплату. Там о тебе уже знают, иди.

Но уже через два месяца Катя в качестве секретаря вела протоколы гражданских дел, а еще через месяц протоколы дел уголовных.

Готовился уходить на пенсию старый следователь Чулков. Именно из Кати решил подготовить себе смену, много учил ее, давал дельные советы, бывал и у Куделькиных частенько дома. Радовалась маленькая Томка, когда приходил к ним старый Чулков. Он подхватывал ее на руки, усаживал на колени, и они начинали учить стихи:

Котик серенький присел

На печурочке.
И тихонечко запел
Песню Юрочке.
Вот проснулся петушок,
Встала курочка.
Поднимайся, мой дружок,
Вставай, Юрочка.

Но Катерина наотрез отказалась ехать в Саратов учиться на следователя. Были нередкими случаи мести родственников раскулаченных или осужденных. Так, в этот период в Ртищеве был убит сын следователя, только что отслуживший армию.

Катя работает в суде уже около двух лет. Дочка подрастает, окруженная заботой родных. Катя стала ходить на репетиции хорового и драматического кружков в Дом культуры, выступать в концертах.

Очень полюбила художественную самодеятельность, сцену. Часто ставили серьезные спектакли: «На бойком месте», «Грозу» Островского и многие другие.

Домой иногда ее стал провожать Андрей Яшков. Парень хороший, в противоположность Петру спокойный, мягкий, деликатный; пользовался авторитетом на работе в райфо. И внешне недурен: высокий, стройный, симпатичный. У Петра была яркая красота: темные кудри, карие глаза. У Андрея же лицо с тонкими чертами, голубые глаза, прямой нос, светлые волосы и щеки с румянцем. Поговаривали, что у него чахотка {туберкулез легких). Как он ни уговаривал, Катя и слушать не хотела о замужестве, за один год замужней жизни так нажилась, что и думать об этом пока не хотела. Да и чувств сильных к Андрею Катя не питала.

Андрей не отступал, стал заходить к Осиным домой. Волчонком смотрела на него Томка. Какая разница в дядях: Чулков или Яшков? Но детское сердце эту разницу находило. И на гостинцы не смотрит, даже ручонки назад.

— Неужели мне гостинцы назад нести или бросить? Практичная девочка находила выход:

— Вон Лидке их отдай.

Дел на работе в суде стало невпроворот, особенно по раскулачиванию. Опытный судья Манухин уже один не справлялся. В помощь дали выдвиженца И.И. Грачева. Это был почти сосед Осиных, жил на той же улице Лачиновка. О нем поговаривали в улице как о человеке, у которого «не все дома». Он пытался когда-то торговать в керосиновой лавке, но не сумел, потом увлекся церковью, пел в церковном хоре на клиросе, грамоты почти не знал. Неожиданно для всех вступил вдруг в

партию, пытался выступать на собраниях, но, как правило, не по существу, а чтоб показать активность {или по глупости). И вот этот самый Грачев на удивление всем, кто его знал хорошо, был назначен вторым судьей в помощь Манухину.

{В первые школьные годы я начинала играть с его дочерью Лидкой, учившейся в нашей школе класса на два-три старше меня. Но она была настолько тупа, что потом ее стали оставлять в каждом классе на три года. Я уже стала старшеклассницей, а Лидке так в это время и пришлось бросить школу, не перешагнув в пятый класс. Позже она родила двух детей. К несчастью, и они обе были умственно отсталыми. Возможно, наследственность.)

Вот такому чудо-судье доверили решать человеческие судьбы: он не понимал ни одной статьи в кодексе по уголовному делу. Во время суда выкрикивал разные глупости, грубо превознося свою персону. Зал хохотал, а суд превращался в спектакль. Но печальнее всего, что он не разбирался, кулацкая ли это семья или вовсе нет. Почти в каждом человеке ему мерещился кулак. А коли он решил, что перед ним кулак, всех мерил одной меркой — десять лет тюремного заключения. И каждую неделю суд выезжал на несколько дней в деревни и села района. Сколько пострадало невинных людей по вине глупого самодура! К примеру, такой случай: Грачев осудил, как кулаков, наибеднейших крестьян, которые с приходом советской власти коллективно арендовали бывший барский сад. «Кулаки» стояли на суде босые, оборванные. Зная хорошо Грачева и предвидя приговор, Катя в перерыв сбегала к родным несчастных, чтоб те хоть успели собрать узелочки подсудимым, ведь их погонят на Турки как есть — босыми и раздетыми, а приговор будет неизменным — десять лет. Подобное повторялось без конца. Перенесшая стресс в семейной жизни, ранимая Катя приезжала с судов больная. Какой уж тут драмкружок? Какая самодеятельность? Прямолинейная по характеру, Катя решила бороться. Она стучалась во все двери руководства Турков, писала в область о глупом выдвиженце Грачеве, наломавшем немало «дров», не только просила, но и требовала разбора, пересмотра дел, создания комиссии.

Подбирался Грачев уже и к дому Микиткиных. Филипп с Грушей остались одни, даже младший Миша уехал работать в Донбасс на шахту. Но как раскулачить? Сыновья и дочери работают на заводах и шахтах. Старшая дочь Лиза работает с мужем в колхозе, младшая замужем за инструктором райкома партии. Сам Филипп из бедняков, кроме лаптей, не знал другой обуви.

Но «обвинения» нашлись. В то лето, когда Дмитрий женился и отделился, а Петька был еще мал, на уборку хлеба себе в

помощь Филипп нанимал двух соседских парней. И это уже «улика», об этом знают и подтвердят соседи. Получается, что у Филиппа были батраки, что он эксплуатировал чужой труд, что свойственно кулакам. Кроме того, Филипп не хотел вступать в колхоз. Ему, разумеется, и незачем. Им, пожилым людям, разменявшим седьмые десятки своих лет, хватает еды со своего хозяйства. Да и много ли наработают в колхозе люди, которым перевалило за шестьдесят? Не за что раскулачивать. Но очень уж у Микиткиных дом хорош! Из штаба по хлебозаготовке принесли извещение на налог. Пусть Филипп покрутится.

Крутись не крутись, но нет у Филиппа столько зерна.

Вечером прибежала Милованова Лиза, работница штаба.

— Дядя Филипп, не вы первые, не вы последние: кто не погашает налог, на того заводится дело по раскулачиванию, считают, что состоятельные крестьяне припрятывают зерно.

— Да нет у нас такого зерна. На смех, что ли, такой налог состряпали? Закручинились Филипп с Грушей.

— Видно, придется, мать, и нам уезжать в Царицын, пока повестку в суд не принесли.

— Да ты что? Мы из Турков-то сроду не ездили дальше Ильинки или Каменки. Адом как? Скотина? Сад?

Дом… Даже в глазах защипало у Филиппа. Вспомнил, как он молодым, тогда еще сильным, собирал по бревнышку этот дом. Да и не собрал бы, если б не родные. Каждая часть дома имеет свою историю, памятна. Сжимается сердце. Но где выход? И Лиза предупредила.

— За домом присматривать будут дочери, станут писать нам. Если власть не отберет.

Тяжело на старости лет оставлять все родное, нажитое своим же потом. Но от Грачева добра не дождешься.

И поехали старые Микиткины в незнакомый чужой им Сталинград, бывший Царицын. Город встретил их неприветливо: шумный, пыльный. Несказанно тянуло назад в Турки на родные просторы. Но вскоре дочери прислали письмо и сообщили, что дом их перевезли в колхоз, а сад вырубают соседи на топку. Затосковал Филипп, а вскоре тяжело заболел. Шел голодный 1933 год.

После похорон Филиппа Груша не знала ни дня покоя. Она тосковала по родине не менее мужа, а с тоской прилипалась одна болячка за другой. Перед смертью (воспаление легких) она упросила Петра увезти ее в родные Турки, чтоб лечь в родную землю. Хоронили ее в Турках из дома младшей дочери Лиды.

Но вернемся несколько назад, к периоду 1931–1932 годов. Понял Грачев, что готовится ревизия по проверке его дел, и кто

был инициатором, кто заварил эту кашу. Кате не стало житья, редкий день она домой приходила без слез.

Комиссия обнаружила в суде неправильными пятьдесят два дела. Сколько же людей пострадали невинно! Грачев был незамедлительно с работы уволен. Но наказания, к сожалению, не понес.

Судьей вместо Грачева назначили ту самую Марию Ивановну Лапину, которая когда-то сюда направила Катю.

Как только набиралось десять-пятнадцать дел, выездная комиссия снова выезжала в деревни. И в основном все дела были по раскулачиванию. Каждый день суд, суд и людские слезы.

В это самое время к Осиным из Махачкалы приехали в гости тетка Лиза с мужем. И они уговорили Катю ехать с ними в Дагестан:

— Начинай новую жизнь в городе. Ты молодая, боевая у нас, умница. А устроишься, потом и дочку возьмешь к себе.

Катя уехала в первой половине 1933 года, рассчитавшись в суде, где проработала более трех лет.

В городе дядя быстро устроил ее на работу секретарем отдела кадров областной милиции. Эту работу с прежней и сравнить было нельзя. Но с ног валила малярия. Не раз приходила мысль о том, что не напрасно ли она уехала из Турков и не возвратиться ли назад.

— Привыкнешь ко всему, и к малярий тоже, — успокаивал дядя. И постепенно Катя действительно привыкала к новой жизни.

К счастью, встретила там турковских девчат, также приехавших к теткам. Вместе стали ходить в самодеятельность в Дом культуры.

Дождавшись на работе свой первый отпуск, Катя как на крыльях полетела в Турки. Но как же быстро он прошел! Словно миг. А дочка за это время сильнее привязалась к бабушке и дедушке. Как сестры и братья Кати звала их мамой и папой. А так как в семье Катюшу все называли Катей, так же по имени ее стала звать и Тома, ее дочь.

— Конечно же, ей тут с вами хорошо и привольно. А там, в Дагестане, мне не с кем ее будет и оставлять.

Катя почему-то уезжала из дома с более тяжелым чувством, чем в первый раз. Впору и не уезжать вовсе.

— Поезжай, дочка. Может быть, в городе встретишь судьбу, — говорила мать.

Вскоре в Махачкале она получила жилье — маленькую комнату в многосемейной квартире в доме барачного типа.

К ним в отдел кадров оформляться на работу в качестве

милиционера пришел молодой парень, только что отслуживший действительную службу в Красной Армии. Они познакомились. Парня звали Василий. Молодые люди стали встречаться. Они подружились, и Василий сделал Кате предложение, уговаривал оставить здесь работу и поехать с ним на его родину в Подмосковье. Не готова была Катя к столь стремительной перемене в жизни, не хотелось и уезжать в неведомое место. Ей шел уже двадцать девятый год, и она согласилась сойтись с Васей, но жить здесь и никуда не уезжать.

В Турках порадовались, что Катя нашла свое счастье, теперь у нее будет семья. Матери не терпелось познакомиться с зятем, а заодно и повезти туда внучку, о которой Катя тосковала, слала ей постоянно гостинцы: урюк, изюм, курагу, конфеты, покупала и присылала сюда разных кукол. Неплохо, если бы там сложилась нормальная семья.

Но надежды Наташи не оправдались. Василий не только любил поскандалить, но был не прочь порою и поднять на Катю руку, чего не позволял себе даже Петр.

С болью в душе возвращалась Наташа домой, а о том, чтоб оставить там Томульку, не было и речи: это невозможно.

А Катя с нетерпением ждала очередного отпуска. Снова она поехала домой и больше из Турков не уезжала. Был уже конец 1935 года.

Пока Катя жила в Дагестане, умерла бабушка Маша, мать Петра Константиновича. Незадолго до смерти она жила в доме своей дочери Татьяны, которая лежала в больнице с воспалением легких. Старая Маша присматривала за Борей, сыном Татьяны, учеником пято-го-шестого класса.

Как-то придя из школы, мальчик обратил внимание на то, что бабушка долго не слезает с печки. Он поел то, что попалось под руку, сделал уроки, залез на печку и тоже уснул, хотя его поначалу удивило, что печка совсем холодная, словно ее и не топили. И на следующий день повторилось то же самое, лишь в январский мороз в комнате стало совсем невмоготу холодно. И только тогда Борис понял, что бабушка мертвая. Сколько дней и ночей он пробыл с ней неживой, Борька не помнил. Ее привезли в дом Осиных и похоронили.

Старший сын Наташи и Петра Николай, отслужив в рядах Красной Армии, остался на сверхсрочную службу. Он женился и был направлен с воинской частью на Дальний Восток.

Сережа заканчивал семилетку. Это был удивительно активный паренек. Ему по сердцу была любая общественная работа. Именно он был выбран первым вожатым у первых пионеров школы. Школа была неполная средняя, восьмого класса

тогда еще не было. И по окончании своей школы Сережа был оформлен на работу в эту же школу старшим пионервожатым. Каких только затей и мероприятий он ни придумывал со своими пионерами: он водил их в походы, руководил художественной самодеятельностью, устраивал интересные пионерские сборы с концертами, лекциями, играми, докладами, читкой захватывающих книг. Энергичного комсомольца выдвинули на работу в райком комсомола, а вечерами он руководил художественной самодеятельностью в Доме культуры. Зал замирал, когда он читал стихи, и со сцены звучал его чистый голос с проникающими в душу словами:

Вам, комсомольцы глухих деревушек, Цемента стройки, великих будней, Вам, незаметным героям избушек, Вам наша песнь бунтующих дней.

Кто Таранову Мотю не знает, Девушку в красном платке? Кто на собраньях всегда выступает? Кто руководит в кружке?

На вечеринках кто игры заводит? Чей голосок в хороводе звучит? Кто о колхозах беседы проводит? Кто в стенгазету строчит?

— Мотя, роднуха, письмо написала бы Красноармейцу сынку.

— Вот Таранову надо послать бы К нашему шефу-полку.

Это она в потребилке раскрыла Кражу, растрату, подлог. Это она на собранье твердила:

— Вовремя сдать сельхозналог!

Разве не Моти старание было Уговорить сельсовет, Чтоб поскорее в читальне открыли Сбор на подписку газет.

Вихри студеные зимней порою Пухлые сугробы наметут. Парни и девушки скрипучей тропою В избу-читальню побегут.

Январский день. Вся собралась деревня. В избе-читальне, где Ленин на стене, Ломался быт, заплесневелый, древний, И голос Моти громко прозвенел:

— Товарищи! Нельзя в великой новой стройке Спокойно в стороне стоять!

Идем в колхоз! Я предлагаю с тройку У кулачья машин отобрать.

(— Чего? Машины наши? Долой!!!) Эх, Мотя, не бегай в одиночку: Звереет кулачье, боюсь беды.

— Выберем глухую ночку

И… наутро под окном протоптаны следы.

Наутро мать скребла ножом и ногтем С опущенной в позоре головой На воротах наляпанные дегтем Похабные слова кулацкою рукой.

Ночь. Тихо все. И лампа догорает.

— В редакцию спешу оповестить… Чу, Шарик злобно лает.

Отец хотел до завтра в городе пробыть.

В больнице мать. Одна в избушке Мотя, А Шарик рвет! Так поздно и темно.

— Открой, колхозница, — удары дверь колотят, Слетел крючок и… началось!

Метнулася к окну и стекла зазвенели.

— На помощь! — Рот зажми — Удар и стон. Слова о помощи теперь уж не летели. Лишь месяц посмотрел в разбитое окно.

В день похорон светило солнце красно, Венок из ельника, обвитый кумачом… Слова прощанья были коротки и ясны:

— Запомните, товарищи, одно:

Не запугать нас! Не страшит путь новый, Сменить одну приходят миллионы сил, — Так секретарь райкома говорил, — Прощай!

И на мужицких лицах, Склонившихся в молчании немом, Сверкнуло огненною спицей, В скупой слезе мелькнуло огоньком.

Вступила в комсомол и Маруся Куделькина. До комсомола у нее тоже было много интересных дел. Она не сразу учила все уроки. Позанимавшись немного, уже стучала на швейной машинке. Она очень любила шить, оттого и получалось у нее все очень ловко, каждая вещь. А однажды купила в магазине головку для куклы Томуське. А туловище куклы решила сшить сама. Да ведь как! Сшила даже пальчики на руках куклы, а фигурка лучше, чем у куклы фабричной. В школе на уроке труда связала кукольные варежки с резиночкой, с пальчиком. Долго потом они оставались на школьной выставке. Теперь Маруся вместе с братом ходит на комсомольские собрания, репетиции.

Но особое внимание уделяют общественной работе по ликвидации неграмотности. Конечно, у Маруси много времени уходит на учебу. Ее по-прежнему считают лучшей ученицей образцовой школы.

А Сережа весь ушел в общественную работу. Это же здорово, что ликвидируют неграмотность на селе да и вообще во всей стране. Как мечтали когда-то братья Наташи — Степан с Иваном — о школе!

Теперь вечерами в школу ходят почти все взрослые. И в этом немалая заслуга комсомольцев: они помогают подбирать учителей, составляют списки всех неграмотных, агитируют идти учиться. Взрослые и совсем пожилые мужчины и женщины учат буквы, цифры, читают порою только по слогам и пишут своими неуклюжими рабочими загрубевшими пальцами: «Мы не рабы. Рабы не мы». Столько дел и забот у взрослых, но в школу народ потянулся. Случалось, что на уроке думы не всегда о буквах и цифрах, а о доме:

— Слушай, соседка, у тебя хватит топки-то до весны?

— Не знаю, а вот муки, пожалуй, маловато.

— Кажется, керосин в кооперативе кончается.

И все-таки пожилой народ многому научился. Наташе Осиной уже шестой десяток, но она выучила все буквы и цифры, умеет написать свою фамилию. У молодых женщин и вовсе дело спорится. Маня Алексеева упорно не бросает вечернюю школу, дома пишет одно упражнение по русскому языку за другим. Только в толк не возьмет, почему слово от слова отделяется. Фразу «Будем пахать пар» пишет «будемпахатьпар». А Клавдя Громова увлеклась чтением. Долго читала, может быть, целый месяц, но осилила книгу «Ташкент — город хлебный». А дочитав, пересказала вечером содержание книги соседкам.

Повеселел турковский народ. Уже никто не гнет спину на помещиков и купцов. Дети, а также и желающие взрослые учатся бесплатно. Бесплатно всех лечит и больница.

В Турках уже много комсомольских ячеек. Они почти во всех учреждениях села. То тут, то там выступает райкомовец Сергей Кудель-кин с докладами, агитирует молодежь учиться. Но чаще и чаще приходит мысль о себе:

— А как же ты сам, Серенька? Уж тебе-то самому и вовсе надо учиться.

Не покидает парня мечта о дальнейшем образовании. Да не просто о среднем, а о высшем. Только держит он свою мечту втайне ото всех. В школе уже есть десятилетка. Но как же он, взрослый парень, сядет на парту с детишками? Приобрел Сережа учебники за восьмой и девятый класс, штудирует материал самостоятельно. Эх, как это трудно! А главное — маловато времени: оно все уходит на комсомольские дела и такие безотлагательные. Едет Сергей в деревни проводить собрания — учебники с собой. Мечтой о дальнейшем образовании он, можно сказать, «заболел».

— Что это ты подолгу в книжку смотришь? — спрашивает мать. Не хочет пока Сергей признаваться, что изучает учебники, запоминает теоремы:

— А я, мама, стихи учу. Мне сегодня выступать.

— Сереня, расскажи мне свое стихотворение. Как я люблю их слушать!

Как отказать матери, смотревшей на сына такими любящими глазами?

— Хорошо, слушай.

И Сережа стал декламировать:

Колосилась в поле рожь густая, Шевелились усики овса. Где-то за деревней, догорая, Девичьи звенели голоса.

Где-то с переборами тальянки Песня угасала на ветру. В эту ночь ему не до гулянки, Комсомольцу Дьякову Петру.

В эту ночь его не занимала
Любушка из ближнего села:
Полоса не вспахана лежала,
Молодого пахаря ждала.
Бронзовый от летнего загара,
С комсомольской хваткою «на ять»,
Он один из сотни коммунаров
Трактором умеет управлять.
Чуть заря, что рдея по-над лесом,
Росами упала, зеленя,
Пахарь выводил из-под навеса
Рослого железного коня.
Знает пахарь, сердце не забьется,
Если в сердце нет горячих сил.
Не водой студеной из колодца,
А бензином друга напоил.
По-над лесом ноченьки бездонной
Моториста скука не возьмет,
Выезжал он с песней забубённой,
С той, какую Любушка поет:
(И Сережа запел)
— По дорожке неровной, по тракту ли
Все равно нам с тобой по пути.
Прокати нас, Петруша, на тракторе,
До околицы нас прокати.
Прокати нас до речки, до мостика,
Где шумят серебром тополя.
Запевайте-ка, ленинцы, песенку
Про коммуну, про наши поля.
Не помяты дождем, не повыжжены
Наши полосы в этом краю.
Кулачье на тебя разобижено,
На счастливую долю твою.
Им бы только ругаться да лаяться,
Злоба льется у них через край.
Кулачье до тебя добирается,
Комсомолец лихой, не зевай».
(Кончил Сережа петь, говорит дальше:)
— Песня наливается и крепнет,
Не сорвется голос молодой.
Далеко оставлена деревня,
Утопает в дымке голубой.

Легким черноперым черноземом
К полосе ложится полоса.
— Стой, Петрушка, — злобою знакомой
С полосы несутся голоса.
— Стой, Петрушка, побалакать надо,
Посчитаться надо за дела,
— У межи кулацкая засада
С вечера Петрушу стерегла.
— Посчитаться надо, поквитаться
Нам с тобой, собачий депутат.
С солнышком собаке не видаться,
Ну-ка, поворачивай назад.
Месяцу и снится и не снится
То, что не опишешь и пером.
Злобой перекошенные лица,
Хрюкая, склонились над Петром.
Замолчала робкая машина
Тракториста с головы до ног
Кто-то облил едким керосином,
Чиркнул спичкой, вспыхнул огонек…
Поле, поле! Что ж ты замолчало?
Жарко что ль от страшного костра?
На заре на утренней не стало Комсомольца
Дьякова Петра.

— Ой, Серень, душа переворачивается. И как ты столько запомнил? А поешь, как артист. Иди в артисты, сынок. У тебя получится.

— Запомнил, потому что молодой. И в артисты не стремлюсь. Сцена — это просто для души. А изучать мне хочется науки. Вот стать бы инженером! Но в институт не примут, знаний маловато.

И Сережа продолжает штудировать свои учебники, изучает физику, химию, решает задачи по математике, читает литературу.

— Сынок, да что же ты все керосин жжешь? — спрашивает мать.

— А я к докладу готовлюсь.

На самом же деле никак не может парень осилить тригонометрию. Сколько раз шел к учителям в школу проконсультироваться, но возвращался: ему казалось, что у него знаний мало, и он осрамится.

Поделился своей задумкой об институте на работе с секретарем райкома комсомола.

— Да ты что, Серега? Ну, выучишь все, а дальше?

— А дальше попрошу принять экзамены за три года экстерном.

— И когда ты все это учишь?

— Да всегда.

— Но у тебя же пионерия, комсомольцы, кружковцы в клубе, доклады в Турках и деревнях.

— А у меня всегда учебники с собой. Я и ем дома с книжкой в руках, ложусь попозже, встаю пораньше.

— Трудное твое дело, брат. Так и годы пролетят, а ты красивый, чертяка. Галя-то глаз с тебя не сводит.

— Какая Галя? — удивился Сережа.

— Да Колесникова.

— А… Ну это потом.

Время бежало быстро, а для Сережи неслось. Вон и Маруся заканчивает седьмой класс и поговаривает о техникуме в Саратове. Уже сговариваются подруги, мечтают о студенческой жизни.

Но как бы дети Куделькиных — Катя, Сережа и Маруся — ни были заняты, репетиций и концертов в Доме культуры они не пропускали. Особенно хороши были дуэты двух сестер: голос Маруси как колокольчик, а старшая сестра вторила. Любила Катя и танцевать. Она участвовала в массовых танцах, часто исполняла и одна.

Но вот однажды о мечте Сережи узнал секретарь райкома партии. Обратясь к комсомольскому секретарю, он сказал:

— Есть тут у вас паренек активный, Сережа. Забрать мы его у вас хотим, пошлем в партшколу, будем готовить из него себе смену.

Молчит комсомольский вожак.

— Да ты отдавать его, должно быть, не хочешь?

— Не то, товарищ секретарь. И рассказал о мечте Сереги.

— Так он что же, из седьмого класса прямо в институт хочет? В инженеры?

— Он пытается за три года материал одолеть самостоятельно: за восьмой, девятый и десятый классы.

Теперь замолчал партийный секретарь. А потом сказал:

— Ладно, поможем «грызть» науку.

И партия дала Сереже Куделькину направление в Саратов на рабфак {рабочий факультет). Туда, как правило, направляли парней и девушек со средним образованием из рабочих семей. Многие из них по различным причинам в свое время не могли поступить в институт, а на рабфаке могли все повторить и держать экзамены в институт.

С путевкой в руках готовился на рабфак и Сережа, хоть багаж знаний был маловат. Главное — постараться, чтоб суметь потом сдать вступительные экзамены. И Маруся с Сережей поехали в

Саратов.

Глава 6. Томка

Катя возвратилась в Турки. Она была безмерно счастлива увидеть свое милое село, родные лица родителей, сестер, братьев и единственной дочки, которой не было и пяти лет, когда она уезжала в Махачкалу. Теперь Тамара ходила уже в школу в первый класс.

Многие не помнят своего раннего детства. Тамара отдельными моментами помнила очень многое, даже то, когда она еще качалась в люльке, прикрепленной к крюку в потолке.

Вся семья обедала в кухне. Видимо, услышали, что Томуська в своей люльке проснулась, что помешает обедать.

— Лида, дочка, пойди и качни люльку посильнее, — послышался голос Наташи.

Люльку качнули, Томка стала громко кричать.

Всю свою жизнь Тамара потом не выдерживала никаких качек: качелей, каруселей, самолета, плавания на чем-либо по воде, Длительной поездки в поезде, даже покачивания в гамаке, привязанному в саду к яблоням. Видимо, недостаточное функционирование вестибулярного аппарата, какое-то нарушение было с рождения.

После люльки Катя стала укладывать дочку спать с собой. Видимо, отняли уже от груди, но все равно девочка всю жизнь помнила, как засыпая, по привычке любила своею крохотной ручонкой касаться груди матери. Как устроен мозг человека, что годовалый ребенок так и помнит всю жизнь такие вот мелочи? Часто с вечера вместо Кати с малышкой ложилась Наташа. Катя же уходила либо в Дом культуры на репетицию, либо на свидание или в кино. Но с каким нетерпением маленькая девочка ждала возвращения своей матери! Она часто просыпалась и каждый раз пальчиками в темноте касалась лица лежащей с ней женщины; хитрющий ребенок по коже лица догадывался, прикасаясь пальчиками, возвратилась ее мама или нет.

Помнит Томуська, как Катя завертывала ее в маленькое стеганое бордовое одеяльце, сажала в саночки и везла к подруге своего детства Ксене. У Ксени Катя снимала выкройку детских трусиков для дочурки {и это Тома помнит). Маленькая Тома играла с Алей, дочкой Ксени. Аля уже умела лепетать стишок:

— Летели две птички, Собой невелички,

Я в саду, в саду была, В саду розы я рвала.

Дома Катя упрекнула дочку за то, что она стихов не знает. И этот упрек память двухлетнего ребенка ухватила на всю жизнь.

Часто вся семья зимними вечерами собиралась на кухне. При

керосиновой лампе велись разговоры, грызли жареные подсолнечные семечки. Маленькую девочку Катя держала на руках.

— А у меня крупа в глазах, — сказала Тома.

— Это значит, ты хочешь спать, сейчас тебя уложу, — ответила Катя. Не понравилось Томуське такое заключение, расплакалась:

— Я совсем не хочу спать, это крупа.

Но девочку понесли в горницу. За голландкой грелось ее бордовое одеяло. За день зимой комната выстывала, вечером ее немного протапливали. Чтоб не класть девочку в холодную постель, Катюша сначала завертывала ее в подогретое одеяло и часто повторяла:

— Не раздевайся, а то буду связывать.

Если Катя со своею матерью о чем-то спорили, малышка не понимала, кто прав. Но душою она все равно была на стороне матери.

Тома очень любила свою мать. Девочку любила вся семья. Но ни с кем ей не было так хорошо, как с мамой Катей, ей никогда не хотелось расставаться с матерью даже ненадолго. Иногда вечером, особенно летом, когда было еще светло, Катя брала керосиновую лампу, зажигала ее и опускала в стекло сверху плойки для кудрей, маленькой Томе становилось очень грустно, так как, сделав кудри, Катя в этот вечер куда-то из дома уйдет.

Лицом Тома была похожа на мать, только у нее не было красивых синих глаз. Они были темно-карие, в отца. И кожа была смуглее, чем у Кати.

По поводу глаз над девочкой подшучивали:

— Что же ты глаза не моешь? Сама чистая, а глаза грязные, черные. Томуська понимала шутку.

Когда Томе исполнилось годика два, Катя уже устроилась на работу. Наташа по-прежнему шила детские рубашечки и носила на базар продавать. Томуську оставляли под присмотром прабабушки Маши — матери Петра Константиновича. Девочка ее любила и называла ласково ба-банечкой. Оставшись в доме вдвоем, бабанечка что-то мотала в клубки, распуская старые носки и варежки. Тома играла в куклы. Однажды ей захотелось сшить самой маленькой куколке юбочку. Но из чего? Девочка открыла крышку небольшого сундучка, увидела там поношенные штанишки Лиды, на которых была красивая заплаточка — розовая в белый горошек. Тома тут же отпорола эту заплаточку. Взрослые потом слегка посмеялись над ее «находчивостью». Это ее подбодрило. И в следующий раз, когда бабанечка уткнула нос в вязание, Томулька вытащила из сундучка все вещи, тщательно

пересмотрела и отпорола все заплатки. Вот тут уж ее не похвалили, поругали. Ее никогда не наказывали, не ставили в угол и уж, конечно, не шлепали. Этого не было принято в семье Осиных. Наташа ни разу не подняла руку ни на одного из своих детей, даже если кто-то провинился. У нее было неизменное ругательство:

— Смотри у меня! В следующий раз убью до смерти.

К этим словам привыкли, и никто всерьез их не принимал.

Однажды бабанечка снова занималась вязанием, а Тома укладывала своих кукол спать, потом наряжала, «кормила», водила в гости одну к другой. И вдруг обратила внимание на то, что одна из кукол совсем порвалась, стала совсем старой.

— Бабанечка, а можно мне вот эту куклу похоронить?

— Похорони, если не жалко, — ответила прабабушка Маша, не отрываясь от вязания.

Жалко все-таки Томке куклу:

— Похороню я ее понарошку.

Тома перевернула табуретку вверх ножками, положила на дно носовой платочек, а на него куклу. Всех остальных многочисленных кукол поставила вокруг табуретки-могилы. Куклы горюют, плачут. И вдруг одна из них упала «в обморок». Разбилась у куклы половина головы, у той самой куклы, которую сшила ей Маруся. От горя у Томуси полились слезы. Хотела пожаловаться бабанечке, а ее у окошка нет. Уже на печке бабанечка, спит. Бросилась к ней Томка, пытается разбудить. Не просыпается бабанечка:

— А что, если она умерла?

Томуську охватил жуткий страх. Но нет, дышит старушка, да еще и похрапывает. Трясет ее девочка — все напрасно. Снова Томе стало страшно. Никогда ее не оставляли одну. А при спящей бабушке она все равно, что одна. И разбудить не может, а от храпа еще страшнее.

И вдруг Томку осенило:

— Зажму-ка я ей нос и рот, авось проснется.

Бабушка проснулась. С тех пор Тома и применяла этот метод, если бабанечка засыпала.

Но дружба у прабабушки Маши с правнучкой была крепкая. Маша как от коршуна, словно наседка, защищала своего цыпленка. Однажды Томку толкнул Громов Володька. Откуда и прыть взялась у щупленькой бабанечки, помчалась бегом через огород Рыбниковых догонять обидчика. Да разве его догонишь?

— Бабаня, а можно мне босиком походить по дорожке?

— И думать не смей, только в тапочках.

Ах, как девочке хотелось, как Громовым ребятишкам, тоже

походить босиком! И однажды ослушалась, пошла. Она и не думала, что это так колко. Но руки прабабушки подхватили ее и понесли обуваться. Никак не понимала девочка, почему все Громовы бегают бегом по скошенной траве, колючкам, а она и двух шагов сделать не смела.

Часто правнучка со своей прабабушкой ходила в гости. Была у Маши любимая подруга Маша Черноклокова. Начинает прабабушка наряжаться: одевает нижнюю белую юбку в сборках, на нее черную, тоже в сборках, затем кофту тоже несветлую, но в цветок, а поверх всего новый фартук. На ноги — полусапожки, на голову неяркий платок, заколотый под бородой булавкой.

По пути в гости им встречаются знакомые:

— Да кто же это идет? Никак говорунья! Это ведь не девочка, а Москва.

Разговаривать Тома начала очень рано.

Шел Тамаре уже четвертый год. Только что прошла Троица, когда девочке исполнилось три года. Катюша решила сфотографировать ее у самого лучшего фотографа Турков, у Добрынина. Жил он на Турковой горе. Томе запомнилась эта дорога в гору. Добрынин провел их через сени во двор и сфотографировал на фоне своего дома.

Катюша очень берегла свою дочку. Едва почувствовав повышенную температуру, спешила в больницу:

— Вот пойдем с тобой к доктору, потом врач выпишет лекарство, и все будет хорошо.

— Нет, давай не пойдем к врачу, пойдем лучше к доктору, я боюсь врача.

Катя убеждала девочку в том, что врач и доктор — это одно и то же. Тома верила и не верила, ей все казалось, что врач — человек очень сердитый, потому что слово «врач» походило на слово «рвач».

А возвращаясь домой из больницы, Катя никогда не могла отказать себе в удовольствии нарвать на выгоне на Селявке букетик гвоздик. Как же она всю свою жизнь любила цветы!

Возможно, до своей поездки в Махачкалу уделяла б дочери еще больше внимания, но работая в суде, она подолгу не бывала в Турках в связи с бесчисленными выездными сессиями по делам раскулачивания и возвращалась с тяжелым сердцем.

Все последующие годы до школы Тома была окружена сестрами своей матери. По возрасту ей ближе была младшая сестра матери — Лида. Эта девочка совсем не была похожа на своих старших сестер. Те двое были довольно плотными девушками, хоть стройными, с тонкими талиями. Лида была тоненькая, как березка, и с очень тонкими чертами лица, в

котором ничего не было восточного. Внешностью она почти повторила свою мать с той разницей, что у Лиды были очень большие глаза. Она была веселой девочкой и такой легкой, что никогда почти не ходила, а бегала бегом.

Однажды, возвращаясь из школы, она прыгала на одной ножке и декламировала:

Я веселая девчонка,
Весела, как ясный день,
А зовут меня Аленка,
Я пришла из деревень.
Я пришла с полей весенних,
Где смеются васильки…

В открытую дверь она увидела сидевшего за столом старшего брата Николая, приехавшего в отпуск.

— Так ты у нас, оказывается, Аленка? — захохотал брат, который очень любил младшую сестренку.

Лида обиделась. Но прозвище Аленка так и осталось за ней на всю (к сожалению, очень короткую) жизнь.

Но Тома была все-таки еще маленькой и не могла быть Лиде подругой. А вот Тоня Калинкина была Лиде подругой настоящей. Дружили они с самого раннего детства, вместе пошли в школу и стали совсем неразлучными.

Калинкины жили на этой же улице неподалеку от Осиных. Наташа и Матреша Калинкина были, как и их дочери, тоже подругами. Тем более, их объединяло не только соседство, но и общее дело. Они шили рубашечки и вместе ездили торговать по району, вместе задумали откладывать деньги, чтоб потом на них и строиться. Но у Ку-делькиных денег было несколько меньше, немного не хватало леса, на окна не хватило ставень, а одно окно так и оставалось долгие годы без ставень. У Калинкиных дело, видимо, шло лучше. Они построили себе дом кирпичный. Возможно, сами заработали, возможно, помогли родные, но дом у них получился отличный, и Тома с бабушкой Наташей не раз ходили потом в их новый дом.

Но дом принес и беду. Как и Микиткиным, Калинкиным принесли непосильный налог, полагая, что они в состоянии выплатить. И несчастная семья, опасаясь быть раскулаченной и сосланной в Сибирь или на Север, как подобное уже случалось, оставила все и уехала к родственникам в какой-то город.

Долго горевала Лида по Тоне. Так у нее после и не было настоящей подруги. Дом Калинкиных стал принадлежать сельскому совету, туда вселяли квартирантов, а незадолго перед войной с Германией этот дом купили Асановы.

Через несколько лет Матреша Калинкина приезжала в родное

село, остановилась на несколько дней в своем бывшем доме, на постройку которого потратила столько лет своего труда. Наташа с внучкой Томой ходили к ней. Они сидели на крыльце этого дома и Матреша весь вечер рассказывала о своих скитаниях, о тоске Тони по родине, о ее болезни и смерти.

Да, старый быт ломался, но и новый создавался не всегда справедливо, когда судьбы хороших людей бездумно поручали таким дуракам, как судья Грачев. Да и сколько таких Грачевых было по всей стране, чего так и не могло вынести сердце Кати, уехавшей подальше в Махачкалу.

В Турках в эти 30-е годы еще жил и Сережа, в прошлом первый пионервожатый, потом активный работник райкома комсомола. Он бьш все время занят проведением различных мероприятий с молодежью, всегда был весел, энергичен, много писал. На вопрос Томы, что он пишет и пишет, ответил, что готовит доклад, что завтра будет праздник, и он будет выступать на митинге с трибуны.

Да, Тома побывала на том празднике, где все было удивительно: музыка, песни, цветы, флаги, нарядные колонны. И выступал Сережа.

С тех пор Тома решила твердо: если Сережа пишет много и долго — быть празднику.

Началась суровая зима. Сережа что-то пишет и пишет, не разгибаясь.

— Сережа, завтра тоже будет праздник?

— Да с чего ты взяла? Нет, конечно, — усмехнулся тот.

Тома не поверила, решила, что Сережа почему-то скрывает. Решив, что праздник все-таки будет, и убедив в этом свою подружку Зинку Громову, она потащила ее вниз на площадь. Был трескучий мороз, девочки в пятилетнем возрасте добрались до места ожидаемого праздника, но там были только сугробы, да завывал злой ветер.

Чего другого, а фантазии Томке не занимать. Как и впечатлительности. Наслушавшись от взрослых о пожарах, она заболела этим страхом. Лежа вечером в постели, она порою до самого сна не могла успокоиться: все-то ей казалось, что ночью случится пожар. Если Маруся сидела долго за уроками, Тома мысленно ее просила посидеть подольше допоздна, чтоб уследить, если случится пожар. Иногда к Осиным на огонек приходила соседка Наташа Арбузова. И ей То-муська была рада, так как уходя, Наташа могла бы заметить признаки пожара и предупредить. Постепенно страх прошел.

Как-то раз Тома со своей бабушкой — мамой Наташей — пошли в гости к родственникам на Селявку. Там их угостили чаем

с медом. Тут же Томка рассказала своей Зинке, и они вдвоем отправились за угощением. Коли угостили раз, то угостят же и снова. Очень хотелось девочкам медку. Но увязли обе в овраге в сугробах, набрав полные валенки снега. На свою гору еле выбрались, почти обморозив руки. У обеих потом заболели зубы, у обеих с больших пальцев сходили ногти.

Но большую часть времени Тома проводила в раннем детстве с сестрами Кати, считая их своими старшими сестрами, а не тетями. И называла их не тетями, а просто Марусей и Лидой, обе они в это время были школьницами.

В нашей семье очень уважали учебу. Да и как не уважать, если пе-Ред каждым человеком была открыта дверь в любое учебное заведение? Учись бесплатно, а более того, каждый студент техникума или института получал за это деньги, то есть стипендию.

Наши учились успешно и добросовестно.

Родители были неграмотными, помочь в учебе не могли, поэтому ребята всего добивались сами. Наигравшись в куклы, Тома тоже подсаживалась к ним, брала карандаши и рисовала, как правило, домик и девочку, а позже стала подражать Марусе, у которой была способность к рисованию. В доме даже висела картина, выполненная Марусей.

Все дети любознательные, а так как в семье все были школьниками, то, общаясь с ними ежедневно, Тома рано выучила все буквы, складывала слова по слогам и училась читать. Писала сначала карандашом, а под рисунками девочка делала надпись «АМОТ», то есть «Тома», если читать слово справа налево.

Вскоре же ей не терпелось начать писать чернилами и рукописно, а не печатно. Но специально никто ее этому не обучал. Для начала Тома брала ненужные черновики Маруси, написанные карандашом, и обводила буквы и цифры чернилами. С каждым разом у нее получалось аккуратнее, и девочка радовалась. Но вот Маруся подарила ей целое сочинение. Его Тамара обводила особенно старательно, чтоб потом показать тете Лизе, обещавшей приехать в отпуск, почти свободно начала читать.

Тамара знала все пионерские песни своих теток: про пионерский лагерь, что «у реки у речки», про веселого барабанщика, бывала с ними на пионерских сборах, умела отдавать пионерский салют. С Ниной Алекаевой ходила в ее школу на сборы октябрят, где младшие школьники проводили игры, устраивали концерты.

В своей семье Тома считала себя вполне счастливой, слово «сирота» ей было совершенно незнакомо. Как Маруся и Лида,

бабушку она называла мамой, а дедушку папой. Петр Константинович по натуре своей немногословный, всегда старался как-то позабавить внучку, поиграть с ней, поразговаривать. Часто прижимая к груди девочку, говорил: «Ах ты, кнопка!».

А в день, когда варилась в мастерской колбаса, Томка с подружками вертелась около колбасной мастерской. Их, конечно, угощали горячей колбасой. Разве мог дед отказать маленькой любимице, хоть она привела с собой целую ватагу? Вечером он старался принести в такие дни колбаски и домой. Но не всегда: им часто заказчики ставили магарычи, после которых дед становился еще добрее и коляской колбасы по пути домой угощал кого-нибудь из встречных знакомых, а чаще всего разламывал на кусочки и раздавал уличным детишкам. Он часто приходил навеселе, но за всю жизнь не было случая, чтоб в нетрезвом виде буянил или кого-то оскорбил. Тихий с детства, таким оставался и до старости. Дома он ужинал и ложился спать. Будучи пьяным, во сне, как правило, разговаривал, и чаще всего о служебных делах: давал указание своим подмастерьям, просил кого-либо из сослуживцев не забыть запереть перед уходом домой мастерскую. Служебные дела не покидали его и во сне.

Жену свою Наташу он уважал, считал хорошей хозяйкой, полностью доверял ей ведение всех домашних дел. Она и довольна была своей свободой, но частенько обижалась, что все заботы по дому лежали на ней одной, все решения принимать приходилось лично самой, а с ним, постоянно пьяным, не посоветуешься. И несмотря на то, что Петр постоянно прикладывался к рюмке, фото его никогда не сходило с Доски почета.

Катя в Махачкале скучала по дому очень, письма присылала очень часто. В них она постоянно просила всех беречь Томуську «пуще глаз». Нередко присылала и посылки, хоть сама там зарабатывала немного и едва сводила концы с концами. Но ей хотелось порадовать родных тем, чего нет в Турках: урюком, курагой, изюмом. У Томы был розовый мешочек, в котором она хранила конфеты и другие сладости, присланные мамой из города. Но случалось по какой-то причине ей оставаться дома одной, чего она очень боялась. Чтоб девочке было не страшно и повеселее, Наташа приглашала к внучке Громовых детей: Зинку и Володьку. Тома угощала их гостинцами. Но, как ни жаль ей было, до прихода бабушки мешочек со сладостями пустел: дети грозились уйти, если она не отдаст им все, а остаться одной было страшно.

Но часто Катя присылала дочери кукол, самых

разнообразных: даже в костюме эскимоски. Такую куклу звали самоедкой. Была кукла из папье-маше в виде запеленатого младенца. Его прозвали «свитуш-кой», будто его стянули свивальником. Но однажды в посылке оказалась на редкость красивая кукла. Она лежала в коробке. Волосы куклы были льняные и кудрявые, глаза голубые; они открывались и закрывались. Лицо матовое, розовое. Лида ахнула:

— Тома, ты ее не умывай, как всех, лицо может попортиться. Девочки от куклы не могли отвести глаз, не могли налюбоваться.

— Доченька, — сказала Томе бабушка, — у тебя много кукол, поиграй еще в них, а эту пока побережем.

Коробку с красавицей-куклой спрятали под голландку. Маленькая Тома потом о ней и забыла, а потом кукла и вовсе исчезла. Наташа, как и детские вещи, из которых Тома вырастала, отнесла и куклу в подарок своим племянницам на Крымскую гору, детям своих младших братьев.

Первый год, когда Маруся стала студенткой в техникуме, а Сережа на рабфаке, Катя жила еще в Махачкале. И им она старалась выкроить какую-либо помощь. Скопив денег, она купила Марусе готовое платье: серенькое с черным кантиком. Конечно же, в посылку положила и кое-что из продуктов и сладостей. Радостная студентка бежала из почты с посылкой, не чуя под собой ног. Но когда вскрыла ящик и развернула платье, из глаз девушки покатились слезы: в ящик пробралась мышь и прогрызла в нескольких местах подол нового платья.

— Марусенька, какое на тебе красивое платье, — сказали домашние, когда студентка приехала в нем на каникулы.

Сообразительная Маруся на подол платья настрочила симметричные черные ромбики в тон кантиков. Платье от этого, казалось, стало еще наряднее.

Родители в Турках, видя, что их старшая дочь из города всем помогает, считали, что Катя устроилась хорошо, хоть на деле все было далеко не так. А когда узнали, что Катюша там вышла замуж, порадовались за нее и решили везти в Махачкалу и Томуську, пусть там будет настоящая семья.

Была самая середина лета. Катя сообщила в Турки, что на юге неимоверная жара, чтоб дочке в дорогу сшили самое легонькое платье. И Томе сшили платье из марли. Пушистая коротенькая юбочка платья делала тоненькую девочку похожей на балерину.

Путь был длинный с пересадками в Летяжевке, Лисках и Ростове. Катя волновалась: мать старая, разменяла шестой десяток своей жизни, неграмотная. Как-то она будет добираться с ребенком по такой дальней дороге. Но в Летяжевке сидели недолго. И до Лисок ехать было бы неплохо, если б не духота в

вагоне. Беленькое платье девочки быстро испачкалось. После Лисок в поезде стало еще жарче. И вот они в Ростове. Тут пересадка на много часов, можно погулять и по городу. Тоже сильно печет солнце, но дышится легче, чем в вагоне.

А город красив: дома высокие, широкие улицы, вдоль домов тянутся ряды деревьев, между которыми растет травка и цветы. Красота радует глаз.

— Мама, а я в уборную хочу, — проговорила девочка.

— А иди вон под то деревце, — велела ей Наташа.

Тома перешагнула через оградку газона и присела под дерево. Они обе и не заметили, как рядом оказался милиционер:

— Вы что же? Порядков не знаете? Дома это надо делать, а не на центральной улице в газоне. Придется с вас взять штраф.

— А у меня деньги не с собой, а в чемодане.

— Ваш адрес, бабушка.

— Село Турки, Саратовская область.

— Ничего не понимаю. А тут-то вы зачем оказались?

— На пересадке мы. В Махачкалу едем. Улыбнулся милиционер:

— Идите на вокзал, там и туалеты есть. Дорогу-то найдете? Далеконько ушли.

Чем дальше поезд к югу, тем в вагоне становилось невыносимее. В дороге они уже около недели, поезда ходили медленно. Тома подружилась с какой-то веселой девушкой. Перед самым въездом в город девушка постирала марлевое платьице Томы, причесала ее.

И вот громкий голос проводника объявляет:

— Махачкала!

Поезда не придерживались расписаний. Катя могла прождать поезд и целый день, поэтому тетка Лиза посоветовала ей не отпрашиваться у начальства, а на вокзал встречать родственников отправилась сама с раннего утра.

Привела гостей к себе в дом. По дороге к тете Лизе Тома удивлялась:

— Почему же город лысый? Ни травы тут, ни деревьев. Не похож на Ростов.

Квартирка у тети крохотная в барачном доме. В кухне с одним окошечком вмещается один лишь стол. И зальчик тесный. Как вся семья тут вмещается?

А ведь тут у них жила и ее мама. Где же она могла спать? На полу?

Тетя Лиза угощает приезжих чаем.

— А, может быть, хочешь рыбки копченой или селедочки? — улыбаясь, спрашивает тетя Лиза Тому. — Вот и вобла есть.

Очень хочется Томуське рыбки. Она где-то в столе, даже запах чувствуется. Так и хочется сказать:

— Да, очень хочу.

Но почему-то отвечает: — Нет.

Но вот прибежала мама. Ой, какая же она молоденькая, худенькая! Почти как та девушка в поезде. Но мама красивее.

— Теперь у тебя две мамы, — говорит тетя Лиза, — мама Наташа и мама Катя.

Катя повела своих мать и дочь домой. Жила она тоже в доме барачного типа. И снова Тому удивил двор: такой большой и такой голый — ни травинки. Лишь в глубине двора росло одно корявое дерево.

— Это яблоня?

— Нет, это абрикосовое дерево, — ответила мама Катя.

В общественном коридоре, из которого вели двери в квартиры разных семей, сидел старик-сапожник и чинил обувь. Томе он показался чудаковатым. Увидев девочку, громко крикнул:

— Пионер, за дело Ленина-Сталина будь готов!

К его удивлению, Томка и глазом не моргнула. Сколько раз она эту фразу слышала на пионерских сборах у Лиды.

Встав по стойке смирно и сделав рукой салют, она звонко ответила:

— Всегда готов!

Удивился старик, даже привстал:

— Вот так Тома — двое с боку! Вот так молодец!

Комната, в которой жила Катя с Василием, была маленькая, узкая, с одним окном и почти без мебели: только стол, кровать да табуретки. Вечером познакомилась Тома и с дядей Васей. Наташа не спешила оставлять девочку в семье, а погостить и ко всему приглядеться. Она ходила на рынок, стряпала, кормила. Вот и однажды она ушла на рынок, Катя на работу, а Вася по пути на свою работу повел Тому к тете Лизе. Он не обижал девочку, но и разговаривать им обычно было не о чем. И на этот раз шли и молчали. От водопроводной колонки на дорогу натекла широченная лужа. Василий приподнял девочку одной рукой, сунул под мышку, перенес и поставил на землю. Томе показалось это грубым. Она же не куль, чтоб так вот совать ее под мышку.

У тети Лизы она играла с соседней девочкой Кларой, некрасивой, совсем беззубой. Тома не любила ее, но другой подруги не было.

— Тебе нравится Клара? — спросил ее вдруг дядя Вася.

— Да, нравится, — солгала Тома. Ей почему-то не хотелось быть с ним откровенной. Может быть, детские глаза видели, и

детское сердце чувствовало, что он к ее маме относится совсем не так, как хотелось бы. Дядя Вася порою с Катей был груб и резок. Да и Томе не сказал ни разу доброго слова. А вот мама — мама чудо! Тома любила гулять с ней по городу.

Вот они заходят в магазин, и мама покупает ей платье из тонкого шелкового трикотажа. Иногда они идут на рынок. И Катя старается угостить свою дочку всем, чем она пожелает. Там же на рынке фотографировались на срочное фото. А сколько раз они ходили к Каспийскому морю! На скольких лавочках сидели в парке! И все друг другу о чем-то рассказывали.

Но неожиданно Томуська сильно заболела. Малярия. Эта болезнь в те годы на юге была очень распространена. Болела тяжело, часто бредила. Ее трясло от озноба в самые жаркие дни да так, что зуб на зуб не попадал.

А ночью она слышала, как дядя Вася и мама Катя ссорились. Что-то у них было не так, а о чем ссора, маленькой девочке не понять.

Температура спала. Девочке приятно лежать, нет и головной боли. Но вот опять в доме скандал. Дядя Вася требует отдать финки, трясет маму за плечи, отбрасывает в сторону. Томка догадывается, что финки — это те ножи, которые мама Катя спрятала в голландку. Девочка ничего не понимала. Может быть, дядя Вася кого-то хочет ими зарезать, а мама Катя финки прячет.

Утром мама Наташа выводит девочку во двор, потом за ворота. Приступ прошел, сейчас только слабость. Но Наташа знает, что приступ повторится, и лихорадка снова будет трясти это крошечное создание.

Тома вглядывается в чужую даль, вспоминая свои Турки.

— Посмотри, мама Наташа, вон на тот домик в горах. Он так похож на дом Громовых. Пойдем туда.

— Доченька, да это же так далеко. И живут там не Громовы, а дагестанцы. И не все из них с добром относятся к русским.

На глазах девочки показались слезы.

— Да ведь она еще и убежит куда-нибудь в поисках Турков, — забеспокоилась Наташа.

Приступ малярии у Томы повторялся снова и снова. К несчастью, малярией заболела и Наташа. Едва ей стало полегче, она приняла решение уезжать из Махачкалы и увозить с собой девочку.

— Ты посмотри, Катя, Томуська и была как перышко, а сейчас совсем исхудала. Увозить ее надо. Она тут как в каморке. А на работу уйдете, с кем ее оставить? В твою жизнь вмешиваться не буду, хоть и вижу, что Васька не лучше того Петьки. Но Петянька хоть души в тебе не чаял. А этого я не пойму. Но жизнь твоя, ты

взрослая, разберешься сама. А девочку увозить надо домой.

— Мама, но ты же болеешь. В дороге то одну, то другую обязательно станет трясти малярия. Как вы поедете?

— Как к вам ехали, так и от вас поедем. А приступ потрясет да и опять отступит. Доедем, там приволье. А тут девчонка совсем захиреет.

И Наташа повезла Томку назад.

А Катя, оставшись, не находила себе места. Как они там в поезде? Доедут ли? И их жаль, и себя. Ну что она нашла в этом чужом городе? И с Василием не ладится. Хорошо, что не зарегистрировались. Живут под одной крышей, а семьи будто и нет. Наверное, оттого, что любви нет. Он считает, что все изменится и наладится, когда они приедут на его родину в Подмосковье. Но они сами не изменятся. А милым был бы «рай и в шалаше».

Наташа с Томуськой миновали и Ростов. Обе ослабели, в вагоне так же душно, как и в первый раз. Но до самых Лисок приступа малярии не было. Уже и ехать до пересадки меньше суток, но у Томы начался новый приступ, поднялась температура.

Какая же толчея в вокзале в Лисках! И ребенок бредит, и билеты компостировать надо. Расстелила Наташа на полу детское байковое одеяльце, свой платок, уложила Тому, накрыла ее бархатным зеленым пальтишком и пошла к кассе, попросив сидящую рядом женщину последить за спящей девочкой и чемоданом. Мечется старая женщина то к спящей Томуське, то в билетную очередь. Вот и до кассы недалеко, но очередь словно замерла. Как там девчонка? Испугается вдруг одна?

А девчонка действительно испугалась. Бред прошел, но лихорадка еще была. И Томка не могла понять, где она, кто эти все чужие люди. Неужели она потерялась от мамы Наташи? Поднявшись, она брела и брела по вокзалу, отыскивая в толпах людей свою бабушку. Ее нигде не было.

И Наташу ударило словно током. На том месте, где лежала внучка, не было ничего и никого: ни девочки, ни одеяльца, ни чемодана, ни женщины, сидевшей прежде рядом. Наташа бегала словно безумная, всех расспрашивала о внучке.

И нашла! Бог с ними, с вещами. Теперь они снова вдвоем, и до Летяжевки билет был уже в руках.

В Летяжевку поезд прибыл ночью. Передохнув в вокзале, Наташа стала искать подводу, на которой можно было бы доехать до своего дома от Летяжевки. И им повезло. Не помнит Тома, когда она испытывала такое блаженство. Под ней мягкое душистое сено, ее укрыли чем-то теплым. Но спать не хочется, вон они какие красивые в небе звезды. И приступ прошел, и

приятно цокают копыта лошади. Ах, как хорошо! А впереди — еще лучше, впереди Турки и ее родной дом.

Вот посветлело небо, вот очертание дома, и они поднимаются на крыльцо. А из сеней выбегают все домашние, на Томуську капают их слезы, каждому хочется прижать ее к своей груди. Этот маленький человечек не расстался с ними навсегда, не остался в Дагестане.

Малярия долгие годы не оставляла в покое ни Тому, ни ее бабушку — маму Наташу. Не помогали хина, акрихин, отвар полыни. Приступы малярии часто сопровождались у Тамары не только ознобом, высокой температурой, но и частой рвотой, достигающей иногда в день до четырнадцати раз.

Вконец измучилась от малярии и Наташа. Часто врачи давали желтые таблетки акрихина прямо на приеме у врача с собою на дом.

Возвращалась Наташа от врача. Впереди — гора из оврага. Как ее одолеть? Силы совсем оставляли. Присела на пригорке отдохнуть, развернула пакетик с таблетками:

— Да разве помогут такие крохотные, если пить по одной?

А самочувствие такое, хоть ложись в овраге. Высыпала она все таблетки из пакетика в ладонь да и разжевала все разом.

— Бог мой! Да останусь ли теперь вообще жива? Не отравилась ли? — мелькнуло в голове.

Жива, к счастью, осталась.

Проводив самых родных сердцу людей и немало пострадав, Катя приняла решение бежать из Махачкалы и от Василия, все равно личная жизнь не приносила радости, не клеилась: во всем у них были разные интересы. Но работать пришлось до отпуска.

И вот Катя, наконец, в своих Турках, из которых решила никогда больше и никуда не уезжать.

Проведя около трех лет в городе, она стала отличаться от турковских женщин речью, одеждой. На юге зимы почти не было, там не требовалось зимнего пальто. Катюша ходила в атласном черном манто с меховыми помпонами. Для Махачкалы это обычная одежда, для Турков — завидная роскошь. Ее подруги носили платки, летом цветастые, зимой пуховые, которые стоили, конечно же, дороже ее фетровой нарядной шляпки, отделанной шнелькой. И Катя выглядела очень элегантной. Для лета она имела туфли для того времени модные, с перепонкой и на каблуках.

Тома гордилась своей матерью. Мать очень там старалась, для маленькой дочки присылала готовые платьица, белый костюмчик, фабричные туфельки. И девочка заметно отличалась от своих деревенских подружек. Готовые платьица Томе

привозила и Маруся из Саратова, приезжая домой на каникулы.

И снова у Томуськи были две мамы: мама Наташа и мама Катя.

В Махачкале Катя прекрасно научилась печатать на машинке. И в Турках ее сразу же приняли на работу секретарем-машинисткой в машинно-тракторную станцию {МТС), которая находилась далеко от дома, на краю Турков, за вокзалом. Это примерно в трех-четырех километрах от дома. Но добиралась она до работы не более чем за пятнадцать минут. Она не ходила шагом, а только бегом и не вкруговую, а через овраги напрямик. Дети, идущие в школу, говорили между собой:

— А вот эта никогда не ходит шагом, а только бегом бегает. Работа Кате нравилась.

Вскоре о ее возвращении в Турки узнал прокурор Скворцов, который знал ее прежде по работе в нарсуде как человека энергичного, добросовестного, серьезно относящегося к своему делу. Прежде нарсуд и прокуратура находились в одном здании. Теперь у них были разные помещения.

Скворцов уговорил ее перейти на работу в прокуратуру в качестве делопроизводителя и секретаря-машинистки. Убедил и директора МТС Иванова ее отпустить.

Катя рада была переходу на новое место работы, так как работа ей была знакома. Кроме того, прокуратура находилась в центре Турков, а это значит, в два раза ближе от ее дома, чем МТС.

По пути с работы и на работу часто ее встречал Андрей Яшков. Он же провожал ее и с репетиций из Дома культуры, куда Катя снова стала ходить в самодеятельность. Андрей убеждал ее, что все эти годы ждал ее возвращения и ни с кем другим и в мыслях не пытался связать свою судьбу.

Он сделал ей предложение.

— А что ты думаешь сама? — спросила ее мать.

Катя ответила, что ничего еще не решила: ей не хотелось идти в их большую семью, где и без нее уже проживали восемь человек; кроме того, она не уверена была в его здоровье, хоть он убеждал, что от туберкулеза вылечился. И, наконец, не испытывает она к нему страстных чувств, хотя очень уважает как умного, спокойно и деликатного человека.

Но через несколько дней она сказала родителям, что согласилась сойтись с Андреем, но пока не регистрировать брак и жить не в их семье, а на частной квартире, которую они нашли. Квартирка, правда, маленькая, из одной комнаты.

Что касается Томы, то на семейном совете все решили, что ей лучше пока остаться в своем родом доме, так как за эти месяцы

она не совсем еще привыкла к родной матери после нескольких лет разлуки. И Андрей для нее чужой человек.

— Мне и доктор Пересыпкин дал такой совет. Андрей практически сейчас здоров, но форма болезни может и открыться.

Томка была рада остаться дома, где были рядом с ней люди, которых она знала с рождения, здесь все ее игрушки, книги, подружки.

Конечно, было бы лучше, если бы с ней оставалась тут еще и мама Катя. Но если уж так случилось, то Томе лучше жить так, как она привыкла.

Николай, старший сын Куделькиных, жил в этой же Саратовской области в Энгельсе. Он закончил летную школу, но летать ему вдруг врачи запретили из-за сердца. С сердцем у него неважно было еще в самой юности, когда он увлекался футболом, а потом играть запретили. Позже здоровье восстановилось, но затем сердце снова дало о себе знать. До Энгельса он служил в Уссурийском крае на Дальнем Востоке. Жена с ним туда не поехала из-за того, что ждала рождения их первенца. У них родилась девочка. Получив телеграмму, Николай поздравил жену и в ответной телеграмме просил назвать дочку Лидией в честь младшей сестренки, которую очень любил. Жене не понравилось предложение Николая, но ослушаться мужа она не посмела. В документах дочку записали Лидией, но в жизни никто этим именем ее не называл. Тося, жена Николая, упорно называла ее Лилей, Лилечкой. Так стали звать ее и все родные, все знакомые. К мужу с дочерью на Дальний Восток жена ехать отказалась категорически.

Николай, с детства друживший со своей старшей сестрой Катей, писал ей в Турки часто, а случалось, что спрашивал и совета.

Дело в том, что находясь в долгой разлуке с женой, он охладел к ней и познакомился с девушкой, которую сильно полюбил.

— Но она из бывших. Что же мне делать? — спрашивал он у Кати.

Из бывших, это значит из богатой семьи в дореволюционные годы.

Сестра ответила ему, что она всю жизнь мучительно переживает то, что оставила дочь без отца. И ей очень не хотелось бы, чтобы и его Лилька своего отца потеряла. Николай вернулся к семье. Но счастлив он, кажется, не был до конца своей жизни. И не только потому, что в молодости был влюблен на Дальнем Востоке в другую девушку. Коля Осин познакомился с Антониной совсем юным, когда служил первый год в армии. Получив

однажды увольнительную, он встретил в парке девушку, которая при следующей встрече пригласила молодого солдатика в свой дом познакомиться с родителями. Чета Артамоновых сразу смекнула, что нельзя упускать такого бравого симпатичного парня, который собирается продлить военную службу и стать командиром Красной Армии. Что может быть лучше для их Тони, как стать женой военного? Он и оглянуться не успел, как родители говорили об их свадьбе, о совместном счастливом будущем. Только Куделькины удивились скороспешной женитьбе сына. А вскоре воинскую часть, где служил Николай, из Аркадака перевели на Дальний Восток.

Время шло. Николай отслужил и поступил в военное училище, твердо решив остаться кадровым военным. Он приезжал за женой и ребенком, но Тося отказалась оставить уютный дом своих родителей и ехать в воинскую часть. А спустя некоторое время повзрослевший Николай встретил девушку, черты характера которой были не в пользу Антонины, скупой, вздорной и завистливой женщины. Но в те юные солдатские годы молодой парень многое и не замечал, да и не успел заметить.

Его сестра Катя не знала Антонины и в совете не бросать семью был у нее один аргумент: страдание из-за безотцовщины ее Томки. Но у Николая была и другая причина — его совесть. Она-то, пожалуй, и приняла решение: судьбу не менять.

Книга 2. МОЕ ВРЕМЯ

Глава 1. Турки довоенные

Вот, Томуся, и пустеет наш дом. Было когда-то в нем девять человек, а теперь остались мы с отцом да вы с Лидкой, — говорила мне мама Наташа.

Но лицо ее не было грустным. Она держала в руках письмо дяди Коли, ее старшего сына. Оно пришло вчера, и в письме дядя Коля сообщал, что стал командиром в Красной Армии.

— А не повернись жизнь по-новому, так Колька и ходил бы всю жизнь за скотиной, копался в навозе, — продолжала говорить мама Наташа, а я сидела и слушала.

Молодая советская республика росла. Уже все давно забыли о том, что были когда-то голодные. Не стало и нищих. А кому голодно — иди в колхоз, примут с радостью. Единоличнику трудно приобрести сельхозмашину: дорого. В колхозы же государство поставляло косилки, молотилки, сортировки, веялки, трактора, сеялки. Большинство работ выполнялось механизированно.

Колхозник же мог выходить на работу ежедневно, а мог по своему усмотрению несколько дней работать на собственном хозяйстве. Но и платили по трудодням, которые подсчитывал учетчик правления колхоза. Чем больше колхозник выработает дней, тем больше заработает. Платили в основном урожаем, излишки которого колхозник мог продать на рынке и купить на вырученные деньги все то, что ему было необходимо. Приусадебный участок колхозник имел право иметь втрое больший, чем служащий. Поэтому единоличников на селе уже и не оставалось. Те, кто не работал в колхозе, работали в различных государственных учреждениях.

А молодежь жадно рвалась к учебе. Много занимался Сережа на рабфаке и экзамены в институт выдержал. Но учиться ему было нелегко, у всех за плечами десятилетка, а у него семь классов. Не просто было усваивать высшую математику, начертательную геометрию, сопромат, если школьных знаний маловато. И только сила воли, упорство не позволяли отставать от других. Не так уж много могли родители помогать материально сразу двоим студентам. Хорошо, что ребята получали стипендию. Но неопытная молодость не умела экономить деньги. В первые дни после стипендии у студентов, как правило, «густо», а потом все недели «пусто».

Однажды Сережа прислал письмо с просьбой состегать ему ватное одеяло и покрыть его хоть марлей: общежитие института отапливалось слабо. Молодой стране, открывшей тысячи учебных

заведений, было еще нелегко. Затянув потуже ремешки, Сережа с товарищами шли на подработку на Волгу, перетаскивать грузы с пароходов или на пароход.

— Дочка, опять письмо от Сереньки, — говорила мне мама Наташа, неся нераспечатанный конверт.

— А как ты узнала, что от него? — спрашивала я маму Наташу.

— Узнала «по почерку»: как доплатное (то есть без марок), то от него. Холодновато было и у Маруси в общежитии:

— А мы чаем согреваемся, а руки о горячий стакан греем.

Но молодость есть молодость. Какими же они веселыми и задорными приезжали на каникулы, сколько привозили новых песен! Вместе с ними пела и я, быстро заучивая наизусть. Слова одной из них мне очень нравились:

Много славных девчат в коллективе, Но ведь влюбишься только в одну. Можно быть комсомольцем ретивым И весною вздыхать на луну.

— Как же так всю весну И вздыхать на луну?

Отчего? Растолкуйте вы мне.

Потому что у нас

Каждый молод сейчас

В нашей юной прекрасной стране.

На газоне центрального парка В каждой грядке цветет резеда. Можно галстук носить очень яркий И быть в шахте героем труда.

И так далее…

Захватывал и поднимал настроение бодрый мотив этой песни.

С приездом молодых студентов каждый день был как праздник. Собиралась молодежь, слышались шутки, звонкий смех, звучала гитара, пелись песни.

Помню, как было грустно, когда к дому подвозили тачку и грузили на нее чемоданы, корзины с яблоками и картошкой, сумки с мукой и крупой. Студенты покидали Турки. Однажды, не достав билетов, они возвратились домой до завтра. Им было досадно. Зато я сияла от счастья — пробыть вместе с ними еще одни сутки! Как же я их любила!

Мама с дядей Андрюшей жили отдельно. Она постоянно приглашала меня к ним в гости. Я приходила, но, пожалуй, больше оттого, чтоб не обидеть ее. Посидев немного, мне становилось скучно, и я говорила виновато:

— Мама, я пойду домой.

Она не удерживала, она понимала, что я привыкла к той жизни, к тому дому, к тем людям.

В школе мне учиться было совсем нетрудно, я уже до школы

умела бегло читать, неплохо писала. Моей первой учительницей была Медведева Анна Ивановна, женщина лет тридцати. Каждую перемену между уроками она старалась, чтобы мы непременно двигались, бегали, отдыхали от урока. Анна Ивановна выводила класс в большой коридор, а в хорошую погоду на пришкольную лужайку и проводила с нами различные игры. Ставила нас в хоровод, а мы, взявшись за руки, мелкими шагами отступали назад, увеличивая хоровод, и хором говорили:

— Раздувайся, пузырь, Раздувайся большой, Оставайся такой И не лопайся.

Затем, отпустив руки друг друга, бросались в центр хоровода, где стоял кто-нибудь один из учеников. «Пузырь лопнул». Потом в центр ставили кого-либо другого и «пузырь раздувался» и «лопался» опять. Большая перемена у нас была плясовой. Весь класс становился в хоровод. Идя хороводом то вправо, то влево, мы пели: — Баба шла, шла, шла, Пирожок нашла, Села (приседали), поела, Опять пошла.

Баба встала на носок (становились), А потом на пятку. Стала «русскую» плясать, А потом вприсядку.

И весь класс, маленькие девочки и мальчики, пускались в пляс, кто как сможет. Остановить нас мог только звонок на урок. И мы, веселые, усаживались снова за парты и слушали новый урок.

Никто из учителей других классов не уделял ребятам столько внимания, сколько нам наша Анна Ивановна. Первому «Б» классу совсем не повезло: их старая сухопарая Мария Дмитриевна Шапошникова смотрела на всех так, будто всеми была недовольна. Ребята рассказывали, что многие получали на уроке от нее и подзатыльники.

А наша и в зимние каникулы не давала нам засиживаться в душных домах. Она собирала нас ежедневно в роще за школой. Мы катались на санках и лыжах, лепили снежных баб, кувыркались в снегу.

Весь класс очень любил свою учительницу. Мы шли в школу не только за знаниями, но и поиграть. Как-то так само собой получилось, что все стали приходить в школу намного раньше, чтоб с нетерпением дождаться свою учительницу. Потом всем классом стали ходить ее встречать. Эти встречи становились все ближе от ее дома. Наконец, дошло до того, что в ожидании любимой учительницы, весь класс спозаранку окружал ее дом. И Анна Ивановна взмолилась:

— Ребята, встречайте меня, если хотите, где-нибудь по дороге или в роще, а дом окружать больше не надо.

Помню, это было зимой. Я заболела «свинкой». В школу не

ходила, а лежала на печке, прогревая свои надутые щеки. Иногда после уроков ко мне заходил одноклассник и сосед Натолька Алекаев. Боясь заразиться, близко не подходил, а от самого порога рассказывал школьные новости: что проходили, какие новые песни учили, что в класс привели новенькую, зовут Лорой, посадили за мою парту. С Лорой Никитиной мы потом очень подружились. Она была моей любимой школьной подругой все годы.

Однажды Натолька принес мне стихотворение:

— Учительница велела выучить и рассказать его ей, — сказал Натолька и ушел.

Скучно лежать на печке без дела. Но я получила задание и была ему рада. Стихотворение оказалось длинным, но интересным и запоминалось легко. Обладая отличной памятью, я тут же его выучила. С этим было несложно. Но как же выполнить остальное? Как добраться до учительницы в такой мороз да еще со «свинкой»?

— Мама Наташа, собери меня, мне к учительнице идти.

— Это со «свинкой»-то, да на ночь глядя? Уже сереет, зимние дни короткие. Не пущу.

Я в слезы:

— Но Анна Ивановна велела же. Натолька так сказал.

На меня натянули вязаную кофту, шерстяные носки, несколько платков, оставив лишь щелочки для глаз. И я поплелась в далекий путь, почти под самую Туркову гору.

Открыв мне дверь, Анна Ивановна перепугалась:

— Что случилось?

— Ничего. Вы передали с Натолькой, чтоб как только я выучу стихотворение, рассказать его вам.

Оказывается, она передала это стихотворение, чтоб развлечь меня, чтоб я не скучала на своей печке. На этот раз моя прилежность подвела меня.

Вскоре к Анне Ивановне привезли ее племянницу Лару. Она тоже стала ходить в наш класс. Анна Ивановна нас очень сдружила, приглашала к ним домой, и во что мы только не играли! У меня стало две лучших подруги: Лора и Лара, обе веселые, обе учились легко и отлично. Но Лару вскоре забрали родители в свой город, в Турках она жила временно.

Через два года мужа нашей учительницы перевели на работу в обком партии, и они уехали в Саратов.

Шел май 1936 года. Помню, пастух пригнал стадо, а наша Зорька не пришла домой.

— Отелилась ваша корова, а домой никак не пошла, хоть я хлестал ее кнутом и палкой. Смотрит грустными глазами, как

уходит все стадо, а сама ни с места. Вот отгоню всех и поведу вас туда, сами не найдете, — рассказывал пастух.

Умная старая Зорька! Материнский инстинкт говорил ей о том, что ее новорожденной дочке на слабеньких ножках не дойти эти километры до дома.

Уже стемнело, когда за нами пришел пастух. Взяли для теленка тачку и всей семьей (в том числе и я) пошли в поле. В темноте плутали долго.

— Да туда ли ты нас ведешь? — с тревогой спрашивала мама Наташа пастуха.

— А кто его знает! Днем-то сразу бы нашел, а сейчас темень. И приметы никакой нет. Там ни кустика, ни деревца не было, одно поле, — говорил виновато пастух.

— Зоренька, отзовись. Зорька! Зорька! Зорька! — звала ее мама Наташа.

И все в стороне услышали жалобное тихое мычание коровы: узнала голос хозяйки. Она стояла и вылизывала свое ненаглядное дитя.

На обратном пути все одновременно увидели мелькание «огоньков». Это были волки. Животных своих мы забрали вовремя.

Мама прожила с дядей Андрюшей несколько месяцев. Они не ссорились, жили в полном согласии, уважали друг друга. Но маму стало тревожить его состояние здоровья. Он похудел, осунулся, не спадала повышенная температура, мучил кашель. А потом он и вовсе слег.

Чтобы не оставлять его одного, когда мама уходила на работу, они приняли решение уйти с частной квартиры и переселиться в дом Яшко-вых. Там до возвращения мамы с работы он был под присмотром родных. В доме стало настолько тесно, что отец Андрея, сколотив топчан, перебрался ночевать в сарай: дома и у порога стелить постель было негде. Кроме Андрея, в доме жил второй женатый сын и замужняя дочь.

С каждым днем дядя Андрей чувствовал себя хуже. Врачи, как правило, приходили к нему днем, когда мама была на работе, поэтому она пошла в больницу к Пересыпкину — подробнее узнать о состоянии здоровья мужа.

Врач ей сказал, что состояние Андрея было хорошим, даже можно было считать его человеком почти здоровым. Но доктор не советовал ему жениться, половая жизнь не для его хрупкого здоровья, насыщенного палочками Коха.

— Если бы он не женился, то мог бы еще и пожить. И форма у него была закрытая. Сейчас открылась, — говорил врач.

— Как же ему помочь? — спрашивала мама.

— Делаем все, что можем. Полотенце для себя, посуду отделите. Да и постель бы тоже.

— Как отделить? Он совсем не ест ничего, только и ждет, скорее бы я с работы пришла. Только со мной и за стол садится.

— Дочка ваша, надеюсь, не с вами? У детей к туберкулезу сопротивляемость слабая.

— Я ее не брала, она с рождения привыкла к старикам и оставалась в том доме.

Вскоре дяди Андрея не стало.

В третьем классе нашей новой учительницей стала Зинаида Ника-норовна Богданович. Она была немного постарше Анны Ивановны. Эта считала, что мне вообще в школе нечего делать, советовала приносить в школу коньки и отправляла бегать на коньках по дорожкам вокруг школы вместо того, чтоб сидеть за партой. Родным говорила:

— Девочка ваша далеко пойдет.

Вскоре она подружила меня со своей дочерью Юлей, тоже ученицей третьего класса, только другой школы, поэтому общались с Юлей мы только дома, либо у них, либо у нас. Она была серьезной девочкой, училась тоже успешно. Возможно, наша дружба с ней продлилась бы долго, но через год семья Богданович переехала из Турков в Аркадак.

Когда я была студенткой третьего или четвертого курса и возвращалась с каникул из Турков в Саратов, то увидела, что в поезде в купе напротив меня сидит хорошенькая темноволосая девушка. Узнав, что я из Турков, она вдруг проявила интерес:

— А вы не были знакомы в Турках с Томой Куделькйной?

— Тома Куделькйна — это я.

— А я — Юля Богданович. Не узнали?

Нет, я ее тоже не узнала. Мы разговаривали с ней почти до самого Саратова. Юля — тоже студентка, учится в университете, возвращается, как и я, с каникул. А родители по-прежнему в Аркадаке.

Спустя еще лет пятнадцать или более к нашему Сереже, работавшему в Аркадаке секретарем райкома, подошла пожилая женщина и поинтересовалась, не является ли он родственником той самой Томы Куделькйной, лучшей в ее жизни ученицы. Он подробно рассказал ей все, что обо мне знал.

Но это все было потом, а пока я была ученицей третьего класса и училась у Зинаиды Никаноровны.

Весной 1937 года нас принимали в пионеры. Нарядные учащиеся третьих классов собрались в физкультурном зале школы. Здесь были учителя и пионервожатые. На столе лежала стопа ярких пионерских галстуков и коробка с пионерскими

значками. Ах, как я мечтала об этом дне, когда еще пионерами были Маруся и Лида, носили красные пионерские галстуки, а в школе проводили разные мероприятия, игры, конкурсы, пионерские сборы.

Вот и нас выстроили в физкультурном зале и, повторяя вслед за вожатым, мы давали торжественное обещание:

«Я — юный пионер Советского Союза, перед лицом своих товарищей даю торжественное обещание, что буду честно и неустанно продолжать дело Ленина-Сталина…»

Я гордилась вступлением в пионеры, носила свой красный галстук не только в школе, но и дома, не снимала и в летние каникулы. Пионерия для меня стала чем-то вроде культа. Возможно, будучи маленькой, я очень завидовала пионерам нашей семьи, много наслушалась всего от нашего Сережи, первого вожатого Турков. Пионер — это первый. Это значит, что во всем нужно быть лучшим: уважать старших, помогать товарищам и дома, отлично учиться и любить Родину. Через несколько дней после принятия в пионеры на Доску почета фотографировали пионеров-отличников. Вот тут-то я и пожалела о своей летней глупости. Перед началом учебного года девушка с нашей улицы вела в парикмахерскую своего братишку. С ними увязалась и я. Когда мальчика остригли наголо, парикмахер как бы шутя предложил кресло мне. Непонятно, почему я в него села. И тут же оказалась остриженной наголо. Да я и не горевала. Горько стало, когда фотографироваться под знаменем, отдавая пионерский салют, пришлось с неотросшими волосенками.

Но год 1937 был и тяжелым годом. Случались частые аресты, во многих людях пытались увидеть врагов народа.

Арестовали на десять лет дядю Леню Борисова, мужа подруги моей мамы, тети Ксени. Он работал конюхом в больнице и по поручению врачей купил несколько портретов вождей, чтоб повесить портреты в кабинетах. Кто-то упрекнул, что купил он маловато, можно б и для других кабинетов.

— Чего б доброго! А этих картинок-то там полно, — сказал дядя Леня, — поеду да еще куплю.

Этого было достаточно, чтоб осудить как врага народа и дать десять лет тюремного заключения. Осенью этого года беда нежданно-негаданно коснулась и нашей семьи.

Ту телочку, которую мы привезли из поля на тачке, родившуюся в мае, назвали Майкой. Она была темно-рыженькой с белой звездочкой на лбу и очень веселой. Всем полюбилась Майка. Она росла, становилась уже с корову, и наши никак не могли решить, кого же оставить: старую Зорьку или молодую Майку. Зорька — умница, молоко у нее редкое: желтое и густое.

Но давала она его уже мало, так как становилась старой. Выбор пал на Майку. Но никак не поднималась рука на Зорьку, поившую столько лет молоком всех детей.

Лето было жарким, сена не заготовили, трава выгорала повсюду.

— Отец, что со скотиной делать будем? Сена-то нет, — говорила мама Наташа.

— Так ведь лето-то засушливое было.

— Но все, у кого скотина, наскребли по оврагам да выгонам, а ты ни разу косу в руки не взял.

Молчит папа старенький. И сказать нечего, привык, что все домашние заботы на жене. Пригорюнилась мама Наташа.

— Не горюй. Обеих держать не будем, оставим одну, а сена купим, — успокаивал он ее.

Мама Наташа только рукой махнула:

— Купим……Опять мне самой мыкаться.

А в какую сторону? Никто не продает. Вот уже и осень. И сена нет. В мыслях сходятся на том, что оставлять надо Майку. А вышло наоборот. Майка оказалась нестельной, а это значит, остаться без молока. Двоих же не прокормить, сена нет. Но никто не покупает Майку. Кому нужна корова, которая не отелится?

— Придется, мать, делать из нее колбасу.

— Да, говорят, — сказала мама Наташа, — карантин какой-то. Дадут ли справку?

— Да зачем мне справка, когда я сам мастер? И к базарному дню успеть надо: не зима, хранить колбасу негде.

Начало октября было, действительно, теплым, даже по-летнему почти жарким. Решили, что в воскресенье в базарный день, мама Наташа будет продавать колбасу в Турках, а Лида ей подтаскивать, так как все коляски колбасы сразу не донести. Вторую половину колбасы папа старенький повез в Аркадак, до завтра хранить нельзя, заплесневеет или позеленеет.

В Аркадаке к деду подходит Алекаев Володька. До призыва в армию мать его устроила кем-то в артель «Прогресс», где работала в столовой поварихой. Вздорный в отца, который в свое время от злости повесился, Володька вскоре был уволен за какой-то проступок из артели. Озлобленный на весь мир, он уехал погостить к тетке в Аркадак.

— Спекулируешь, Константиныч? — язвительно спросил Володька старенького папу. — Все ясно….

— Да это ж моя Майка, — спокойно ответил дед.

— Догадываюсь, какая это «Майка», и думаю, даром тебе не пройдет. Папа старенький и в голову не взял слова болтавшегося без дела по селу пацана.

Но вскоре ему принесли повестку в суд. И снова папа не принял это всерьез:

— А за что меня судить?

Свидетели на суде подтвердили, что продал он действительно колбасу от своей телки. Суд огласил, что судится он за превышение служебным положением (не взял разрешения на изготовление колбасы) и приговорил к пяти годам лишения свободы с конфискацией коровы.

Мама, работая многие годы в суде, милиции и прокуратуре, хорошо разбиралась в кодексах и статьях и поняла, что срок дали не по 108 статье, как огласили, а по 109, как спекулянту. Она написала жалобу в облсуд. Дело пересмотрели, вместо пяти лет вынесли приговор на три года и без конфискации коровы.

— У меня работать да писать жалобы — это все равно, что плевать против ветра, — сказал ей Скворцов.

И он написал приказ об увольнении ее с работы. Райком восстановил ее на работу, но мама поняла, что в работе все равно будут трения и подала заявление на увольнение по собственному желанию.

Папа старенький писал о том, что дела у него в тюрьме не так уж плохи. Привыкший к любому труду с девятилетнего возраста, он добросовестно работал и там. С товарищами по камере был в ладу. Недаром о нем всегда говорили:

— Константиныч за всю жизнь ни разу «воды не замутил».

По возрасту он там был самый старший. Учитывая его возраст и покладистый характер, неплохо к нему относилось и начальство.

Но нам всем родным было за него очень обидно.

Мама вскоре поступила на работу в Госбанк секретарем-машинисткой и делопроизводителем. В этом коллективе она чувствовала себя как рыба в воде. Удивительно то, что все сослуживцы были примерно одного возраста, всем вокруг тридцать, а сам управляющий самый молодой, ему было всего двадцать четыре года, он только что окончил институт и получил направление в Турки. У мамы появилось много новых подруг: Дадонова, Берендина, Федотова, Фролова и другие. Они часто приходили к нам. Все были остроумными, веселыми. Коллектив в Госбанке мама считала самым лучшим за всю свою жизнь. Кроме основной работы, она занималась охотно и общественной: была редактором стенной газеты, ездила с агитбригадой по колхозам с концертами, работала в месткоме. В этом коллективе по-немногу стала ослабевать боль, связанная с утратой мужа и арестом отца. И еще мама всегда радовалась моим школьным успехам, училась я на одни пятерки.

После окончания техникума Маруся, защитившая диплом с отличием, имела право выбора места работы. Она поехала в город Куйбышев. Сначала ее поставили мастером на стройке, потом прорабом, а вскоре перевели в отдел в качестве инженера.

И вот летом 1938 года она приехала в отпуск, а Сережа на каникулы. Все дети мамы Наташи, кроме дяди Коли, были вместе. Это было удивительное лето. Как и прежде, к нашим приходили их друзья, всегда бодрые, веселые. Они задумали в Доме культуры поставить большой спектакль, пьесу Корнейчука «Платон Кречет».

Сережа готовил роль Платона, мама — его невеста Лида Коваль. У Маруси роль медсестры Вали. И даже я готовила роль пионерки Майки. Участвовала также подруга мамы тетя Римма в роли санитарки Христины Архиповны, а ее муж в роли председателя горисполкома, моего отца, а также многие друзья Сережи и подруги Маруси. Влюбленные в спектакль, ребята репетировали везде: в Доме культуры, у нас в доме и на огороде, даже на берегу Хопра. Одни репетировали какую-нибудь сценку, а не занятые в ней в это время купались.

Мама слышала о том, что если неумеющего плавать бросить в воду, он может тут же научиться плавать. Вот она и бросила меня в воду, где поглубже, с добрыми намерениями, а я стала тонуть. Сережа, прогуливающийся по берегу в белой рубашке и белых брюках, бросился как есть в воду и вытащил меня на берег.

Спектакль удался. Его ставили на турковской сцене несколько раз, ездили с постановкой и в дом отдыха. В доме у нас все время были стайки молодежи. Слышались веселые шутки, песни, музыка. В этой гуще с ними всегда была и я.

Но вот кончился отпуск у Маруси. А вскоре уехал учиться и Сережа. В доме сразу стало грустно. Кончились и наши с Лидой школьные каникулы, мы стали ходить в школу. Лида училась в восьмом классе. Но как же ей хотелось тоже быть студенткой, походить на Марусю и Сережу!

Шел сентябрь. Прием в техникумы уже закончился, но Лида то ли по радио услышала, то ли в газете прочитала о том, что Саратовский театр оперы и балета принимает учащихся в танцевальную группу. Наша семья была словно помешана на сцене. Вот в студию в театр поехала и Лида. Но ей не повезло: медицинская комиссия нашла, что у нее одно колено несколько тоньше другого, для танцовщиц это неприемлемо. Но в медицинском училище в Энгельсе, который разделялся от Саратова лишь Волгой, был недобор. Туда-то она и поступила.

На зимние каникулы приехала такая же счастливая, как и Сережа. Ей успели сшить зимнее пальто бордового цвета с

котиковым черным воротником шалькой. Она была очень хорошенькая: ростом чуть выше сестер, с тонкими чертами лица и большими голубыми глазами. Молоденькая и стеснительная, она смущалась, что учится на гинеколога и просила меня отвечать, если кто спросит, что учится на фельдшера. Она еще не встречалась ни с одним парнем, но в своем дневнике писала о том, что какому-то пареньку она нравится, он частенько заходил к ним в общежитие. Ей он тоже был не безразличен. Однажды у нее исчезла перчатка, она обыскала везде, но пришлось ходить без перчаток. Пропавшую вещь возвратил паренек, он хотел сохранить ее, как сувенир, но видел, что других перчаток у девушки нет, и она зябнет. Но в основном в дневнике она писала о своих подругах, которые после Тони у нее теперь появились, о кино и киноартистах, об учебе. Я очень сожалею, что ее дневник не сохранила, он исчез.

Мама Наташа была рада, что Лида учится именно в Энгельсе, где живет ее старший сын Николай, офицер Красной Армии. Младшую «Аленку» он любил больше, чем старших сестер. Значит, деревенской девушке не будет совсем одиноко в чужом городе.

Но Лида почти никогда не заставала брата дома, днем он был на работе. Иногда в выходные дни они виделись, но Лида постоянно ловила на себе недовольный взгляд его жены Тоси. Маме Наташе без старенького папы было нелегко учить сразу двух студентов. Она продолжала шить рубашечки по-прежнему и продавать, но понимала, что помогает своим студентам меньше, чем хотелось бы, что они недоедают. Но полуголодной Лиде в отсутствие дяди Коли тетя Тося никогда «не догадывалась» налить стакан чая. Посидев, она уходила. И даже маленькая дочка дяди Коли Лилька вдогонку ей басила: «У, Лидена-Будена!».

Дядя Коля ни о чем не догадывался, Лида не подавала вида, чтоб избежать неприятностей в их семье, только постепенно желание приходить к ним у нее пропало. Да и дома в Турках она призналась только мне, и кое-что о ее обидах я узнала из ее дневника.

Позже я невольно сравнивала тетю Тосю с Марусей, женой Сережи. Они отличались друг от друга, как небо от земли. Веселая, открытая Маруся всегда готова была поделиться всем, что у нее есть. В дом наш вошла так, будто в нем она жила всю свою жизнь и до замужества. Мы прожили вместе много лет: и до войны, и всю войну, и я не помню, чтобы были серьезные ссоры, неразрешимые проблемы.

Сварливая же тетя Тося, приезжая летом с детьми к нам на свежий воздух из города, в первые же дни ссорилась со всеми.

Необразованная и кичливая, она гордилась только тем, что она — жена военного, а значит, на голову должна быть выше всех, повелевать, приказывать, презирать. Стараясь унизить семью, порою переходила к кому-нибудь на квартиру. Оформивший следом отпуск и приезжавший в Турки дядя Коля был между двумя семьями, как между двумя огнями. Она применяла любые способы, чтоб отдалить его от родни наговорами. Но он, изучивший за многие годы повадки своей женушки, не попадался в сети и оставался таким же дружелюбным со всей нашей семьей.

Живя же с тетей Тосей, как говорили наши, он «нес крест». Возможно, впоследствии мама жалела о том, что в письме посоветовала ему возвратиться с Дальнего Востока к своей семье и расстаться со счастьем, которое он оставил в Уссурийском крае.

А студенты наши продолжали учебу. Вот уже скоро экзамены, а за ними летние каникулы! Лида и не догадывалась прежде, что ее так потянет домой в родные Турки.

В эпидемию она заболела гриппом. Но не сдавалась, хоть он валил с ног, и к экзаменам приходилось готовиться, лежа в постели. А вскоре она прислала письмо о том, что лежит в больнице с воспалением легких. И, наконец, письмо еще более тревожное: Лида в тубдиспансере.

Прошла весна, началось жаркое лето. Состояние здоровья больной не улучшалось. Ей сделали операцию, после которой она стала чувствовать себя гораздо хуже.

Из тубдиспансера в Турки пришло письмо о том, что надежды на выздоровление нет, и будет лучше, если больную заберут домой.

В Турки просилась и сама Лида, но по другой причине: она писала, что кормят в больнице невероятно плохо.

За своей несчастной младшей сестренкой поехала моя мама.

Но сдаваться мама Катя не хотела, она не верила, что может потерять сестру, так недавно еще здоровую, веселую и счастливую. В тур-ковской больнице фтизиатором был уже в те годы не Пересыпкин, а тезка нашей Лиды — врач Лидия Петровна. После рентгеновских снимков она была удивлена:

— И больная, и вы утверждаете, что болело левое легкое. Почему же операция сделана на правом?

Что могла ответить мама? Она не медик. Теперь уже от Лидии Петровны мама услышала, что болезнь сестры в такой форме, что лечение помочь ей не сможет.

Меня, чтобы не заразить туберкулезом, поселили у моей крестной Татьяны, проживающей в экспедиции Студеновского совхоза, где работала и она, и ее муж. Это было далеко от дома и от школы. Но мимо этого здания возили в школу мою

учительницу, проживающую в экспедиции тоже какого-то совхоза. Они забирали в школу и меня.

А мама боролась с болезнью Лиды до последнего, как солдат. Услышав, что в каком-то районе есть хороший частный лекарь, она, выпросив в Госбанке подводу и закутав Лиду в тулуп, повезла ее к этому человеку. Он назначил лечение, дал свои советы, но и это не помогало. Кто бы что ни подсказал, что бы кто ни посоветовал, мама выполняла все: доставала кагор и портвейн, надеясь, что ложечка вина перед обедом разовьет у больной аппетит, варила ей состав из меда, какао, цветка алоэ и свиного сала и прочее и прочее…

Но Лида слабела и вскоре уже не могла вставать с постели.

И вдруг новое потрясение: бросил институт Сережа, не доучившись всего один год. Он приехал домой не один, а с женой, которая была в положении. Они познакомились в Турках во время его каникул. Маруся была уроженкой из Саратова, но работала в Турках в «Красном кресте». Молодые люди полюбили друг друга и решили пожениться. Отец Сережи сидел в тюрьме, старая мама Наташа еле тянула двоих студентов, и он решил скрыть от родных свою женитьбу. Солидарной с ним была и Маруся. И от своей семьи она тоже скрыла, хотя в Турках на работе рассчиталась и поехала, как и Сережа, тоже в Саратов. Маме говорили об их женитьбе, но она считала это сплетней. В Саратове Сережа начал учебный год и жил в общежитии, Маруся — в семье своих родителей. Но встречаться молодожены продолжали. Вскоре родители заметили, что их дочь заболела, ее часто мучила тошнота и рвота. К больной часто стал приходить молодой «врач» с чемоданчиком. Это и был Сережа, которого родные принимали за врача. Ему, всегда прежде честному, не давала покоя эта тайна от своих родных и от родных жены; ею он очень терзался.

Близилась зимняя сессия. Приходилось часто недоедать, денег из дома просить стеснялся, не знал, что отвечать в письмах на вопрос старшей сестры о его женитьбе. Не шла на ум учеба, да и времени было маловато на подготовку к экзаменам: часто спешил к жене в город из загородного института. Там, в центре города, порою и готовился к экзаменам в городской библиотеке. И однажды, выйдя из читального зала в гардероб, он вместо своего нового бобрикового пальто получил старую телогрейку: кто-то подменил, оставив ему рваную одежду. Он страдал, вспоминая, с каким трудом мать на последние деньги приобретала ему это пальто.

Маруся не выдержала и всю их тайну открыла своим родным. Те отнеслись с пониманием, им пришелся по душе молодой

«врач». Отец Маруси отдал ему свое пальто.

Все экзамены выдержаны. Но напряжение нескольких месяцев сказалось йа здоровье. Вскоре он простыл, заболел и обратился к врачу.

— Я вам одно скажу, молодой человек, — сказал ему старый врач, — кроме таблеток основным вашим лекарством должен быть отдых да усиленное питание, не то и до чахотки себя доведете.

Где оно, это усиленное питание? Где тот отдых, если впереди самый трудный учебный год и предстоящий диплом? Как и чем содержать семью: жену, ребенка и себя?

Дома в Турках лежала безнадежно больная умирающая сестра. А в ушах звучали предостерегающие слова доктора.

Всего этого было достаточно, чтоб расстаться с институтом, в который он так мучительно готовился, и до защиты диплома оставалось недолго.

В институте Сережа занимался общественной работой, ему часто приходилось бывать в обкоме. И перед самым отъездом из Саратова он обратился в обком с просьбой о направлении на работу в районное село Турки.

— Послушайте, Куделькин, а в этих самых Турках Тома Кудельки-на не является вашей родственницей?

Сережа удивился. Его маленькая племянница, эта кнопка Томка, известна уже и в обкоме.

С Сережей разговаривал, видимо, Медведев, муж первой моей учительницы Анны Ивановны. Со слов учительницы он, видимо, так расхвалил меня, что приехав в Турки, Сережа долго вспоминал:

— Ну и «Савельевна»! Ну и прославилась!

Он гордился мной. Приехал он вместе с Марусей, беременность которой была уже сильно заметна.

Я этот год училась в четвертом классе, большинство своего времени проводила в школе; в экспедицию к крестной добирались к вечеру Наши меня по-прежнему оберегали, оставляя вне дома. Но я прижилась и там, играла с Борькой, сыном крестной, который был немного постарше меня.

В школе в это время хорошо была поставлена работа пионерской организации. В этом была заслуга приехавшей из Саратова старшей пионервожатой товарищ Лиды. Войдя в наш в класс, она спросила:

— А кто тут у вас Куделкина Тамара? Я поднялась за партой.

— Мне о тебе в обкоме рассказывали. Будешь мне помогать. Договорились?

Сколько же было энтузиазма в этой вожатой! Казалось, кроме

пионерии для нее нет иной жизни.

Как правило, каждый класс — это пионерский отряд. Во все отряды она направила вожатыми самых активных комсомольцев-старшеклассников; как старшая вожатая, умела поставить работу интересно и требовала от классных вожатых точного исполнения всех ее требований. Наш отряд она закрепила лично за собой. Я была избрана председателем совета отряда, который был разбит на три звена во главе со своими звеневожатыми. Звенья заключали между собою договора по соревнованию в учебе, в спорте, в самодеятельности. И если кто-то отставал по какому-либо предмету, все звено болело как за себя, с отстающими занимались лучшие ученики.

Интересно проходили пионерские сборы. Они были раз в месяц. Это было совсем не так, как у Лиды или Маруси. Их сборы проходили в классах за партами, концерт — у доски. У нас проходило все торжественнее. Отряд собирался на втором этаже в большом холле, звенья выстраивались, и звеневожатые отдавали рапорты председателю совета отряда, а председатель — вожатому. Потом все садились, слушали доклады о папанинцах, о Чкалове, о героях Октября, о первых пионерах или читали вслух интересные книги о Павлике Морозове или Павке Корчагине, не жалевшего свою жизнь в борьбе за счастье простого народа. Часто всем отрядом пели любимые песни, а в заключение сбора был обязательно концерт художественной самодеятельности.

Со сборов уходили в приподнятом настроении, каждому хотелось вырасти быстрее и стать похожими на тех героев, о которых читали или услышали в докладе. Сбор — это была своего рода игра, но она воспитывала в нас чувство патриотизма, любовь к своей Родине.

Мы любили и свою боевую вожатую, а она фанатически любила свою пионерскую работу, была выдумщицей на всякие затеи, походы, с концертами водила нас в школу механизации, Дом культуры, Дом пионеров, в радиостудию, в дом отдыха и т. д.

Училась я и этот год как всегда, на отлично; учеба давалась легко, к тому же я была очень прилежной. И хоть продолжала жить у крестной, старалась быть дисциплинированной, как всегда, и учиться, как всегда.

А дома на Лачиновке было в это время очень печально: Лида в свои девятнадцать лет доживала последние дни. 3 марта 1939 года она умерла.

А вскоре по всей стране было раскрыто «дело врачей». Судили врачей и в Энгельсе.

— Николай Петрович, — сказал как-то политработник, знавший дядю Колю как. Осина и Куделькина, — а не является ли

вам родственницей Лидия Петровна Куделькина?

— Она была моей родной сестрой. Теперь ее уже нет, она умерла, — ответил дядя Коля.

— Ваша сестра была убита, как другая молодежь, в основном студенческая, врагами народа, завербованными Западом.

Начальник политотдела был на судебном процессе. Задача завербованных врачей состояла в уничтожении студентов страны, старшеклассников, ученых. За два года в Саратове и Энгельсе было убито более тысячи человек. Как правило, заболевшим воспалением легких или пневмонией больным вводили вместо лекарства усиленные дозы палочек Коха. Если молодые организмы продолжали бороться, делалась операция: отключалось здоровое легкое, надежды на выздоровление быть уже не могло, родным предлагали больных забирать домой.

После смерти Лиды я возвратилась в свой дом. Мама Наташа не плакала. Но ей было бы легче, если бы она выплакалась. Разъехались по своим городам дядя Коля и Маруся. Мама продолжала работать в Госбанке. Папа старенький продолжал отбывать свой срок в тюрьме. Мама сообщила ему о смерти Лиды. Однако он в ответном письме спросил о состоянии ее здоровья. Мама сообщала снова. Но и он спрашивал о Лиде снова. В таком случае мама написала иначе. Она сообщила, что ее младшая сестра навсегда уехала к старенькой бабушке Маше. И папа все понял. Как узнали позже, после несправедливого случая с его заключением в тюрьму, он перенес там инфаркт. Тюремная цензура, как правило, проверяла письма от заключенных, а также и письма, приходящие к ним. Больного сердцем безвредного и спокойного старика жалели и печальную весть в письме зачеркивали.

Сережа, вступив в партию еще в институте, стал работать в Турках инструктором райкома партии, а потом заведовал отделом пропаганды и агитации. И, как всегда, руководил художественной самодеятельностью Дома культуры.

В конце мая 1939 года у них с Марусей родился их первенец — сын Станислав или, как мы его все называли, Слава.

Летом райком и районо поручили Сереже организовать и возглавить в Турках пионерский лагерь. В этом пионерлагере отдыхала и я. Но наша вожатая товарищ Лида постоянно забирала на репетиции: наш пионерский отряд готовился к смотру художественной самодеятельности в Саратове, так как на районном смотре занял первое место.

Почти всем отрядом мы готовили композицию, в которую входили хоровые песни, спортивные упражнения, пирамиды.

Репетировали на свежем воздухе в саду неподалеку от

пионерского лагеря. И наш репертуар знали уже все пионеры лагеря. Мы еще не довезли песни до Саратова, а лагерь, идя строем на Хопер купаться, уже распевал наши песни. Особенно полюбилась лагерю песня «Звени, наша песня родная».

Вот ее текст:

Звени, наша песня родная,
Веди нас вперед и вперед.
Кто с нами победно шагает,
Тот с нами и песни поет.
Ни время, ни горечь потери
Не могут пути преградить.
Мы в дело великое верим
И дело должны завершить.
Припев:
Оттого горячей сердце бьется,
И в груди расцветает весна.
Оттого и поет и смеется
Наша юность и наша страна.
Цветам улыбаются люди,
Шумят золотые поля,
И дышит широкою грудью
Любимая наша земля.
Все то, что с любовью мы строим,
Другим не построить вовек.
И званье на право героя
Имеет любой человек.
Припев…
Не нам говорить о печали,
Не нам перед бурей дрожать.
Мы с песней и с именем «Сталин»
Привыкли всегда побеждать.
Пускай нам грозят за кордоном,
Пусть чья-то нависла вражда,
За нами стоят миллионы,
Стоят и везде, и всегда.
Припев…

Мне нравилось в пионерском лагере, но пионерского костра я не дождалась, так как отряд нашей школы под руководством товарища Лиды в начале августа уезжал в Саратов на олимпиаду. С отрядом уезжала и я.

Саратов совсем не был похож на Махачкалу. Много лет я не видела городов и вот увидела снова. По сравнению с Махачкалой он показался мне молодым: чистым, зеленым, веселым, нарядно-многолюдным. Народ шел улыбчивый, а вечерами из парков

слышалась музыка духовых оркестров. Не знаю, было ли дело в разнице самих городов, или за годы советской власти так похорошела жизнь людей.

Нас, как и других участников смотра художественной самодеятельности, разместили в одной из гостиниц. Наша вожатая, жившая прежде в Саратове, знала, оказывается, родителей жены нашего Сережи, так как жила с ними в одном доме. Она меня с ними познакомила. Это была многочисленная, но добрая семья. С сестренкой Ма-руси мы ходили на цирковые аттракционы в парк «Липки», на набережную Волги к ее отцу, работавшему на пристани. У них в семье я и заночевала.

Товарищ Лида тоже водила нас по Саратову на экскурсии. Нам, сельским детям, все было интересно, удивительно. Саратов понравился всем пионерам. Какие высокие дома! Сколько афиш разных театров, объявлений, призывающих комсомольцев и молодежь на различные новостройки! Страна росла, словно расцветала. Это было видно даже нам, детям. Стали забываться рассказы взрослых о том, что когда-то люди гнули спины на помещиков, нуждались в работе, были голодными. Нам даже казалось, что всю жизнь всем было вот так же хорошо. Мое детство, как и детство всех моих сверстников, было счастливым и радостным.

В одном из залов гостиницы для участников художественной самодеятельности бесплатно вечерами показывали кинофильмы. Мы посмотрели там «Трактористов» — веселую музыкальную кинокомедию. А фильм «Цирк» с участием Орловой потряс меня. Этот фильм стал любимым на всю мою жизнь. Песню из этого фильма знал потом каждый человек — так она была популярна. Вот из нее несколько куплетов:

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек.
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек.
От Москвы до самых до окраин,
С южных гор до северных морей
Человек проходит как хозяин
Необъятной Родины своей.
Всюду жизнь привольно и широко,
Словно Волга полная, течет.
Молодым — везде у нас дорога,
Старикам всегда у нас почет…

Мы знали, что в капиталистических странах не все дети имели возможность учиться, отдыхать в привольных пионерских лагерях. Они работали с самого раннего детства. И мы были

счастливы, что живем в такой прекрасной стране, как Советский Союз.

На областном смотре художественной самодеятельности наш коллектив занял третье место. Это было хорошее место, так как коллективов было много, сюда съехались дети из всех городов и сел Саратовской области.

Осенью я пошла учиться в пятый класс, а маму, только что возвратившуюся из колхозов с концертной агитбригадой, приняли в партию и назначили вскоре директором Дома культуры.

Как гордилась своими детьми в эти годы моя мама Наташа! У нее, неграмотной женщины, братишки и сестренки даже мечтать не могли об учебе. А теперь стало все так, как часто пел дядя Коля:

— Мы рождены,

Чтоб сказку сделать былью…

Сам он был командиром Красной Армии, моя мама — директор; Сережа — работник райкома партии, Маруся — инженер. Если бы была жива Лида, она к этому времени была бы уже врачом. И все это благодаря новому строю, благодаря советской власти. Разве могло это произойти при капиталистическом строе? Так и остались бы дети мамы Наташи до старости Катькой, Манькой да Серенькой с лопатой да граблями на селе. А теперь всем открыта дорога. Кем хочешь стать? Выбирай, учись, а тебе за это страна еще и платит, дает стипендию.

Мама, став директором Дома культуры, с головой ушла в работу, всеми силами стараясь оправдать доверие партии. Энергичная по своему характеру, она старалась выполнять безупречно все указания райкома: подбирала лекторов, чтоб не реже трех раз в месяц читали в Доме культуры лекции. Для более активного вовлечения слушателей вешала афишу: «После лекции — танцы». Нужно было искать баянистов, руководителей и участников художественной самодеятельности, создавать агитбригады, выпускать стенную газету и прочее — всего не перечислишь. Всегда участвовала в концертах и сама: и в плясках, и в песнях, и в пьесах. Она наладила работу так, что в Турки с гастролями потянулись театральные труппы из Аткарска, Балашова, Саратова. Аткарские артисты гастролировали почти все лето. Сцену они занимали три раза в неделю, в остальные дни шли кинофильмы или устраивались спектакли самодеятельного коллектива. Режиссер театра, видевший маму в пьесах Островского и Арбузова, предложил поступить в их театр в качестве актрисы. Нет, не хотела больше она испытывать судьбу на стороне и уезжать из милых Турков. Ухаживал за ней актер

Николай Петрович Бибиков, сделал официальное предложение выйти за него замуж. Он вдовец и растит сына — школьника моего возраста. И это предложение мама не приняла.

Мы все были очень рады, когда из тюрьмы возвратился наш старенький папа. Его даже отпустили немного пораньше срока, не досидел он полгода. Возвратился он в мае 1940 года и, конечно же, его сразу приняли на работу на прежнее место в свою артель «Прогресс».

Летом этого же года тяжело заболела в Куйбышеве Маруся, ее положили в больницу с диагнозом бруцеллез. Получив это известие, мама Наташа, пережившая потерю младшей дочери, сразу засобиралась к Марусе. Я упросила, чтобы взяла и меня.

Но, к радости, в день нашего приезда или на следующий, ее выписали из больницы. Она была необычайно рада нашему внезапному приезду. Жила она тогда около самого вокзала в одном из домов барачного типа {примерно позади теперешних автоматических камер хранения багажа или позади почтового отделения). Я перезнакомилась быстро со всеми ребятами их двора. А неумолкаемая певунья Маруся {ее там звали колокольчиком) научила меня модной в то время песне «Любимый город». Она любила водить меня по городу, показывать свой Куйбышев. Помню только, что лето было очень жаркое. В одном из больших магазинов неподалеку от вокзала она купила мне красивую детскую сумочку {ридикюль) под целлулоид. И вдруг она увидела еще одну оригинальной формы сумочку из синевато-голубой кожи. Не утерпела, взяла и эту.

Вскоре она оформила очередной отпуск, и мы все втроем приехали в Турки. Две Маруси очень подружились: наша Маруся и жена Сережи, тоже Маруся. Задумали вдвоем сшить мне модное платье в горошек с разными оборочками и бантиками. Мы все вместе ходили на Хопер, загорали, купались, ходили в кино. Очень нравился тогда зрителям фильм «Волга-Волга» с участием снова Любови Орловой. Мы быстро подхватили песню Стрелки из этой картины. Да она вскоре стала очень популярной:

Много песен про Волгу пропето,
Но еще не сложили такой,
Чтобы солнцем советским согрета,
Прозвенела над Волгой-рекой.
Припев: Красавица народная,
Как море полноводная,
Как Родина свободная,
Широка, глубока, сильна.
Наше счастье как май, молодое,
Нашу силу нельзя сокрушить.

Под счастливой Советской звездою
Хорошо и работать и жить…

Мелодия прекрасная, написал ее еврей Дунаевский.

Песни в нашем, всем родном турковском доме почти не смолкали. Даже маленький Слава уже что-то мурлыкал. Недаром потом в детском садике ему дали прозвище «радио».

Это было, пожалуй, последнее по-настоящему веселое лето в Турках; все еще были молодые, здоровые, задорные, веселые.

А вскоре и мама взяла отпуск и поехала к Марусе в Куйбышев. Туда в командировку неожиданно приехал и дядя Коля. Этой же осенью маму избрали секретарем первичной партийной организации. В нее входило очень много коммунистов: все, стоящие на партучете в сельсовете, а также и коммунисты трех колхозов — два турковских и из села Чапаевка. Совмещать работу директора Дома культуры и одновременно заниматься большой общественной работой было почти не под силу. Не хватало на все времени, очень уставала. Дома мы ее почти и не видели. Она даже не могла ходить в школу на мои родительские собрания. Везде и всюду мама Наташа. Она по-прежнему строчит на машинке, по-прежнему на базаре с рубашечками, она у печки с горшками и чугунами, у корыта, на огороде, в школе на моих собраниях.

— Ну, что там на собрании, мама Наташа?

— А ничего, только время потеряла. Сидела, сидела, чего только обо всех не наслушалась! А до твоей фамилии дошли, учитель только и сказал: «Мал золотник, да дорог», — и перешел к другой фамилии.

Я почему-то была очень маленького роста. Родители были среднего роста, мама носила обувь тридцать шестого размера, а я всю жизнь тридцать третьего. В кого я такая, не знаю. Наверное, в бабушку, мать отца, Аграфену Савельевну.

Зимой 1940 года мама взвалила на свои плечики почти непосильную ношу — затеяла ремонт Дома культуры. Сколько же она прибавила себе забот! Нужны каменщики, плотники, штукатуры, маляры, строительные материалы и средства на них. Предстояло отремонтировать не квартиру и даже не дом, а большое, двухэтажное кирпичное здание внутри и снаружи. В то же время никто не снимал с нее проведения всех мероприятий в Доме культуры, а райком партии — общественной работы в своей парторганизации, которую она возглавляла. Она хватила столько лиха, что, возможно, и сожалела, зачем начала этот грандиозный ремонт.

Все совпало с тем моментом, когда к ней стал упорно свататься ее давний знакомый, дядя Ваня Грешное, председатель

сельсовета, коммунист. Он был мужем маминой подруги тети Риммы, активной участницы драмкружка. Тетя Римма не болела, умерла внезапно от неудачного аборта, оставив крошечного сынишку, которому в то время было два года. Мама и сочувствовала вдовцу с малышом на руках, но не прельщало ее замужество. Мне кажется, она не питала особого чувства к дяде Ване. Скорее всего, она устала от одиночества, оттого, что, кроме беспросветной работы, ничего нет; не было плеча, на которое хоть когда-то можно опереться. И выйти замуж, наконец, она согласилась.

Мама Наташа не препятствовала решению, но и не верила в личное счастье моей мамы: не улыбалась ей судьба до сих пор. Мне же нравился умный, спокойный дядя Ваня {по «Платону Кречету» — мой отец). Единственно, что я хотела — не переходить в незнакомый мне дом Грешновых на чужую улицу к чужой бабушке. К тому же мне уже шел четырнадцатый год. Оторвать свое сердце от дома на Лачиновке, такого дорогого, такого своего, разлучиться с мамой Наташей я не могла, тем более, что мама все дни и вечера проводила на работе. Меня не принуждали, я осталась дома. О старухе Грешновой слыла слава как о Салтычихе. Не думаю, что она полюбила новую сноху да еще такую, которая убегала на работу с зарей, а возвращалась домой в полночь. Ребенок был в основном на руках бабушки. Но в редкие часы, когда мама бывала дома, мальчик льнул к ней, он принимал ее за мать.

К весне 1941 года ремонт, наконец, в Доме культуры был закончен. Мама радовалась. Она специально съездила в Саратов, чтобы привезти оттуда бордовый плюш для занавеса сцены, на окна купила темно-синюю ткань. Дом культуры обновился.

А вскоре вновь приехали аткарские артисты. Актер Бибиков понял, что мама устроила свою личную жизнь. На этот раз театр гастролировал недолго, так как на все лето Дом культуры заключил договор с Балашовским театром.

В последнюю гастроль аткарского театра Николай Петрович Бибиков незаметно от других вручил мне конверт. Я решила, что это — письмо для мамы и побежала домой. Конверт не был запечатан, мое любопытство взяло верх, я заглянула в конверт. Там были деньги. Я поняла, что они предназначались мне на гостинцы.

Глава 2. Война

Закончила шестой класс. Вот и долгожданные каникулы!

А в наш Дом культуры приехали артисты на все лето с замечательным репертуаром: «Коварство и любовь», «Доктор Калюжный», «Сады цветут», «Мачеха», «Платон Кречет», «Последняя жертва,».

Начались гастроли. Мы с подружками не пропускали ни одного спектакля.

Во второй половине июня мама уехала ненадолго в колхоз в командировку. К выходному дню, к воскресенью, приехала. Везде на видных местах висели афиши «Мачеха». С утра в воскресенье мы с Юлькой, соседской девчонкой, договорились, что вечером непременно пойдем на спектакль, а днем сидели за их домом в тени и играли в карты (в блюндыри) с соседками-женщинами.

Вот сюда-то вдруг кто-то принес нам страшную весть: фашистская Германия напала на Советский Союз без объявления войны.

Какие уж тут карты! Встревоженные женщины заспешили к своим домам.

Артисты в тот же день из Турков уехали, а в Доме культуры экстренно была организована медицинская комиссия, отсюда и отправляли людей на фронт. Провожали почти каждый день, и каждый день крики матерей и жен.

Мы, дети, утром в понедельник собрались в школе на общешкольное собрание. Так как почти все мужчины турковских колхозов ушли на войну, то собрание приняло решение о том, что колхозу должны помочь школьники, чтоб не пропал ни один колосок.

Лето было грустным. Страна не ожидала такого вероломства. А немцы быстро, почти в первые дни войны, захватили Украину, Белоруссию и уже продвигались вглубь нашей страны. Осенью война шла уже под самой Москвой, а в Турки прибывали и прибывали с запада эвакуированные. В эти дни маме не хватало двадцати четырех часов в сутки: всех прибывших коммунистов было приказано ставить на учет в ее парторганизацию, расселить по квартирам и трудоустраивать, и каждую неделю давать сведения о работе коммунистов на их новых местах. Одной, разумеется, все не охватить. Маме дали псевдоним «Зоя» и закрепили в помощь еще несколько человек, которые не знали друг друга, а знали лишь «Зою», передавали ей сведения, а она обобщала их.

Под Москвой бои становились все жарче. Советский народ

шел на смерть, но не сдавал своей столицы.

И вот пришел приказ мобилизовать из района сто двадцать человек на рытье котлованов в районе Аткарска (120 км от Турков). Первые шестьдесят человек поехали под руководством секретаря райкома комсомола, второй отряд — под руководством мамы Кати. Нелегкой оказалась зимой работа на трудовом фронте. Она обязана была поддерживать боевой дух своего отряда, читать лекции, устраивать концерты, организовать питание и показать личный пример в непосредственной работе по рытью котлованов.

На фронт ушел и муж моей мамы, дядя Ваня Грешнов. Пройдя краткосрочные курсы в Ижевске, он был отправлен на фронт и погиб в одном из первых боев. В Турки все чаще приходили похоронки.

Но несмотря на то, что фашисты шли все дальше вглубь нашей страны, ни один человек не верил, что Родину победят: такую невероятную роль играла идеология. Никогда еще не была так развита и художественная самодеятельность, как в годы войны. В Дом культуры на репетиции собирались и взрослые, и школьники. Не только мама, но и я по всем Туркам старались разыскать лучших «артистов». Боевая программа концертов призывала зрителей не впадать в панику, и верить в победу, такой же характер носили и частые лекции. На предприятиях проводились собрания об улучшении дисциплины и работы, в школах — о повышении успеваемости.

Маму ни в нашем доме, ни в доме Грешновых почти и не видели, она целиком ушла в работу.

После ее возвращения с трудового фронта ей дали еще одно поручение, или, как сказал начальник НКВД Горбунов, «орешек покрепче». В те годы в тыл страны нередко проникали для подрывной работы предатели Родины, вредители, всяческие подстрекатели. В Дом культуры руководителем художественной самодеятельности приказали принять некоего Вальковского. За каждым его шагом маме было поручено следить, замечать, с кем общается, с кем и где встречается. Одним словом, не спускать с него глаз. Об этой своей непростой работе мама подробно описывает сама в своих воспоминаниях. Рискуя жизнью, она помогла обезвредить преступника. Взяли его, когда он пытался скрыться, уже на станции Аркадак, и не одного, а с сообщником.

Наша боевая пионервожатая товарищ Лида не могла оставаться в тылу. В первые же дни войны она ушла добровольцем на фронт. В школе появилось много учителей из эвакуированных: по химии, истории, физике, немецкому языку. Знаний от нас они требовали не меньше, чем со своих городских

школьников. Я училась уже в седьмом классе. Требовательность к себе по отношению к урокам была приобретена, вероятно, с раннего детства, когда были школьниками Маруся и Лида. Учебу в семье было принято уважать.

Одной из самых близких подруг в школьные годы у меня была Юлька. Их семья переехала в соседний дом, когда я перешла в третий класс. Все ее домашние были» простые и добродушные люди. А вот мать Зинки Громовой была женщиной строгой и нервной, не всегда отпускала Зинку поиграть, поэтому я все чаще и чаще стала забегать к Юльке, а она — ко мне. Стали вместе учить уроки, а если засидимся допоздна, то остаемся ночевать в том доме, где занимались. Но чаще, пожалуй, ночевала я у них, так как мать Юльки работала посменно в больнице, кровать пустовала, и мы на ней спали. Работала тетя Нюра в тифозном бараке няней. В войну и мыла не хватало, постельное белье не очень-то и стиралось, но не было ни малейшей брезгливости, что прошедшую ночь на этой грязной подушке спала няня из тифозного барака.

А в школе любимой подругой оставалась по-прежнему Лариса Никитина. Она училась тоже хорошо. У нас вообще был сильный класс, очень хорошо училась Лида Курчатова и Нина Богданова. С Ниной мы изредка переписываемся до сих пор.

В военные годы были затруднения с учебниками. Иногда один учебник выдавался школой сразу на несколько учеников. Еще большей проблемой становились учебники в старших классах, а особенно тетради к концу войны. Продукция заводов и фабрик выпускалась только для фронта. Был лозунг: «Все для фронта, все для победы!». Много заводов на западе нашей страны были разрушены, много эвакуировались на восток, монтировались заново. И мы делали себе самодельные тетради из случайно оставшихся от мирного времени клочков бумаги, писали на блокнотах, но чаще всего на старых книгах между строк, а иногда и на газетах. И все-таки наши «тетради» ежедневно проверялись учительницей русского языка, ежедневно делался разбор каждого предложения из домашнего задания по членам предложения и по частям речи. Знанием русского языка я очень обязана неутомимой старой учительнице Наталье Никифоровне Тарасовой. Сильным был и старый математик Александр Михайлович Юн-геров. Никто не пользовался учебниками, в этом не было необходимости. Он умел объяснять так, что все правила и теоремы запоминались с его слов.

В свободное от уроков время мы, школьники, собирали посылки | на фронт — кто что мог: шарф, варежки, носки.

Мне мама принесла кусок малинового атласа. Я сшила из

него кисет, вышила на нем нитками «Самому храброму», насыпала в кисет | махорки и тоже положила в посылку.

В Бабинском доме отдыха разместился госпиталь. Мы были постоянными артистами в палатах для раненых. Зимы в войну стояли страшно холодные, госпиталь находился километрах в трех-четырех от дома. Осталось в памяти то, что, возвратившись домой, я отогревалась на печке — на горячих кирпичах.

В летние же каникулы школьники работали на колхозных полях; работали, как правило, еще и в сентябре: младшие собирали колоски, средние — на прополке или уборке урожая в Турках в колхозе им. Ленина и в «Победе», а старших школьников увозили на работы в колхозы деревень нашего района. Я уже была не младшая, поэтому сначала работала на прополке в Турках, а позже ездила в Ромашовку и Каменку на уборку зерновых и свеклы. В Ромашовке работали долго, на воскресенье нас отпускали домой помыться, повидаться с родными. И мы шли двадцать пять километров домой и двадцать пять километров назад в Ромашовку. Работа была нелегкой. Даже я, такая маленькая ростом, прекрасно вязала снопы, укладывала в скирды. Работали под руководством молодой учительницы Веры Павловны, тоже эвакуированной из Минска. Она была нашим школьным секретарем комсомольской организации и учителем истории.

Кормили нас в колхозе картошкой, хлебом и молоком. Все были довольны, так как дома большинство в те годы не доедало.

Несмотря на то, что шли бои на Волге, в Сталинграде, учительница убеждала, что все равно СССР победит, потому что братский союз всех республик несокрушим, и каждый человек слишком любит свою Советскую Родину. Все мы и сами в это верили, распевали песни, настроение было бодрым, хоть за день на поле и уставали.

Но вот стали бомбить пути на станции Ртищево, всего в шестидесяти километрах от Турков. Каждой семье было приказано рыть у себя на огороде окопы. Но у всех жителей все равно была вера в победу Красной Армии, никто не помышлял об эвакуации. Село, как и вся страна, было далеко от паники. Нормально работали все учреждения, школы. Боевой дух народа — это великое дело. Не смолкал из репродукторов голос Левитана:

— Враг будет разбит. Победа будет за нами!

И люди верили. Верили Сталину, партии, защитникам Родины — Красной Армии.

Гитлер клялся, что, войдя в Москву, он первым повесит диктора Левитана. Смертельно боялись немцы и коммунистов.

Был девиз: «Коммунисты, вперед!». Они шли вперед, показывая пример остальным бойцам. Если, будучи контуженным или раненным, коммунист попадал в плен, фашисты сразу его расстреливали, так как боялись их огромного влияния на других пленных, их морального духа и силы. И тем не менее тысячи солдат, как правило, на фронте вступали 1 в партию. А как воевал комсомол! Шли мы с боями на Киев, Брали с отвагой Орел. И закалялась уже не впервые Юность твоя, комсомол.

Не перечислить имена всех героев-комсомольцев, прославлявших свою страну. Их немцы ненавидели так же, как и коммунистов, потому что свою страну они любили больше жизни. Нет, враг просчитался,

— Есть выход один,
И только один у Гастелло:
Вниз! К вражеским танкам,
К цистернам, винтом
На черные вражьи колонны…
На них самолета пылающий ком
Он бросил рукой опаленной.
Она еще держит горящий штурвал,
И землю глаза различают.
Сейчас забушует там огненный шквал,
Победу его возвещая.
И если бы несколько жизней имел,
За Родину отдал бы смело.
И громом неслыханным взрыв прогремел,
И вечною славой — Гастелло.

Много стихов о Зое Космодемьянской, об Александре Матросове и других печатались в войну в газетах.

В восьмом классе вступила в комсомол и я. Но для армии я была еще молода. Меня назначили пионервожатой к пионерам четвертого класса. Я работала с ними взахлеб с той же энергией, как когда-то товарищ Лида с нами. Я прошла ее школу.

В это время наш класс сильно пополнился, в восьмой класс приняли учащихся из деревень, где были только лишь семилетние школы. Но не только учителей, но и нас, учащихся, удивляло то, что приехавшие отличники не тянут даже на тройку. Или там завышали оценки, или наш орденоносный директор Е.С. Персикова подбирала сильный педагогический коллектив, который умел дать нам прочные знания. К сожалению, в конце первого полугодия отчислились все новички. Осталась единственная — В. Иванова, отличница из Рома-шовки, которая до окончания десятилетки училась не выше, чем на тройки и четверки.

Дома в эти школьные годы я была очень дружна с Марусей, женой нашего Сережи. Она отвечала мне своим теплым искренним отношением. Мама Наташа и в военные годы обычно стояла на базаре со своими неизменными рубашечками. Моя мама Катя, которая после гибели дяди Вани снова от Грешновых пришла к нам, была чуть ли не сутками на работе. Маруся же растила двоих сыновей — Славу и Сер-жика — и в эти годы не работала. Ей я рассказывала все школьные новости, а она меня кормила обедом. Правда, говорится, что «своя ноша не тянет». Несмотря на то, что мне приходилось много заниматься уроками, я не помню случая, чтобы Слава или Сержик были мне в тягость или мешали учить, хотя Сержик был очень беспокойный.

Оба мои дяди — Сережа и дядя Коля — были на фронте. Сережа после курсов стал разведчиком, дядя Коля — комиссаром эскадрильи.

Шли годы, а война продолжалась. У немцев было превосходство в технике. У русских же беспредельная любовь к Родине и верность партии. В бою за город Сталина в войне начался перелом. С этого момента наши погнали фашистов. В тылу врага были организованы тысячи партизанских отрядов.

В стране подрастали парни и в большинстве своем добровольцами шли на фронт. Родители провожали детей со слезами, а молодые отряды, сохраняя боевой дух, уходили обычно вот с этой песней:

Вставай, страна огромная, Вставай на смертный бой С фашистской силой темною, С проклятою ордой.

Пусть ярость благородная Вскипает, как волна, Идет война народная, Священная война…

Однажды в школу пришло письмо с фронта с адресом: с. Турки, Саратовской обл., средняя школа, лучшей ученице. Педсовет решил, что такое письмо должно быть вручено мне. Писал бывший ученик нашей школы, боец Красной Армии. Он просил написать ему о делах нашей школы, об учителях да и вообще о Турках. Звали солдата Сережей Михайловым. Завязалась переписка. Правда, письма с фронта, как правило, шли очень долго. Постепенно оборвалась наша переписка. Возможно, он погиб.

Зима 1943 года была очень тяжелой и в тылу. Все отдавалось фронту. Народ обносился, голодал, не доедали месяцами, хлеб получали по карточкам небольшими кусочками. Школа не отапливалась, мы сидели на уроках в зимних пальто, валенках. Чернила в чернильницах замерзали. А дома учили уроки вечерами только с коптилками: электростанция не работала, не всегда можно было купить и керосина для лампы.

Шли разговоры о вредительстве. Нас, комсомольцев-школьников, посылали на ночные дежурства в «маленькую школу», то есть склад, где хранился физкультурный инвентарь и многое для уроков военного дела. Дежурили и на каланче, следили, не вспыхнул бы где пожар.

Вернулась мама с трудового фронта. За перевыполнение плана по рытью окопов, за активную работу в качестве политрука в отряде, за помощь в поимке и разоблачении преступника Вальковского мама получила благодарность и денежную премию.

Однако без нее заглохла работа в Доме культуры. Он стоял как ледяной дом. Сельсовет отказал в помощи топливом, но разрешил заготовку дров в лесу собственными силами. Это было очень непросто, но мама сумела организовать бригаду из шести человек: их трое от Дома культуры и трое из кинофикации. Сами пилили, сами рубили, но заготовили семьдесят кубометров. Этого хватило до весны.

Видимо, райком партии видел и ценил работу моей матери. И весной 1944 года поручил ей слишком ответственное дело — принять и возглавить районную сберкассу. В довоенные годы многие имели уже высшее образование. И ее охватил страх: работа связана с деньгами всего района. Она же далека даже от финансовых терминов, не говоря уже о принципах самой работы, будучи, в сущности, почти малограмотной. В войну, тем более, была необыкновенная во всем точность, дисциплина и строгость. Судили за горсть зерна, унесенного с элеватора в кармане голодным детям, или за опоздание на работу на пять-десять минут.

Очень мама отказывалась от своего назначения возглавлять сберкассу. Но бывший заведующий Косенков был уже на фронте, его заместитель Черменский уволился по болезни. И если партия говорила «надо», оставалось, как говорится, ответить только «есть».

Коллектив состоял из шести женщин. Многому приходилось учиться на месте подчас на своих же ошибках: консультироваться было не у кого. Кроме того, как уполномоченный представитель от райкома партии, она не освобождалась от работы общественного характера и направлялась в колхозы и совхозы в посевную и уборочную кампании. Еще больше времени уходило на командировки по всему району по сбору денег по займам колхозников. Ее встречали в штыки, денег ни у кого не было, все голодали, оборвались. Возвратившись в Турки, с надеждой шла в банк узнать, не поступили ли деньги — денег ни от кого не было. Но фронту нужны были средства на танки, самолеты, боеприпасы, на обмундирование солдат. И мама шла вновь с горьким чувством

безнадежности своих усилий. И только пешком от колхоза к колхозу, от деревни к деревне, преодолевая километры, ночуя в стоге соломы, если до деревни не хватало дойти сил от усталости и голода; попадала под осенние ливни, обмораживалась зимой, а в райкоме и райисполкоме ждал нагоняй: деньги не поступали. Получив выговор, направлялась по тем же завьюженным дорогам снова.

— Да что ты все ходишь! Мы вместо денег получаем похоронки, — встречали ее сельчане.

— Денег тебе для фронта? — встретила ее разгневанная старуха. — Да у меня на фронте уже трое полегли. Месяц назад и сноху похоронила. Ни денег, ни дров, ни еды. Печку топлю кое-чем раз в неделю.

Она подошла к печке, открыла заслонку:

— Иди посмотри, как внука обогреваю.

В печке, зарывшись в золу, лежал мальчик, там ему было чуть теплее, чем в нетопленой избе.

Дома мы в этот период жизни маму почти никогда не видели. Ни днем, ни ночью ей было не до отдыха.

Как я уже писала, в середине учебного года в восьмом классе учащихся-новичков, прибывших из деревень, уже не осталось. Пришли в наш класс тогда и две турковские ученицы, закончившие семилетку в турковской неполной средней школе. Обе они были Федоровы: Рая и Юля. Рая училась прекрасно. А моя Юлька, соседка, едва тянула. Мы почти с раннего детства вместе играли, почти не расставались. Я взялась ей помогать в учебе по всем предметам. Учили за одним столом, все непонятное ей объясняла. Часто к нам примыкала учить уроки и Зинка; она оставалась не раз на второй год, сильно отстала. Юльке тоже знания давались нелегко, но, видя мое упорство, помощь, подтягивалась и в девятый класс перешла.

Но в девятом классе материал стал несколько посложнее, и задавать на дом стали побольше. Моя подруга призналась, что она почти ничего не понимает в учебниках. И как я ни билась, прося ее пересказывать прочитанный параграф по любому предмету, она не могла. Я убеждалась, что она читала учебники добросовестно, но за ответы на уроках получала двойки. Дома я попробовала однажды пересказать ей прочитанный урок своими словами и попросила ее пересказать. Получилось, Юлька усвоила. И в школе ответила. И начались такие наши занятия ежедневно: я учу урок, пересказываю ей, а потом заставляю ее пересказать мне. На это уходило много времени, наступала глубокая ночь, наши ложились спать. Мы стали чаще заниматься у Юльки: ее мать на дежурстве в больнице, тетка «с приветом», и можно заниматься,

разговаривая вслух хоть до утра. По-прежнему временами с нами засиживалась со своими уроками и Зинка. В комнате стоял страшный холод, мы сидели у коптилки в зимнем пальто и учили уроки. Помню, Зинка совсем закоченела, подсела на пол к печке-буржуйке. Каждая уткнула нос в учебник. Вдруг чувствуем, запахло паленым. Это Зинка прислонилась спиной к печке, и ее пальто загорелось.

Зинка перешла в седьмой класс, мы с Юлькой в десятый. Начались наши последние каникулы.

В это лето маму послали на десятидневные курсы в Саратов. Я уговорила ее взять меня с собой. Мне не терпелось увидеть тот самый город, который я увидела впервые ученицей четвертого класса, когда ездили с вожатой на олимпиаду.

— Возьми ее, конечно, остановитесь там у наших, — поддержала меня Сережина жена.

Нас родные Маруси встретили приветливо. Они теперь уже жили не в подвальной квартире, а на улице Ленина в доме на втором этаже. Правда, у них была всего лишь одна комната. Но летом спать можно было на полу или на большом, почти как комната, балконе. Поездка эта мне понравилась. После занятий на курсах мама заходила за мной, и мы шли обедать в столовую, куда были прикреплены все командировочные, всем выдали талоны. Один обед мы съедали вдвоем. Маловато, конечно. Но стояла такая жара, что, придя домой, мы с удовольствием пили еще чай. На то, что было все же голодновато, не обращали внимания: в войну мало, кто ел досыта. А вечером мы непременно ходили гулять по городским улицам, проспекту имени Кирова, в парк «Липки», в кино, в цирк и театр оперы и балета имени Чернышевского.

Начался последний учебный год в школе. Осенью 1944 года нас постигло большое горе. Из Куйбышева телеграммой сообщили о том, что трагически погибла наша Маруся, наш звонкий колокольчик. Незадолго до войны она вышла замуж. Сначала мужа не отпускали на фронт по броне, но вскоре призвали и его. Маруся работала старшим инженером на строительстве города (начали застраивать Безымянку и вели строительство в Чапаевске). Жила она со свекровью и растила маленького сына. И вот ее не стало, ее задавила машина, после чего жила она всего лишь два часа, до последнего вздоха прося врачей спасти ее ради крошечного сына-инвалида. Бедная мама Наташа! Она словно помертвела, потеряв и вторую дочь и тоже в таком молодом возрасте. Ей бы снять стресс слезами, но горе было сильнее слез, грудь закаменела. А мама потеряла свою единственную сестру. На похороны же Маруси райком маму не отпустил, как слезно она ни

просила.

— Сейчас война. На фронте ежедневно гибнут тысячи солдат. Ты — коммунист и нужна здесь, — сказал секретарь.

В райкоме на совещании вновь распределяли коммунистов по колхозам по вопросу займа, а маму душили слезы: сейчас хоронят горячо любимую сестру, а она не может проводить ее в последний путь.

На похороны уехала мама Наташа в сопровождении Сережиной жены.

Возвратившись, они рассказали о подробностях гибели Маруси. До самого конца октября, почти до заморозков, она не могла договориться насчет транспорта, чтобы из поля за Куйбышевом привезти с огорода картошку. Это понятно, война. Какой уж тут транспорт, если на весь стройучасток одна-две подводы, не справляющиеся с доставкой стройматериалов. Ведь это — угроза невыполнения плана, что недопустимо в грозные годы войны. А дома с все более гневными упреками встречала свекровь: каждая картофелина для голодного человека была чуть ли не на вес золота, а урожай грозил остаться в поле и замерзнуть. Обида на начальство, на свекровь, болезнь жестокая сына, задержка писем с фронта, а более всего предчувствие скорой смерти вывели Марусю из равновесия. Несколько последних дней она безутешно рыдала настолько, что сослуживцы ходили к свекрови выяснить причину горя их прежде веселой подруги.

Наконец, ей дали подводу за картошкой в поле. Из-за грохота колес телеги извозчик не' сразу услышал настигающую их грузовую машину и не вдруг свернул с дороги. Рывок поворота был настолько сильный, что Маруся упала на проезжую часть. Тяжелая военная машина прошла по ней.

Бруцеллез, которым переболела Маруся еще до замужества, отразился на новорожденном ребенке. Валерику было около годика, но он слабо держал головку и не мог самостоятельно сидеть. Врачи говорили, что жить он будет не долее, чем до семи-восьми лет.

Посоветовавшись, наши решили взять малыша к себе в Турки, здесь в семье за ним будет уход лучше: там же одной старушке от него даже не отойти, к тому же на руках у нее оставался еще один ребенок, которого сын взял из детского дома, будучи женатым еще до Маруси на другой женщине.

Валерика привезли. Он был очень хорошенький, даже полненький, но совершенно беспомощный. Сидеть мог только в подушках. Даже зубки появлялись и тут же выпадали. Несмотря на то, что мою маму он видел редко, она целыми днями работала,

ездила по командировкам, ее Валерик любил больше всех: видимо, принимал ее за свою маму. В нашей семье снова стало восемь человек, одних малышей трое: Слава, Сержик и Валерик.

В десятом классе требования были в школе уже намного серьезнее. Сейчас удивляюсь, как могла я в своем домашнем содоме хорошо учить уроки, получать одни «отлично», заниматься с Юлькой, ходить в Дом культуры на репетиции, вести общественную работу в школе (председатель учкома, вожатая, редактор стенгазеты).

А школьные дела у моей Юльки становились хуже. После того, как расскажу ей параграф своими словами и прошу повторить, она обещает рассказать «про себя». Но голова ее клонится, слышится ровное посапывание и даже храп.

— Юль, ты же спишь, — толкаю ее.

— Нет, я рассказываю, — отвечает.

— Юлька, но ты в голос храпишь.

И все-таки воевать с двойками по устным предметам было еще можно. Камнем преткновения стали контрольные работы по математике и сочинения по литературе. Домашние сочинения — полбеды: напишу свое, потом черновик для Юльки. Она перепишет своей рукой, я проверю ошибки да еще две-три оставлю специально, иначе учительница ей не поверит.

А война все продолжалась. Но бои уже шли за пределами Советского Союза. Красная Армия освобождала Литву, Латвию, Эстонию, Польшу. Поднялось настроение у всего народа.

В самом начале десятого класса к нам пришла новая ученица, Валя Рыгунова, дочь председателя райисполкома, только что переведенного в Турки из другого района. Валя была самой красивой девочкой в классе, а если точнее, самой красивой во всей школе. К тому же она была и очень коммуникабельной, сразу у нее появилось много друзей. Она сказала, что до десятого класса была отличницей и в нашем классе предпочтение отдала мне: часто приглашала к ним домой, где меня встречали очень приветливо, вместе с ней ходили в кино и на репетицию в Дом культуры. Природа наградила ее не только красивой внешностью, но и прекрасным голосом, она стала исполнительницей сольных песен и дуэтов. Обычно она пела дуэты со своей тетей, приехавшей с ними же. Работала ее тетя заведующей райо-но. Мать же Вали была учительницей, но не в нашей школе.

Дружба росла, мы чаще стали бывать друг у друга, я приходила к Вале с Юлькой и другими своими подругами, а Валя к нам, в нашу давнюю компанию. Мы становились близкими подругами, обменивались фотокарточками. Но меня удивляло, что Валя, бывшая отличница на протяжении всех прежних лет, на

уроках отвечала слабо. Это, конечно, не мешало дружбе. Я всегда была дружна с Юлькой, которой учеба вообще давалась сверхтуго. Иногда хотелось предложить Вале помощь, но она такая развитая, находчивая, интеллигентная. Мне о помощи неловко было и заговаривать.

Учебников в школе не хватало, так один учебник по истории нам дали на пятерых. В эту пятерку вошли две Вали {Рыгунова и Иванова), две Федоровы (Рая и Юля) и я. Так как Валя имела отдельную комнату, то решили заниматься все вместе у Рыгуновых. Кто-либо один читал, остальные слушали. Но едва дочитав, Валя брала учебник, захлопывала книгу и говорила:

— По-моему, все тут понятно. Теперь, кто в кино?

Я восторгалась ее великолепной памятью. Неужели она запомнила все хронологические даты, места действий, имена героев? Две Вали уходили в кино, а мы втроем прорабатывали материал снова. Часто Валя прямо из школы приглашала меня к себе. Перекусив, садились за уроки. По физике, химии и другим предметам все было также, как с историей. Мы бегло прочитывали вслух параграфы. Я не запоминала молниеносно все многочисленные формулы, но мне было стыдно в этом признаться. Я продолжала восторгаться Валей, схватывающей все на лету, но стала чаще и чаще замечать, что на уроках она едва тянула на тройку, краснела, сердилась. Я после занятий с Валей закрепляла материал и дома, в дневник сыпались одни пятерки.

И в нашей дружбе появилась трещина. Валя уже не спешила ко мне навстречу со своей солнечной улыбкой, остроты сыпала и в адрес Раи Федоровой, прекрасной ученицы и умницы. Но мы все еще продолжали с Валей заниматься вместе случай от случая, хотя ее родные меня встречали заметно прохладнее. Как-то я раскрыла задачник.

— Перестань, не смеши, — сказала моя подруга, — завтра у кого-нибудь спишем.

И сколько я ни убеждала, что мы сможем решить сами, тем презрительнее становилась ее улыбка:

— Да брось ты, ей Богу. Спишем же в школе.

И я всерьез задумалась: как же она могла быть отличницей? И за все классные контрольные работы она получала только двойки.

Неужели в прежнем районе, где отец Вали был тоже председателем райисполкома, тетя — директором школы, а мать учительницей, ей так завышали оценки? А может быть, школа была слабой, не в пример нашей?

Валя отошла от меня, отошла сама. И даже вдруг невзлюбила меня, как Раю, за мои пятерки. Да и каково ей было сносить, ей, первой прежде во всем, упреки учителей, довольно ядовитые,

хронические двойки и похвалы в мой и Раин адрес? Нас ей постоянно ставили в пример.

Я еще изредка пыталась приходить к Рыгуновым домой, еще не совсем догадывалась, что ее неуспеваемость так ранит родных. Но меня встречали неласково и всегда говорили, что Вали нет дома. Было обидно, но понимала, что им было больно и завидно. Однако в то время я не подозревала, что по поводу школьных неудач Вали разгорается в семье целое пламя, оно перерастет потом в «пожар», и Рыгуновы вынуждены будут покинуть Турки, отец возьмет новое назначение, Валя уйдет из семьи из-за упреков строгого отца и будет жить в Саратове с тетей, что учиться больше не будет нигде.

Но пока мы учились в одном классе, а вместо дружбы у Вали продолжала расти ненависть, зависть, а у всей их семьи — неприязнь ко мне: Валя жаловалась, что учителя ее унижают, а меня превозносят до небес.

Признаться, вскоре я по Вале горевать перестала, много занималась, бегала на репетиции в Дом культуры, куда Валя Рыгунова с тетей перестали и заглядывать.

Шла весна. Наша родная армия воевала уже на германской земле, загоняла фашистов в их собственное логово. Как же повеселел весь советский народ! Никто не пропускал сводок «От советского информбюро», все ждали знакомый голос Левитана.

Однажды рано утром я проснулась, но с постели еще не вставала. По радио раздался знакомый голос диктора. Он сообщал о том, что Великая Отечественная война окончена. Враг разбит. Победа за нами!!!

В страшной войне с Германией победил Союз Советских Социалистических Республик, сплоченная дружба, нерушимая дружба всех национальностей СССР, воспитанная социалистической идеологией.

Весь народ бежал на площадь. Бежала и я. Прошло столько десятилетий! Но запомнились даже мелочи: было сырое, но теплое утро, откос на горе от библиотеки к мостовой был глинистый и мокрый.

Казалось, что сбежались жители всех Турков. Начался митинг.

Это было 9 мая 1945 года.

Глава 3. Мирное время

Мир в нашем Союзе. Какое счастье! Каждая семья ждала с фронта своих сыновей, мужей, братьев, отцов. И победители возвращались в свои родные дома. Но сколько воинов полегло в боях! В марте был убит муж нашей Маруси, отец Валерика, он совсем недолго не дожил до победы. Бабушка Валерика прислала письмо с просьбой привезти ей внука, так как он — единственное ее родное кровное существо, — сын ее единственного погибшего сына. Она собралась покинуть Куйбышев и уехать в Азербайджан к сестре, надеясь, что это облегчит ей жизнь. Мама отвезла ей мальчика, старушка уехала к сестре. Но Валерик умер в возрасте пяти лет. У меня в школе приближались экзамены. Мои подружки Юля и Валя Рыгунова, как самые неуспевающие, к экзаменам на аттестат зрелости допущены не были. По закону на второй год в десятом классе тоже не оставляли. Можно было заниматься самостоятельно, а через год сдавать экстерном. Но коли дело не шло и в школе, то самостоятельную подготовку невозможно было и представить. Юльку мне было очень жаль, нам так мечталось вместе уехать учиться дальше. Рыгуновы, видимо, были в шоке. Отец Вали воспринял это событие как позор, срочно подал заявление об освобождении его от занимаемой должности и попросил перевода в другой район. Вскоре вся семья из Тур-ков выехала.

Первый экзамен — сочинение по литературе. Горький и Маяковский — вот самые основные авторы, произведения которых в то время входили в материал десятых классов. Этому в подготовке к сочинению я и уделяла самое большое внимание. И одной их трех тем на экзамене была такая: «Идейное богатство и душевная красота героев в романе А.М. Горького «Мать». У меня захватило дух: даже об одном герое можно сказать удивительно много, но я имела право писать глубже и шире — о каждом из героев. Произведение это я знала хорошо. За свое сочинение я получила «отлично».

Мы сдавали очень много предметов, все страшно волновались, готовились днем и поздно вечером. Но однажды, едва ночью задремав, увидела странный сон. Будто мы в доме Юли. Около печки у них были недостроенные полати: упираясь в потолок, стоял столб, от которого в стенку была вмазана круглая перекладина. Получалось что-то подобие турника. Снилось, что на этом «турнике», ухватившись руками, висели втроем три ученицы: Рая Федорова, Валя Шиндова (из десятого «Б») и я. Висеть было трудно, силы оставляли, и мы с Раей упали. Валя же

осталась висеть.

И вот сдан последний экзамен. И тоже на «отлично». И только один человек из двух десятых классов полностью аттестовывался на одни пятерки, а это значило, что я претендовала на золотую медаль.

Директор школы поручила мне написать статью в местную газету о том, как я шла к своей победе, как занималась над собой все десять лет. Писать было неловко, но не хотелось ослушаться и огорчить директора.

Наш послевоенный выпуск — первый на аттестат зрелости, и впервые вводили награждение золотыми медалями. До этого года выпускникам выдавали не аттестат, а свидетельство об окончании школы.

Обо мне заговорило и местное радио.

И вот выпускной бал. Все получают аттестаты зрелости. Что касается меня, то сказали на вечере о том, что мне будет позже вручен аттестат особого образца, а пока меня наградили коричневым кашемиром на платье и деньгами в сумме двести рублей. На вечере учителя (да и ученики) наперебой спрашивали, куда я хочу поступить учиться. Любой институт страны мог принять без экзаменов. Многие годы я хотела походить на нашу умницу Марусю, стать инженером-строителем. А в глубине души тайно ото всех мечтала стать актрисой, все годы, сколько помню себя, выступала на сцене в Доме культуры и в школе на вечерах: и танцевала, получая призы, и пела в хоре, дуэтом, один раз даже соло — «Колыбельную» Моцарта, много читала стихов, поэм, играла в спектаклях со взрослыми и в школе. Кажется, пробовала себя во всех жанрах, все нравилось необыкновенно. Но я считала, что артисты — это люди особые, а я обыкновенная, и меня не примут. Да и жаль было бессонных ночей над уроками; артисты, мне казалось, не обязательно должны знать тригонометрию или химию. Им достаточно обладать сценическим талантом. Учителя давали советы каждый на свой лад:

— Ей надо только в институт иностранных языков, так как акцент удивительный и память прекрасная. Слушай только меня, непременно будешь послом, — убеждала учительница немецкого языка Эльза Иогановна Роот.

— Ни к чему ей это. Иди только в технический вуз, ты обязана стать инженером, — советовал математик Н.И. Кижаев.

— Не морочьте ей голову, — вмешалась учительница русского языка и литературы. — У меня, может быть, за всю жизнь и ученика не было лучше нее. Но скажу другое: она же создана для искусства. Иди, Тома, в театр, только там ты найдешь свое призвание.

Она словно угадала мое тайное желание. Дома я посоветовалась с мамой.

— Нет, Тома, не думай, что это уж такая хорошая специальность. Да и рост у тебя маленький. Пока молодая, будешь играть роли детей, а что потом? Роль героини не дадут. А мне так хотелось бы, чтоб ты стала врачом, — мечтательно сказала мама.

Почему врачом? Может быть, со смертью Лиды наша семья потеряла надежду иметь среди родных доктора? Даже в учителей я в детстве играла, но во врачей — никогда. У нас в доме редко кто простужался. О лекарствах, врачах как-то не заходило и речи.

Однажды мне передали, чтобы я зашла к директору школы домой. Но там меня встретила не директор, а учительница русского языка и литературы. В комнате я увидела Раю Федорову и Валю Шиндову из десятого «Б». Нас всех троих попросили переписать свои сочинения заново. Я удивилась. У меня уже стояло «отлично». У Раи же была всего лишь лишняя запятая, но ей комиссия поставила «хорошо». У Вали была единственная грамматическая ошибка (наречие «навстречу» написала раздельно: «на» и «встречу»). Стояла тоже оценка «хорошо».

Медали утверждались в облоно, в Саратов решили отправить вместо одной три работы в надежде на то, что школа получит три медали. Но в десятом «Б» лучшей ученицей была Клава Авдонина, она часто заканчивала учебный год с похвальной грамотой. Вале обычно не везло: то по одному, то по другому предмету в конце года у нее были твердые четверки. Авдониной я бы не удивилась, но Валей Шиндо-вой я была удивлена.

Большинство моих одноклассников уже подали документы в различные вузы. Устав ждать своего результата, я пошла в школу.

— Тамара, — сказали мне в школе, — аттестат особого образца задерживают, там недоразумение, и тебе с классным руководителем необходимо ехать в Саратов в облоно.

Там нам с Лидией Ивановной предложили пройти в кабинет председателя комиссии. Лишь открыли дверь, мое сердце сжалось: за столом председателя сидела тетя Шура Рыгунова, родная тетя Вали. Она сказала, что мое сочинение не удостоено высокой оценки. Классная руководительница убеждала, что с первого класса по десятый я учебный год заканчиваю только на «отлично», что лучше ученицы в школе нет, и мои знания они могут проверить здесь, что для этого меня сюда и привезли.

Я плохо соображала, что дальше говорила некогда ласковая и приветливая тетя Шура, позже так злобно ко мне относившаяся еще в Турках.

— И куда будешь держать экзамены?

— В медицинский, — я едва прошептала. Работу Раи тоже оценили только на «хорошо».

Сначала у меня появилась обида на Валю Шиндову, словно бы она меня обокрала. Она не была круглой отличницей, ее в школе и в лицо мало кто знал. Но, возможно, в конце учебы и после экзаменов вкупе у нее получились все пятерки.

Хорошо подумав, поняла: мы с Раей были бельмом в глазу у Вали Рыгуновой, нам она непередаваемо завидовала, на нас жаловалась дома. И нам отомстили. Шиндову Валя Рыгунова вообще не знала. И ей повезло. Но, думаю, Шиндова не перешла мне дорогу. Даже не будь ее, тетя Шура Рыгунова легла бы трупом, лишь бы лишить меня медали.

Переживала я здорово. Этого и не описать. И спешила скорее уехать из Турков, так как перед всеми чувствовала себя виноватой: перед школой, которая всегда гордилась мной и которую я очень любила, перед домашними, знакомыми. Я не оправдала доверия и испытывала жуткий стыд.

Скорее, скорее в Саратов!

Было все равно в какое учебное заведение поступать после всего случившегося. Лично самой уже ничего не хотелось. Но если мама мечтает сделать из меня врача, пусть так и будет. Начались сборы. Надо срочно успеть подать заявление, сдать документы.

Я стала агитировать ехать учиться в Саратов и Юльку. Не вся же молодежь учится только в институтах. Можно поступить в техникум и приобрести специальность. За нами потянулась и Зинка, а вслед за ней и Сима. Сима, или Сара, как называли ее в детстве, училась вместе со мной с первого класса, но в девятом классе школу оставила в связи с особыми обстоятельствами. Ее отец воевал на фронте, мать осталась с пятерыми детьми, старшей из которых красавице Лиде шел в начале войны шестнадцатый год. Остальные — мал-мала меньше. В первые годы войны семья как-то перебивалась. Но год от года становилось голоднее, помощи никакой, и бедная их мать, тетя Надя, крохотная и щупленькая, только что не рвала на себе от горя волосы: малыши кричали от голода, а выхода не было. Урожая картошки на такую семью хватало лишь на три-четыре месяца. Потом ее берегли для малышей как лакомство, а взрослые ели лепешки из картофельной кожуры с запаренной сухой лебедой. Лида была красива, как кукла, а худа, как тень. Юра, не переставая, болел воспалением легких, но помышлять об усиленном питании не приходилось.

И вот однажды Лиду пригласила на свадьбу подруга Клава Попова. Клава не успела с женихом зарегистрироваться, как его

вдруг забрали на фронт. Невеста осталась беременной, потеряв надежду на счастье. Но жених сумел приехать на несколько дней, чтоб зарегистрировать брак. На радостях мать Клавы зарезала и потушила курицу, сварила яичек, поставила на стол целую тарелку отварного картофеля и миску соленой капусты. На свадьбу были приглашены три подруги Клавы. Когда голодная до обморока Лида увидела весь этот стол, она решила, что Поповы богаты. Конечно, Клаве с матерью вдвоем картошки хватало на целый год. И Лида с матерью решились на отчаянный шаг — забраться в погреб к Поповым за картошкой. Попытка не удалась, и их обеих приговорили к тюремному заключению. Симе стало не до школы, при ней оставались еще трое малышей. После Победы заключенных отпустили, вернулся с фронта и отец, а Сима собралась с нами в Саратов учиться.

Узнав о нашей поездке, примчался и мой одноклассник Юрка Шарашкин:

— Я тоже еду с вами.

— А в какой институт? — спрашиваю.

— Ну, в какой ты, в такой и я.

Юрка пришел в нашу школу в первой половине девятого класса. До этого он жил в каком-то городе с родителями и братом. Отца за что-то арестовали, а вскоре умерла и мать. Родственники не захотели отдавать мальчиков в детдом, а воспитывать до освобождения из-под заключения отца. Одного ребенка взяли родственники отца, другого — сестра матери. Так Юрка оказался в Турках. Это был застенчивый интеллигентный мальчик лет четырнадцати, очень худенький, но удивительно красивый, почти с девичьим лицом: волосы светлые, брови же — как смоль черные, большие голубые глаза с длинными пушистыми ресницами.

Было заметно, как он тоскует по матери, скучает по родному городу, товарищам и брату. Он был моложе нас всех, мать-учительница отдала его в школу на два года раньше. Учился Юрка неровно: то мог «заткнуть» за пояс и отличника, то еле тянул на тройки.

С мая ему пошел только шестнадцатый год, но после летних каникул он пришел в десятый класс неузнаваемым: высокий, энергичный, живой. Теперь от застенчивости не осталось и следа, и от учителей без конца сыпались замечания:

— Юрка, не шали.

— Юрка, не вертись!

— Юрка, не мешай другим, не то — выгоню.

Позже он говорил, что его почему-то никто никогда и нигде не называл иначе, как Юрка. Зимой в десятом классе он как-то

сблизился с нашей девичьей компанией, сначала гонял снежками до самого дома, потом стал нашу стайку мирно провожать, а затем по пути от другой тети стал заходить к нам домой под различными предлогами. Мне льстило, что свое предпочтение он отдает мне, с ним всегда было весело. Мои подружки привыкли к его обществу, но он злился на Юльку, из-за которой ему часто не удавалось застать меня одну. Даже сочинил о ней глупую дразнилку:

Толстая как боров,
Угрюмая на взгляд
Идет-бредет по улице
Мясокомбинат.

Вот и поехали мы всей пятеркой сдавать документы в Саратов в учебные заведения. Подружки мои никогда не видели города, они всему удивлялись, восторгались. Улица Ленина идет от вокзала до самой Волги. Туда в дом № 39 я и повела всю свою гурьбу к родным Ма-руси, Сережиной жены. Нас напоили чаем, угостили семечками. И вот мы все на их большом балконе. Любуемся ночным Саратовом.

Утром подруги пошли искать строительный техникум, в который я их убедила поступить, рассказав о специальности нашей Маруси. А мы с Юркой отправились искать медицинский институт, который, как нам объяснили, находится недалеко от вокзала. Вот и четыре одинаковых корпуса, на которых можно издали прочитать выложенные камнем слова: «Институт экспериментальной медицины». Стрелки с надписью «В приемную комиссию» на первом корпусе. Попросили познакомить нас с условиями приема. Нам выдали пачку листовок. На каждом листке — подробности о своем факультете. Но что это? «Исторический факультет», «механо-математический», «химический» и так далее. Оказывается, мы попали в приемную комиссию университета, занимавшего первый и третий корпусы, а второй и четвертый — принадлежат мединституту. Присутствующий в комиссии профессор Додонов поинтересовался нашими аттестатами и спросил, имеем ли мы склонность к медицине. По наивности я призналась о желании моей мамы, но не о собственном желании.

— В таком случае вам, молодые люди, незачем уходить отсюда. Вслушайтесь только в само слово: университет! Универсальное учебное заведение. И равных ему нет. Поступите, например, на химический факультет. И перед вами в будущем откроются двери удивительных лабораторий с их открытиями.

И я подала свои документы на химфак, а Юрка на механо-математический.

Девочки оставили документы в строительном техникуме. Мы уезжали домой до вызова нас на экзамены, но достать билеты до Тур ков не могли и рискнули ехать на платформе товарного вагона. Вот, наконец, и Ртищево, а скоро и Летяжевка. Но именно здесь нас, как безбилетников, забрала милиция, посадили в какую-то зарешеченную предварилку. Только Юрка успел юркнуть под вагон, и милиционеры не заметили.

Прошло какое-то время и он пришел в милицию с просьбой:

— Посадите меня в тюрьму.

Сначала приняли за сумасшедшего, но когда он все объяснил, работники милиции расхохотались и всех нас выпустили на свободу. Дальнейший путь домой был благополучный.

Но вот однажды пришел Юрка и сказал, что документы из университета он забрал, так как тетка дома учинила скандал, убеждая, что в трудное послевоенное время она не имеет возможности дать ему высшее образование, одевать его, кормить, посылать деньги. Третья тетка из Ярославля убедила его ехать к ней и поступать в военное училище, где курсантов одевают и кормят бесплатно. Так я рассталась с этим веселым пареньком. На вступительных экзаменах по литературе я писала о поэзии Маяковского, получив за сочинение «отлично», а на экзамене по физике преподаватель даже спросил фамилию моего школьного учителя. Но из-за ожидания аттестата особого образца и поздней сдачей документов я сдавала экзамены во второй поток, и мест в общежитии уже не было. Жила пока у родных Маруси, но здесь нас с Зинкой обокрали приятели хозяев. У меня украли новое платье из материала, подаренного школой, а у Зинки единственную комбинацию. Она перешла жить к Юле и Симе, снимавшим частный уголок в квартире подвального типа. Мне идти было некуда. Но настоящее горе началось тогда, когда в университете у меня выкрали хлебные и продовольственные карточки на весь месяц. Не знаю, как я все же выдержала шестнадцать дней учебы и дождалась от мамы письма с советом возвращаться домой. Я издергалась из-за аттестата, экзаменов, отсутствия средств существования и крыши над головой. Мама советовала набраться сил, а с будущего года все начинать сначала.

Зинка, оказывается, была принята без стипендии, девочки голодали и присоединились ко мне уехать домой. Голодные, безденежные, мы ехали от Саратова на подножках вагонов. Лишь Юльке удалось взобраться на крышу вагона, но в Летяжевке, боясь, что поезд долго не задержится, она бросила свой деревянный баульчик прямо с крыши, и он, ударившись о рельсы, разлетелся в щепки.

Милые Турки! Вон уже и станция, а вон и крыши, утопающие в садах!

Мы дома. Это был удивительный год. Вернувшийся с фронта Сережа работал в райкоме и жил со своей семьей отдельно. В доме оставались только мама Наташа со стареньким папой, да мы с мамой. Маму вновь назначили директором Дома культуры, и со свойственной ей страстью она принялась восстанавливать заглохшую там работу, а я была ее правой рукой. Какую же мы вновь организовали самодеятельность! Но я заглядывала и в учебники, помня о том, что с нового учебного года пойду учиться. Подружки мои тоже настраивались на дальнейшую учебу.

В Саратове открылся строительный институт, и я решила продолжать дело Маруси, стать строителем.

Мама, будучи в командировке в Саратове, взяла в университете мои документы и отнесла в строительный институт. Там, просмотрев школьный аттестат и экзаменационный лист из университета, сказали, что согласно этих документов я буду зачислена в строительный институт без вступительных экзаменов.

К этому периоду относится мамино знакомство с папой Сережей. До службы в действительной армии он был женат и имел сына. Но, попав после двух лет службы сразу на фронт, да не вдруг демобилизовавшись, он не виделся с семьей семь лет. Вернувшись, узнал, что в его совхозе за эти годы жена изменяла, и он уехал из совхоза в Турки искать работу и начинать жизнь сначала. Впервые с мамой он встретился в сберкассе, а потом, случайно, у моей крестной Татьяны, которую он знал по экспедиции Студеновского совхоза.

Знакомство мамы с Сергеем Венедиктовичем крепло, она познакомила его со своим братом Николаем, приехавшим в отпуск. Дядя Коля одобрил ее знакомство. Но когда папа Сережа сделал ей предложение, она поначалу не соглашалась выходить замуж.

— Ну сколько раз можно выходить замуж? — упрекал отец. — И молод он.

— Да и не пара он тебе, — продолжала мама Наташа, — вы у меня — кто директор, кто инженер, кто комиссар, а то и секретарь партийный, а этот просто шофер. Разные вы, ничего и не получился.

Я тоже не была в восторге от ее выбора. Прежние ее мужья или поклонники были интеллигентнее и симпатичнее. Но в папе Сереже была другая замечательная черта: какая-то прочность, надежность.

— Да что я теряю? — подумала мама, — не сложится жизнь — разойдемся.

Они сошлись. Свой рабочий кабинет в Доме культуры мама оборудовала под жилую комнату. Но жили там недолго: через дверь слышались голоса репетирующих, в комнату то и дело по привычке забегали участники самодеятельности. Они раздражали уставшего после работы Сергея Венедиктовича. В это время брат мамы Сережа был направлен на учебу в партшколу, и Маруся с детьми вернулась в родительский дом на Лачиновку. Мама же Катя с папой Сережей стали мечтать о собственном жилье, пусть маленьком. На улице Советской продавали полдома, но денег на эту покупку было маловато, и треть стоимости за дом им предложила мама Наташа.

— Мы обязательно возвратим. Хочешь, напишем тебе расписку? радостно говорила мама.

Мама Наташа только рукой махнула. Неужели она с родной дочери возьмет долг?

И новая семья зажила своей жизнью. В их домике было спокойно и уютно.

Глава 4. Студенчество

А я училась в это время в Саратове в строительном институте. Каким маленьким показалось мне здание института по сравнению с величественными корпусами университета. К тому же часть здания была отдана под общежитие студентов. Я училась с удовольствием, легко помогала с курсовыми заданиями подругам. Видимо, большую роль играли прочные школьные знания. Одним словом, судьбой своей я была довольна.

Все три мои турковские подружки тоже учились в Саратове, но поступили в дошкольное педучилище. Жили, к сожалению, не в общежитии, а на частной квартире. Но общались мы часто.

Однажды меня навестила мама. Девочки, учившиеся со мной, еще на улице узнали, к кому она приехала: так мы были с ней похожи.

Но к концу учебного года случилось непредвиденное. Дело в том, что до войны здание нашего института принадлежало сельскохозяйственному институту. В войну здесь размещался госпиталь. Сельскохозяйственники отвоевавали свое здание. И нам, студентам, было предложено перейти в автодорожный институт. Все это было не совсем приятно, но не бросать же учебу снова.

Здание нового института было просторным, состояло из восьми секций, имело просторные аудитории, большой актовый зал. Через дорогу от учебного корпуса находилось большое четырехэтажное общежитие. Но нас, вновь прибывших из строительного института, разместили в восьмой секции учебного корпуса. И в комнате нас было человек по тринадцать.

Своих турковских подруг я теперь видела реже, так как жила далеко, в клиническом поселке {прежней Агафоновке).

Первые студенческие годы после войны были очень голодными. Иногда, правда, из дома я привозила немного муки, пшена или картошки.

Стипендию, как правило, получала повышенную. Но и она была невелика — четыреста девяносто рублей, в то время как буханка хлеба на рынке с рук стоила сто рублей. Есть в общем-то хотелось все время. Денег из Турков мне не присылали никогда, мама начинала новую жизнь, и им очень многое нужно было приобрести. Но необходимую одежду мне приобретали. Впрочем, у нас никто не одевался шикарно. И это никого не смущало, так как все были довольны судьбой, было весело от каждого пустяка, любили петь, ходить в драматический и оперный театры, на танцы, устраиваемые в институте три раза в неделю, участвовать

в художественной самодеятельности. Забывался и голод.

Зато в воскресенье, как правило, с утра я ехала к турковским девчатам, и мы шли в столовую, где выстаивали неимоверную очередь. Покупали тарелку вермишелевого супа, к которому прилагался кусочек {сто грамм) хлеба. Суп тут же съедали, а хлеб несли на базар. Продав его ровно за столько же, сколько стоит обед, мы выстаивали новую очередь в столовой. И так раза три. Зато мы съедали по три тарелки супа, и в убытке не были: все покрывал проданный хлеб.

С понедельника начиналась обычная трудовая неделя: голодная, напряженная, но привычно веселая, так как не угасал задор от поставленной цели — учиться. А страна после войны очень ждала нас, так как особенно нуждалась в специалистах, чтоб залечивать послевоенные раны.

В праздники и на каникулы я приезжала в дом моей мамы, но большую часть времени проводила в родном доме на Лачиновке, постоянно виделась с мамой Наташей, наблюдая с каждым приездом за тем, как она заметно стареет. В жизни ей пришлось пережить очень много: истязания пьяным отцом ее матери и смерть ее в молодые годы, воспитание после этого своих сестер и братьев, замужество в многолюдную бедную семью, похороны четверых первых детей, три пожара и три стройки новых домов, воспитание пятерых детей при непрерывной подработке шитьем и торговлей, чтобы дать им образование и даже воспитание меня, внучки, похороны двоих взрослых дочерей, пьянство мужа, неудачные браки моей матери. Из-за всего — страдания и бессонные ночи. Стал прогрессировать паралич, слегка подергивались пальцы левой руки, и плохо стали ходить ноги. Но по дому все еще делала сама.

В институте больше других я общалась с Катей Поповой, девушкой умной, серьезной.

Из парней на первом курсе у меня друзей не было.

На втором курсе, кроме учебы и танцев, я занималась общественной работой, была избрана членом комитета комсомола, издавали большую стенгазету, ходила в хоровой кружок, в составе которого было более ста человек. Руководил им профессионал, старый майор, очень мягкий и деликатный человек. Зато в драматическом кружке занималась под руководством редчайшего грубияна, артиста Василевского, который, видимо, подражал своему режиссеру. Мы поставили несколько многоактных пьес. И говорят, неплохо.

Но вот я закончила второй курс. Но как же мы все, оказывается, скучаем по своим домам, где родные лица и еда досыта. Однако, ни позавчера, ни вчера, ни сегодня мне не

удается достать билет на поезд. А сегодня уезжают и мои турковские подруги, сумевшие достать билеты заблаговременно. С ними в вагон я и отправляю свой чемодан. Сама же остаюсь на платформе почти до самого отхода поезда, держа в руках копеечную игрушку — картонную балалаечку. До отправления поезда пять-семь минут. Изобразив запыхавшуюся, подбегаю к проводнице с просьбой:

— Пропустите на секундочку, пожалуйста. Я только передам братишке игрушку и мигом назад.

Проводница смотрит недоверчиво.

— Да вы не волнуйтесь. Я — не пассажир, видите — без вещей.

Ура! Я в вагоне. А дальше не страшно. Где-то в пути пройдет контролер, соберет с зайцев-студентов по трешке, и можно будет ехать спокойно до конца. Не имеющие денег прячутся под сидения. Но что это? Из-под сидения торчат чьи-то длинные ноги.

— А ну, заяц, вылезай, — приказывает контролер.

Из-под лавки вылезает наш студент, рыжий и смешной Мишка Халдей.

— Плати, голубчик, штраф.

— Зачем штраф? У меня билет есть.

И Мишка роется в своих многочисленных карманах, выворачивая их и не спеша вынимая их содержимое: недоеденный сухарь, огрызок карандаша, блокнотики, многочисленные записки и записочки. Управившись с одним карманом, спокойненько принимается задругой и так далее. Контролер свирепеет:

— Да ты что, черт рыжий, два часа мне будешь голову морочить? Каждому пассажиру понятно, что билета у тебя нет.

— Я же знаю, что есть, — возражает Халдей. И Миша продолжает неспешные поиски.

— Да я тебя из вагона вон выкину!

— Зачем же? — парень невозмутим.

Мишка аккуратно опускает два пальца в карман и с вежливым поклоном протягивает билет.

Контролер в недоумении, он застыл.

— Так какого же дьявола ты под полку лез? — изумленно произнес контролер.

— Так ведь все полезли, полез и я, — ответил Мишка, глядя невинными глазами.

Вагон сотрясался от хохота. Недаром М. Халдей был бессменным конферансье на всех студенческих концертах. Он был всегда веселым, находчивым, остроумным. Разыграл клоунаду и в вагоне, повеселив друзей, радуясь хохоту как в зрительном зале.

Поезд останавливается: Летяжевка. Какое же это близкое,

родное слово! Оно — предвкушение радости. Езжу целые десятилетия, но прочитав знакомое до боли «Летяжевка», не бываю равнодушной и в зрелые годы.

Наконец, ни с чем не сравнимое — Турки. Это курортное местечко. Как и до войны, сюда съезжается на лето много отдыхающих: к одним приезжают в отпуск родственники, к другим отдохнуть дачники, к третьим нуждающиеся поддержать здоровье на чистом воздухе. Тут не только саратовцы, много москвичей, ленинградцев, горьковчан, свердловчан и людей из других городов Советского Союза.

Дни мы с подругами проводили на Хопре, набрав с собой овощей и фруктов, а вечером непременно — в Дом культуры — в кино, на танцы, на репетиции.

Открывается занавес и удивляемся: сколько же народа! Даже во весь проход приставные стулья.

Но вот мама снова меня провожает. Она, как всегда, нервничает, суетится и беспокоится, что не достанем билета, или при таком скопище людей я не успею сесть в поезд в течение двухминутной остановки поезда.

Я опять в Саратове, а мысли о Турках. Даже в прохожих горожанах ищу кого-нибудь похожих на туркачей. Много проходило дней, пока по-настоящему не успокаивалась и не втягивалась в учебу.

Но вот захлестнули курсовые работы, а по средам, субботам и воскресеньям — неизменные студенческие танцы.

Однажды, протанцевав с каким-то студентом танец или два, мы вышли из зала на улицу остыть. Парень был худенький, светловолосый, кудрявый и веселый.

— Ты что, призы брала за танцы? Уж очень ты легко танцуешь, — проговорил парень и спросил, откуда я приехала сюда.

Узнав, что я из Турков, он остолбенел.

— Да я же там бывал прежде каждое лето. Меня зовут Владимир Фрибус. Родители живут в Омске (думаю, что я тогда ослышалась: у нас в Орске есть какие-то Фрибусы. Не его ли потомки?).

Уже кончились и танцы, а мы все бродили, вспоминая знакомые турковские места. Вдруг хлынул дождь, и мы бросились к моему общежитию. Поставив меня под навес и укрыв своим пиджаком, он взахлеб еще что-то рассказывал.

— Иди, Володя, ты промок до нитки.

— Да ладно! Только обещай, что на танцы завтра придешь непременно.

Девчонки в комнате стали расспрашивать, с кем это я

задержалась. Я назвала имя.

— Ба! Да я его знаю, — сказала одна из девочек-горожанок, оставшаяся ночевать в общежитии после танцев, — мы занимаемся с ним в одной спортшколе, он жутко ярый спортсмен-легкоатлет, а зовем мы его Вовка-бегунок.

Наутро через вахтера мне передали, что меня кто-то вызывает. В девичье общежитие вахтеры мальчиков не пропускали. У подъезда стоял Вовка:

— Ты уж извини. До вечера так далеко, а сегодня воскресенье. Не съездить ли нам в город в парк или на Волгу?

Мы побывали в городе, а вечером танцевали и гуляли по аллеям около института. Жизнь моя приобрела другую окраску. С этим неугомонным парнем всегда было весело.

Я просила Юльку, чтоб в воскресенье она никуда не ходила и ждала меня, сказала, что приеду к ней с хорошей новостью. Мне не терпелось рассказать ей о Вовке или даже их познакомить.

Вовка, как всегда восторженный, проводив меня под воскресенье до общежития, попросил назавтра приехать на стадион, где будут у него проходить соревнования. В моей голове мелькнуло: а как же Юлька?

— Вова, я не смогу.

А дальше меня понесло «не туда»:

— Я не хочу, потому что не люблю спорт.

Он не подал вида, что обиделся. Но это было концом нашей дружбы. И я его понимаю. Если бы я готовилась к спектаклю много месяцев, не щадя времени и сил, потом пригласила бы его на премьеру, а он бы отказался и признался бы, что не любит театральное искусство, я бы на это отреагировала, пожалуй, также, как он. Я разочаровалась бы.

Мой порывистый характер всю жизнь приносил неприятности и в первую очередь мне самой. И дорогим мне людям.

В самом начале этого же года на нашем факультете избрали новый состав комсомольского бюро. В него ввели и меня. При распределении обязанностей мне достался организационный сектор, в связи с чем я была в курсе всех комсомольских мероприятий нашего факультета.

Секретарем комсомольского бюро был избран Заверткин Рэмир. Он производил впечатление человека умного, способного, но застенчивого. В комсомольской работе я у него была правой рукой, работали активно. Лишь в одном у меня случался постоянный казус. По списку, данному мне Рэмиром, чтоб оповестить ребят на заседание бюро, я не могла узнавать в лицо ребят, фамилии которых повторялись не раз. Фамилии знала, а лиц не запоминала: все мальчишки мне казались какими-то

похожими, будто все на одно лицо.

После каждого заседания мы с Рэмиром задерживались на не7 сколько минут, обсуждали прошедшее заседание, его удачи или минусы, планировали, какие бы вопросы включить в повестку следующего заседания.

Учился Рэмир только отлично, систематически получая повышенную стипендию. У меня же в некоторые сессии проскальзывали и четверки.

А с черчением, помню, произошел случай. Мою работу, которую я выполняла с большим старанием, преподаватель не зачел, ему не понравился мой стандартный шрифт, который у меня прочно выработался с восьмого класса. По-другому я написать не могла. Я выворачивалась «наизнанку», доказывая это учителю. Все напрасно: все заглавные и прописные буквы шрифта Калошин требовал переделать заново.

В общежитии я расплакалась, второй раз я напишу только хуже.

— А ты не переделывай, потяни подольше, он тебя и забудет, а потом сдай, — советовали подружки из нашей комнаты.

Так и сделала.

Но Калошин не забыл:

— Вот видите! А еще сомневались в своих способностях. И поставил «отлично».

Оказывается, у него было правило: возвращать шрифт всем, чтоб «набивали руку».

С Рэмиром виделись постоянно, лекции у наших групп по расписанию совпадали, и мы садились рядом. Нам обоим нравились лекции Файна по железобетону. Лекции его были очень понятными, не нужно брать к экзамену даже учебник. Способный преподаватель рассчитывал свой урок так, что его последнее слово в лекции совпадало со звонком на перемену.

Хорошо читал и Улицкий. Вообще преподавательский состав в институте был сильный.

Как ни привыкла я к институту, а своих турковских подружек не забывала и ездила к ним часто. Они жили на другой квартире. Их хозяйкой была молодая женщина, всегда встречавшая меня приветливо. А однажды, глядя на меня, сказала моим девочкам:

— Поверьте мне, что Тамара до самой смерти прокрутится на одной ножке. (Как же она ошиблась! Хондроз скрутил меня рано).

Подруги заканчивали свое училище и готовились к отъезду на работу во Владивосток. Возвращаясь от них, в ожидании трамвая я стояла грустная. И вдруг услышала звонкий голос:

— Сколько лет, сколько зим!

Передо мной стояла красивая, сияющая Валя Рыгунова.

— Как ты? Где? — спросила меня Валя.

И я, не скрывая, рассказала о всех своих злоключениях с университетом, строительным институтом и автодорожном. Попросила ее рассказать о себе.

— Учусь в медицинском.

Я поверила. И только спустя пятьдесят лет от Р. Филатова узнала, что после Турков Валя не училась нигде. Обладая красивым голосом и эффектной внешностью, устроилась в филармонию. Он и встретился с ней неожиданно, случайно прочитав в афише филармонии ее фамилию, когда филармония приезжала на гастроли в местечко неподалеку от того, где жил и работал Руфка. Они созвонились и встретились. Обманывая меня, Валя рассчитывала, что я позавидую, так как вскользь ее тете я говорила о мединституте, хоть, честно говоря, душою туда и не рвалась.

Я подходила к общежитию, но в его окнах не горел свет, хотя уже темнело. Что-то случилось с электричеством. В темном вестибюле сидел Рэмир. Поздоровавшись, спросила, почему он тут сидит.

— Я жду Галю Светлову.

Галя — его землячка. Я пообещала пригласить ее, но он ответил, что Гале уже передали, она знает.

Если бы он сказал правду, что ждет меня, мы побродили бы по аллеям института, прекрасно бы провели время, но он не ожидал увидеть меня, идущей с улицы, растерялся и постеснялся признаться.

Но кроме комсомольского бюро и совместного выполнения общественных поручений, мы постоянно встречались на лекциях, а также на репетициях: наш хор пел под их оркестр. Самодеятельность давала концерты не только в стенах своего института. Часто, загрузив автобус музыкальными инструментами, мы с шутками и песнями мчались по городу давать концерт в какое-либо предприятие или учебное заведение. Нашей самодеятельности выпадала честь выступать и на сцене саратовского оперного театра, когда там был партийный пленум и приезжали члены ЦК КПСС из Москвы.

Нас с Рэмиром все чаще видели вместе. Лично мы считали нашу дружбу чисто товарищеской, а со стороны другим она воспринималась, как любовь.

Однажды мы в общежитии погасили уже свет и легли спать. Вдруг из самого дальнего угла нашей большой комнаты послышался голос Ани Щукиной:

— Тамара, а ты хоть знаешь, что у матери Рэмира туберкулез?

Я знала. Он рассказывал мне об этой почти неизлечимой болезни, которая то затихала, то обострялась вновь. Слово «туберкулез» мне было знакомо чуть ли не с пеленок. Позже мама вспоминала о том, что она выходила за дядю Андрея Яшкова после Махачкалы. Ей не хотелось распространяться, что первый раз она за него вышла до поездки в Дагестан, когда мне шел третий год. Все знали, что он болен туберкулезом, мне запрещали брать у него гостинцы, когда он не был еще женат на маме, но заходил к нам. В их большую семью, куда мама вышла за него, меня не отдали. Во-первых, опасаясь заразить, во-вторых, оттого, что мама работала в суде и выезжала порою на пять-семь дней в деревни с сессией суда. На Лачиновке, где мне было все привычно, где все любили меня, конечно же, мне было хорошо. Но я скучала по маме. А она тоже не была по-настоящему счастлива, оторвав меня от своего сердца. Я и теперь отлично помню яселькиу переулка, откуда начиналась Тенишевка, улица, где жила мама у Яшко-вых. Бегать повидаться со мной на Лачиновку было далековато, и она прибегала в ясли.

Жизнь у Яшковых, видимо, не складывалась, но больше всего не ладилось с работой рядом с самодуром Грачевым. Она была на грани какого-то срыва, и родные уговорили ее уехать с ними в Махачкалу. Этот преддагестанский образ жизни она не любила вспоминать особенно и оттого, что ее упрекали частыми замужествами. Когда и Махачкала не принесла ей счастья, дядя Андрей убедил ее, что здоровье его наладилось и жить они будут отдельно от его большой семьи. Но счастье их было коротким (если его можно было назвать счастьем). Я была уже первоклассницей, за все годы от мамы отвыкла. Да она и не настаивала на сближении из-за ее больного мужа. Уже большая девочка, я почти ежедневно слышала о его страданиях, о том, как съедала его страшная болезнь — туберкулез, как терзалась мама, с какими мучениями дядя Андрей ушел из жизни.

А через четыре года ужас этой болезни обрушился снова: смерть Лиды, ее медленное угасание и мучения.

Может быть, это страшное слово «туберкулез», которого я боялась с детства, сблизил меня с Рэмиром-студентом, потому что я очень жалела его из-за матери. Но это слово и развело меня с Рэмиром-мужем, потому что я очень боялась за детей, которые для меня дороже личного счастья.

А пока еще мы были студентами и очень симпатизировали друг другу.

Помню день городских выборов. Они проходили и в вестибюле нашего института. За организацию, порядок и проведение выборов отвечал наш факультет. Рэмир, как

комсомольский секретарь, волновался, следил за дисциплиной и прочим. А вечером ему предстояло играть в оркестре на танцах. Периодически, когда музыканты отдыхали, включали радиолу. Он пригласил меня танцевать.

— По-моему, ты с ног валишься, ты такой бледный. Ты ведь очень устал, потому что у тебя, я знаю, был трудный день.

Его тронули эти слова:

— Никто никогда не замечал, что я устаю. Никто не говорил таких слов, только ты. А я действительно выдохся. Ты не против, если завтра вечером я зайду за тобой, и мы просто погуляем, отдохнем.

Я была не против. И в этот вечер он рассказывал о себе, о том, что в 1937 году арестовали отца, о том, что мать в юности была больна туберкулезом, потом будто бы все затихло, но с 1946 года все обострилось. Работает она судьей и очень любит общественную работу. Домашнее хозяйство ведет няня.

А я рассказала ему все о своих родных: о маме Наташе, воспитавшей меня, и о маме, которой очень не везло в личной жизни, хоть и не по ее вине, что на каникулы езжу в новую семью мамы, но больше времени провожу в своем прежнем доме, где родилась, и который считаю единственно родным и очень его люблю.

После этих откровений все свободное время мы стали проводить вместе. Часто вместе стали заниматься в читальном зале нашей библиотеки.

— Не хватит ли на сегодня грызть науку?

— Пожалуй. Только давай выходить не вместе, а по одному. Выходи первая, — говорил Рэмир.

Я обижалась, потому что не понимала, чего он стесняется. Про-дружив весь третий курс, ежедневно встречаясь и вечерами, мы ни разу не поцеловались. Так чего же он стыдится?

— Понимаешь, я деревенский. А у нас принято прятаться, скрываться, чтоб никто не догадывался, — смущенно оправдывался парень.

Очень тепло относясь ко мне, он даже и не представляю, когда бы отважился первый раз поцеловать, если бы этому не предшествовала разлука: их группа готовились в Белгород на практику, наша — продолжала сдавать экзамены. Пятого июня на экзамене за строительные машины я получила тройку — впервые за все годы.

— Что случилось? — спросил меня Рэмир, ждавший меня за дверью, видя на лице горе.

— В свой день рождения преподнесла себе подарок на экзамене — тройка. Впервые.

— Так пересдай ее.

— Не стоит. Не люблю я эти винтики, гаечки, тормоза, рули и так далее.

— Все равно не унывай. И давай куда-нибудь отправимся часа через два.

Но ни через два, ни через четыре часа он не появился. И мне было горько в день рождения.

Появился он лишь вечером. Бедняга искал деньги, а потом ездил в центр за подарком. Он протянул мне коробку цветных карандашей и… нож.

Я обалдело смотрела на подарок, особенно на ножик:

— А что я им буду резать?

— Да вот эти, — говорит, — карандаши точить. Я ведь не соображаю, что бы тебе понравилось. А чего бы ты хотела сама?

— Наверное, одеколон, — призналась я.

На другой день Рэмир подарил мне одеколон «Виноград». Это был дешевый одеколон, копеек за сорок. Но оригинальный флакончик напоминал собой гроздь винограда. Прошло столько лет, но наверное, я бы и теперь узнала его запах с закрытыми глазами, запах нашей беззаботной счастливой юности и чистой дружбы. Пустой флакончик хранился много лет, и им долго играла наша дочка Люда.

Мостовики уехали на практику, и я затосковала. Но заканчивались экзамены и у нас. Кто-то вбежал в аудиторию и прокричал:

— Есть желающие в Белгород? Идите и записывайтесь.

Я с радостью записалась, также попали в эту группу еще несколько человек из нашей комнаты.

Рэмир был рад моему приезду, но, пожалуй, слишком: вместо того, чтоб пойти навстречу, он закрылся с головой в простыни и одеяла. Это было для всех странно. Редко, правда, но странности у него проявлялись и позже. Помню случай, когда мы уже из Пензы переехали в Орск, часто ходили в Дом культуры «Строитель» в кино. И вот, собираясь однажды в очень жаркое (по-орски) лето в кино, он стал на туфли натягивать галоши.

— А что это ты делаешь? — спрашиваю.

— Да вот не налезают почему-то.

— Да ведь на дворе лето, пыль. Зачем тебе галоши натягивать?

— Эх, и правда ведь, — но даже не удивился.

В общем, странности у него были, но парень он был хороший.

Итак, Белгород. Всех практикантов разместили в одном большом доме сельской конструкции. Девушки занимали одну комнату, парни — другую, а хозяйка жила в сенях.

Практика нас не утомляла. Практически на объектах мы были только до обеда, а потом знакомились с городом и его окрестностями. Все мы были молодые, веселые, беззаботные и совершенно безденежные. Помню, на обратной дороге от Москвы у нас с Рэмиром не осталось денег, чтоб закомпостировать билеты. Уж что мы не предпринимали! Проверяли облигации — бесполезно. Обращались за помощью в ЦК комсомола, в Министерство высшего образования. Там, проверив наши документы, выдали нам небольшую сумму под стипендию. Потом, действительно, эти деньги вычли, мы их недополучили.

Мы на четвертом курсе. Чувствуем себя старшекурсниками, взрослыми, с Рэмиром неразлучны, и он уже из нашей дружбы не делает тайны. Скорее, наоборот. Однажды профессор Плохов (он у нас и не преподавал) спросил его:

— Молодой человек, а не слишком ли вы ухаживаете за девушкой? Думаю, многовато.

Осенью на четвертом курсе к Рэмиру приехала мать. Он нас познакомил. Елена Петровна мне понравилась: энергичная, в глазах смешинки, все время подшучивала над нами с Рэмиром. Мы все втроем весело провели вечер.

— А давай-ка с тобой завтра сделаем в парикмахерской завивку, — сказала она мне, — в провинции так не сделают, как в области. И будем мы с тобой красавицы, Рэма глаз не отведет.

После первой пары лекций я ушла из института, и мы отправились завиваться.

— А теперь составь мне компанию еще в одно место, — попросила Елена Петровна.

Не возвращаясь в институт, мы поехали. Довольные удачной завивкой, мы обе были в настроении. Она смешила меня рассказами о младшем сыне Эрике, ученике шестого класса.

Мы подъехали к противотуберкулезному диспансеру. В кабинете Елена Петровна задержалась недолго. И вышла грустная. Я посчитала неприличным о чем-либо расспрашивать, около института хотели распрощаться и идти в общежитие. Она сказала:

— Нам, пожалуй, вместе к Рэме идти лучше.

— Меня в мужское общежитие не пропустят.

— С матерью везде пропустят.

В комнате, кроме Рэмира других ребят не было. Мать тяжело опустилась на его кровать. Она будто постарела и обратилась к сыну:

— Мы смертельно устали. Вскипяти чай и напои нас чаем. Пили чай, шутки не получались. Видимо, ее анализы в больнице были не из приятных.

Перед отъездом из Саратова Елена Петровна приглашала меня в летние каникулы обязательно приехать к ним в Бакуры:

— Тебе у нас понравится, село маленькое, тихое. Летом так хорошо!

Учебный год продолжался. Рэмир в школе не всегда был отличником, а тут учился только на «отлично». И я старалась поднажимать, не тянуть с курсовыми. Как всегда, не оставляли и художественную самодеятельность, и время мчалось стрелой.

Но однажды Рэмир остановил меня на лестничной площадке, и я услышала странные слова:

— Боюсь, что нам придется расстаться. По-моему, у меня туберкулез, и я не имею права тебя заразить.

— С чего ты взял? — удивилась я.

— Ты же видишь, какой я худой. Кроме того, держится температура, и я кашляю, давно уже.

— А если у тебя простуда? Все же простывают. Сходи к врачу, сдай все анализы, пройди рентген, — посоветовала я.

— Да я и сам это решил, просто посоветоваться с тобой хотел.

Я почему-то не верила, что у Рэмира серьезная болезнь, поэтому, наверное, вскоре забыла об этом нашем разговоре. Время шло как всегда.

— А ведь ты была права, — сказал он мне однажды, — я абсолютно здоров.

Но тифом этой зимой он переболел. Откуда взялся тиф, непонятно. Отлежав в больнице, сессию он сдал успешно, на «отлично». А с зимних каникул привез мясом половину бычка.

— Зачем ты приволок столько мяса? — спросила я.

— А у меня аппетит после тифа хороший.

И, наверное, только через год или два я узнала, что мясо он вез на нашу свадьбу, но предложить пожениться постеснялся. Да я бы, наверное, и отказалась: мог бы появиться ребенок, а впереди столько учебы.

На четвертом курсе спектакли мы ставили собственными силами, без театрального режиссера. Случалось, что на декорацию или костюм приходилось тратить все деньги своего тощего кошелька. Но я постоянно помнила о Сидоркине, любителе турковской сцены. Старик продал собственную корову, чтоб оборудовать сцену на вырученные деньги:

— Сыграть бы еще раз на сцене, — говорил он, — а потом и умирать не жалко.

Вот и летняя сессия. Последний предмет на экзамене — теплотехника. Сдали все группы, ни одного завала. Видимо, потому что преподавателем был добрейший старичок. Но, к всеобщему удивлению, вдруг одного студента с экзамена

попросили, не сдал… Рэмир. Он и сам не знал, почему.

Наконец, все экзамены позади. Свободные, мы бродили по Кировскому проспекту. Увидев в витрине магазина парфюмерный набор «Красная Москва», Рэмир сказал:

— Как только начнем работать, я сразу же тебе куплю вот такой подарок.

— А если нас к тому времени разбросают по разным городам?

— Не смогут. У нас к тому времени, я надеюсь, будет одна фамилия. Ты не возражаешь?

Я не возражала. Мы продолжали разгуливать по центру Саратова.

— А что тебе сейчас хочется больше всего? — спросил Рэмир.

— Вместе с тобой в хорошем театре смотреть спектакль и жевать вкусное печенье, — ответила я.

— Когда-нибудь мы обязательно это устроим, — пообещал Рэмир.

Страна все еще залечивала свои послевоенные раны, поэтому студентам было голодновато. Рэмир перезнакомил меня с саратовскими тетушками, родственницами отца. Мы бывали у них на всех советских и религиозных праздниках, они угощали нас чаем и были уверены, что я — непременно невеста их племянника, никак не иначе.

Начинались последние каникулы:

— А ты не забыла о поездке в Бакуры? Ты обещала маме.

— Хорошо. А потом ты со мною в Турки, согласен?

— С удовольствием, — ответил Рэмир.

Сойти с поезда мы должны были в Екатериновке, а до Бакур добираться попутной машиной. Чем ближе подъезжали к Екатериновке, тем я чувствовала себя неувереннее:

— Ну в качестве кого я еду? Как-то принято, что невеста не появляется в доме раньше у жениха, чем он у нее.

— Так мы же не изменим своего решения пожениться. Я предлагаю расписаться в Екатериновке, и приедем в Бакуры со свидетельством о браке. Не возражаешь?

На том и порешили. Но, выйдя из поезда, и увидев друг друга страшно грязными {тогда не было тепловозов, а от паровозов была в вагонах копоть), решили привести себя в порядок. Рэмир отыскал какой-то ручей, мы умылись, причесались, отмыли ноги и, подхватив чемоданы, авоськи, сумки и прочее, пошли искать ЗАГС.

Мы отыскали его, но день клонился к вечеру, на здании сельского ЗАГСа висел замок.

Деваться некуда, едем в Бакуры.

Все оказалось проще. Встретили нас приветливо. И вместо

запланированных двух-трех дней мы прогостили недели полторы, организовав в их сельском клубе самодеятельность, устраивая концерты. Я чувствовала, что семья Рэмира, его друзья и знакомые мне симпатизируют. И мне было легко и просто.

Глава 5. Замужество

Едем в Турки. Теперь мне захотелось познакомить всех моих с Рэмиром. Маме и Сергею Венедиктовичу он понравился. В нашем доме на Лачиновке жил после курсов и Сережа с семьей. Мама Наташа и Сережа с Марусей тоже одобрили мой выбор. Дни бежали незаметно. Турки наши Рэмиру очень понравились. Дом в его Бакурах, где жила мать с младшим сыном и няней, тоже просторный, больше, чем у мамы Наташи, но их селу с нашим не сравниться. Турки с их лесом, рекой, садами, разнообразным рельефом — поистине курорт.

Пол-лета, в сущности, гостили то у его, то у моих родных. Впереди — преддипломная практика в Москве, а до нее — у Рэмира воинские лагеря, до которых оставались считанные дни. Мы последнее время так привыкли не расставаться, что нас огорчала предстоящая практика. Так хотелось бы в столице не разлучаться, быть всегда рядом, но нас могут разбросать по разным местам.

— А вы возьмите да поженитесь, — как-то просто, по-доброму, сказала Маруся, — а мы с Сережей будем свидетелями.

О свидетелях мы и слыхом не слыхивали, в Екатериновке искали ЗАГС, конечно, не предполагая, что нужны свидетели: никто из наших однокурсников не были женатыми. Да и вообще в то время в институте женатых пар не было — послевоенная молодежь целеустремленно тянулась к знаниям, все личное — «на потом».

11 — го июля 1950 года мы отправились в ЗАГС вчетвером, но кроме присутствия свидетелей, необходимо еще одно условие: подача заявления заблаговременно. Дня через два Рэмиру необходимо быть уж в лагерях, и работники ЗАГСа, знавшие Сережу, расписали нас.

Свадьба наша была очень скромной, она походила на вечеринку, где собрались только домашние. Даже подружки мои были уже во Владивостоке. Мама и печку не топила, чтоб постряпать. Она напекла на сковородке пирожков, потушила картошки с мясом, поджарила яичницу, нарезала колбасы немного и селедки. Мы успели еще сбегать за моей крестной Татьяной. И она не раз потом рассказывала, как удивлялась нам, попавшим под дождь, уходя от нее. Разувшись и ухватившись за руки, мы стрелой мчались вдоль улицы, а она только качала головой:

— Разве же похожи они на молодоженов?

Худенькие, невысокого роста, мы больше были похожи на

школьников седьмого класса.

Но в узком кругу все равно на вечеринке было весело. В послевоенное время не устраивали пышных свадеб, а часто обходились и вовсе без них, страна еще не окрепла после войны, люди жили очень скромно.

Не поверил, что мы женаты, и майор Хариф, к которому нас направили на практику. Даже проверив документы, он все еще изумлялся тому, что очень уж мы молоды, хотя Рэмиру было двадцать два, а мне двадцать три года: из-за роста и худобы мы казались моложе.

Майор направил нас в одну из воинских частей и позаботился о том, чтоб в военном городке нам на время практики выделили отдельный домик. Нас оформили техниками-строителями и платили деньги. А мы покупали мороженое, консервы и другие вкусные вещи, которые в Москве уже в магазинах стали появляться. Страна начинала приходить в себя после военной разрухи.

Мы почти не тратили время на приготовление пищи, варево. В свободное от практики время гуляли по улицам столицы, перекусывая чем-нибудь на ходу, а вечера проводили в клубе: Рэмир в оркестре, а я в драматическом коллективе. Мы чувствовали себя счастливыми.

Наступил последний год учебы в институте. На пятом курсе, уже женатые, мы сразу стали искать частную квартиру. Нам повезло, квартиру нашли быстро, близко от института и очень хорошую. Хозяйка, вежливая пожилая женщина, предоставила нам отдельную комнату. Мы были, как говорится, от своих удач «на седьмом небе». Решили лишь обзаводиться детьми все таки после окончания института. Но месяца через три я почувствовала, что у нас будет ребенок. Я как-то была не готова почувствовать себя будущей матерью и все надеялась, что это — ошибка.

Однако в декабре врач подтвердила мою беременность. Был лютый мороз, когда возвращалась из женской консультации и все горевала о том, что свободными, без ребенка, институт, пожалуй, закончить не успеем. Даже не заметила, как в транспорте потеряла свою меховую муфточку и возвратилась домой чуть ли не с обмороженными руками.

— Ты напрасно тревожишься. Разве это плохо, что у нас с тобой будет малыш? А в учебе, если надо, я тебе помогу, — успокаивал Рэмир.

Я была благодарна за эти слова и постепенно успокоилась. Ведь ребенок может появиться на свет и после защиты диплома. Врач сказала, что срок приходится на пятнадцатое июля.

Через месяц зимнюю сессию выдержала нормально, на

повышенную стипендию. Но питались мы, к сожалению, все еще скудно. Правда, достали однажды даже без карточек в свободной торговле вермишель и подсолнечное масло. О мясе, молоке и каких-либо витаминах не было и речи: это было не по карману. Однажды зимой хозяйка из маленькой баночки положила в стакан мне чайную ложечку сливового варенья. Его незабываемый вкус помнится мне до сих пор. Теперь, когда я пью чай с вареньем из сливы (особенно, когда варенье слегка закисшее), я непременно вспоминаю то чаепитие с Екатериной Ивановной, хозяйкой.

И вот, получив дипломные темы, мы упорно стали заниматься. Работали с Рэмиром в разных группах в оборудованных дипломных кабинетах. У нас были совершенно разные профили, и Рэмир в дипломе помочь мне никак не мог. Но мне как-то везло, все получалось. Только в те месяцы я очень хотела спать. Только дорог был каждый час, чтобы справиться до рождения ребенка.

Началось жаркое лето. Ох, какое же оно было в этот год жарким! А я, чтоб не бросался всем мой живот в глаза, никогда не снимала с себя толстый черный на подкладке пиджак. И спешила, ой, как спешила!!!

До защиты оставалось недели две-три. Но диплом готов, и получены отзыв и рецензия. Оставалось даже время, чтоб съездить в Турки и перед защитой диплома отдохнуть. В Турках я много времени проводила у мамы Наташи. Паралич почти приковал ее к постели. Я уезжала с грустью.

В стенах института остались одни дипломники, все остальные курсы разъехались на каникулы. В общежитии было много свободных комнат, и нам разрешили занять одну из них. Мы ушли с квартиры, чтобы за нее не платить.

Рэмир делал свой диплом тщательно, готовил его долго, но к защите успел.

Начались последние дни июня. Дня за два до защиты я взвесилась в бане на весах: вместе с вот-вот родившимся малышом вес был только тридцать девять килограммов. Было абсолютное истощение.

Рэмир получил диплом с отличием, а я, имея отличные отзыв и рецензию, защитить смогла только на «хорошо», разволновавшись из-за одного из дополнительных вопросов. Недовольная собой на защите, измученная, я чувствовала себя на грани срыва.

Четвертого июля нам выдали дипломы, а через день, шестого июля 1951 года {вместо пятнадцатого) у нас появилась дочка. Мы назвали ее Людмилой.

Назначение на работу получили в Пензу. Рэмир там стал работать мастером в монтажном управлении, а я инженером в облдоротделе. С жильем было плохо, и нас на первое время поселили в гостинице. С дочкой оставалась старушка из Бакур, которую нам на самый первый случай подыскала мать Рэмира. Сама же Елена Петровна поехала лечиться в «Пады», туберкулезный санаторий, на два месяца. На обратном пути из санатория она приехала к нам. Мне вдруг стало тревожно за ребенка. Когда сама гостила в Бакурах, и Елена Петровна, уезжая на день-два в командировку, предлагала мне свою кровать либо в прохладное утро подавала мне свой фланелевый халат, я все принимала, боясь обидеть ее отказом. Но одно дело я, другое — новорожденный ребенок. У нас не было еще никакой посуды. К сожалению, пили чай из пол-литровой банки по очереди, из нее же чайной ложечкой поили и малышку.

Месяца через два или три мы получили собственное жилье. Этой зимой шел модный в то время кинофильм «Тарзан». Как-то, придя на «Тарзана», я увидела в фойе женщину, чем-то уж очень знакомую даже со спины: юбкой, курткой, фигурой ли? Встретившись с ее лицом, обомлела. Наша товарищ Лида! Господи, как же это лицо за годы, такие долгие, не изменилось?

— Вы узнаете меня? — спросила ее. — Нет.

— А вы помните Турки?

— Еще бы! Среднюю школу тоже.

— А меня не узнаете?

— К сожалению, нет.

Да, я была маленькой пионеркой, а теперь перед ней стояла женщина, ставшая матерью. Пришлось назваться самой. И фильм нам обеим был не в фильм, мы вспоминали свою школу, всех пионеров. Вскоре после встречи она пришла к нам, стала заходить почаще, а однажды повела к себе меня. Она всей большой семьей с родителями, кем-то из братьев и двоими собственными детьми занимала одну комнату в коммунальной квартире. Дети были маленькие, примерно четырех и двух лет. Они не могли быть детьми войны. Я поняла, что мужа у нее нет, о подробностях расспрашивать стеснялась.

Люда росла беспокойным ребенком. Она много плакала, плохо ела, часто температурила. Сначала я не обращала особого внимания, а потом показала ее врачу. После обследования, врач меня спросил о том, нет ли в семье больных туберкулезом. Я ответила, что мы с мужем здоровы, болеет мать мужа, но живем мы отдельно, хотя контакт был.

Я очень заволновалась, но врач успокоил. Он сказал, что лечить девочку не надо, все нормализуется, а вот витамины и

воздух ей нужны. Люда была очень забавной. Еще в Пензе, когда она только начала переступать ножками, я ей сказала о том, что в туалет надо проситься, иначе, мол, придется стоять в углу. Я не полагала, что эта головка что-то поймет. Но однажды нашла ее в кухне в углу. Она показала мне маленькую лужицу на полу. И сама себя наказала, встав в угол.

Но разговаривать она начала еще раньше, чем ходить. В десятимесячном возрасте я ее привезла в Турки на свежий воздух. Весна была теплая, дни стояли словно летние. Однажды мы с мамой понесли ее в простыночке на прогулку.

— Пал, — сказала она, глядя на нас серьезными глазами.

Мы не придали значения, но она упорно твердила это слово и оглядывалась назад. Оглянулись и мы. На дороге лежал ее белоснежный носочек, упавший с ноги. В Турках самочувствие ее было несколько лучше, но необходимо было возвращаться в город.

Вскоре Рэмир получил назначение в Орск на должность главного инженера строительного управления. Готовились к переезду и мы с Людой, но пока Рэмир не получил жилье, мы оставались в Пензе.

Помню, в день выборов в декабре я пошла голосовать. На избирательном участке для детей была оборудована комната, где няня занимала малышей, пока мамаши голосовали. Занесла и я свою. Няня сморщила носик: опять малыш, которых не успокоить.

Захожу за дочерью, няня в восторге:

— Она лучше меня всех успокоила, одному игрушку сует, другому пальчиком вытирает слезки, а то и носик, уговаривая, что плакать не надо, потому что мама сейчас придет. Сколько же исполнилось этой капельке?

Не было ей еще и полутора лет.

Наконец Рэмир сообщил нам о том, что ему дали комнату в квартире, где живет еще одна семья. Вещей тогда у нас было мало, а мебели почти никакой, и я не стала просить Рэмира за нами приезжать. С помощью моей товарищ Лиды мы погрузили в контейнер наш голубенький сундучок, поместив в него и швейную машину, затолкали кроватку Люды, патефон и кое-что из посуды и одежды. Кровать, стол и табуретки принадлежали производству, где Рэмир работал в Пензе. Товарищ Лида посадила нас и на поезд. Как же случилось, что я не попросила у нее адреса, а сама она тоже мне не предложила? Тогда я рассталась со своей вожатой навсегда.

В Оренбурге была пересадка, но мой ребенок в свои полтора года относился ко всему происходящему с пониманием.

Помню, она уснула в поезде, я вышла в туалет. Ехавшие

напротив нашей полочки старичок и старушка, перекусив, стали складывать остатки еды в сумки. Вдруг услышали голосок:

— Приехали? И мы.

Не спросив, где ее мама, проснувшаяся Люда тут же спешно стала складывать наши вещи, заталкивать в сумки. Спросив о ее возрасте, попутчики долго удивлялись разговору и сметливости малышки.

Прожили свой первый год в Орске. На новогодней елке, одетая в костюм Снегурочки, ровно в два с половиной года Люда преотлично пела «В лесу родилась елочка», не искажая мелодии и не пропуская из песни ни слова. Стихов знала массу.

Как-то пришла к нам соседка Ира Чимшит:

— Разрешите показать вашу Люду моим приятелям, приехавшим с ТЭЦ. Они от меня столько наслышаны о вашей дочке, что им хочется убедиться самим.

Ира ввела Люду в квартиру и попросила:

— Расправь коврик, а то я старенькая.

Люда посмотрела лукаво:

— А я новенькая?

Гости обо всем ее там расспрашивали, она отвечала толково. Одним словом, разговаривала на равных.

Почти до тепла порою в магазинах не разбирались установленные к Новому году елки. Любила эти елки Люда страстно. Пока я что-либо в магазине покупала, Люда около елки пускалась в пляс, собрав вокруг себя толпу из зрителей. Она считала: если елка, значит, праздник и надо веселиться. Ее там просили петь, читать стихи. Все исполняла с радостью.

Один раз Люда прихворнула. Взяв у врача рецепты, мы направились в аптеку. Уставшую девочку в аптеке я взяла на руки.

— Ой, мама, вон «Красная Москва»! Купи, пожалуйста.

Тогда в аптеках продавались и духи. Люда была так мала, что ее приняли вообще чуть ли не за младенца, и все с изумлением уставились на нас.

— У нас денег, дочка, маловато. Она вздохнула:

— Ну, купи тогда хоть «Кармен».

И снова возгласы удивления: этот цыпленок еще в чем-то и разбирается!

Оставлять дома ее было не с кем, поэтому везде приходилось Люду брать с собой. Случалось, что с нами здоровались люди незнакомые.

— Извините, — говорю, — вы ошиблись, наверное, я вас не знаю.

— А я вас по дочке знаю.

Ее действительно знал весь поселок Строителей.

Но однажды моя популярная дочь пропала. Накануне я сшила ей белый фартучек. В бордовом платьице и белом фартуке она походила на школьницу, только кукольную. И вдруг от дома куда-то запропастилась. Я обежала квартиры соседей, которые очень любили ее и частенько приглашали ненадолго «в гости», обошла близлежащие улицы — Люду никто не видел. Осталось заявить в милицию. Но вдруг я увидела, как из переулка к дому ведет ее за ручку мальчик-школьник. Оказывается, увидев ее в школьной форме, Боря Вейгандт повел ее с собой на урок. На перемене ей не захотелось идти домой, она просидела с Борей все четыре урока. Школа Люде понравилась.

Жизнь шла свои чередом. Рэмир работал по-прежнему в УНР-462 главным инженером, я — в тресте «Южуралтяжстрой» инженером техотдела, а Люду на часы работы отводили к соседке Ире Чимшит. Для оформления в детский сад долго не давали врачебную справку из-за того, что Люда постоянно температурила. Умственно очень развитая, физически она была в раннем детстве очень ослабленная. У Иры в среде взрослых Люда, разумеется, скучала и дважды нам потом все же удавалось ее оформлять в детский сад, но больше приходилось сидеть с ней на больничном дома, чем водить в детский сад. Не исключено, что такой ослабленной она была потому, что таковой и родилась, так как мы, ее родители, в то студенческое время сами были от недоедания и переутомления похожи на тени. Возможно, конечно, что организм такого вот новорожденного ребенка не переносил долго какую-либо прививку, введенную еще в роддоме. Проблемой было и накормить ребенка: она отказывалась, не имея аппетита, от любой пищи. Взяв отпуск, я и на следующее лето повезла ее в Турки на свежий воздух. Дочке было тогда около двух лет. Но и Елена Петровна снова поехала в это время на лечение все в те же «Пады», санаторий, находящийся в нескольких километрах от Турков, а оттуда приехала в Турки. В голову приходили нелепые мысли: а не заразилась ли дочка в тот первый раз от бабушки, навестившей нас из санатория в Пензе? Я незаметно стала ограждать по возможности малышку от бабушки, но умная Елена Петровна, разумеется, догадывалась, вида не подавала, но позже, видимо, о своей обиде сыну написала. Конечно, я и сама от него не скрывала своего смертельного страха. И тогда в наших отношениях с ним пролег первый холодок.

Как же поживали в то время наши Турки? Сережа закончил партийную школу и получил назначение на работу в соседний район — в Аркадак. Он перевез туда семью и стал работать

секретарем райкома партии. Промышленность страны заметно набирала свой темп, и правительство стало уделять большое внимание сельскому хозяйству, колхозы объединяли в более крупные хозяйства. Сережу назначают вскоре председателем объединенного большого колхоза, и вся их семья переезжает в другое село в колхоз. К этому времени у них рождается третий сын — Саша.

Дома остались только старики: прикованная параличом к постели мама Наташа и старенький папа, мой дед, всю свою жизнь проработавший в колбасной мастерской. Он продолжал работать и в после-пенсионные годы и ушел на отдых, когда годы клонились к семидесяти. Никогда не боявшийся простуды, в последние дни часто жаловался на сердце.

Мама заикнулась перейти жить в родительский дом, чтоб удобнее ухаживать за престарелыми родными. Сергей Венедиктович об этом не хотел и слушать: в своем гнезде он чувствовал себя полным хозяином, и что-то в жизни менять не хотелось.

Уговорили перейти жить к старикам их бывшую соседку Машу Туркину. Избушка ее еще задолго до войны развалилась, и Маша жила попеременно у дальних родственников, чувствуя себя обузой.

Она переселилась в наш дом. Была она уже пожилая, очень высокая и почти совсем глухая. Старенький папа ухаживал за мамой Наташей: переворачивал, сажал, укладывал. Маша занималась хозяйством: варила, мыла полы. По пути на работу и с работы заходила к ним мама и чем могла — помогала.

Но дед слабел. Часто вызывали «скорую». Говорил, что сердцу легче от сахара, и кусочек сахара всегда был при нем. (Он и умер с кусочком сахара в кармане и с рублем для игры в карты (блюндери). Это было там очень распространено).

— Отец, уж ты держись как-нибудь, не умирай. На кого же мне тогда надеяться? — просила мама Наташа.

— На саму себя, — со слезами в глазах сказал дед.

И вдруг он снова почувствовал сердечный приступ, прошел в другую комнату, сел на диван и попросил Машу принести ему воды. Но когда Маша подошла с кружкой, он был уже мертв.

От неутешного горя мама Наташа ослепла мгновенно. Гроб еще не вынесли, а она уже не узнавала людей. Навсегда с тех пор перестали видеть глаза, всю свою жизнь смотревшие на строчку машины, чтоб одеть всю семью, а также подзаработать для детей, внучки, а в войну и для Сережиной семьи.

Маша Туркина в доме остаться отказалась, ей было не под силу ухаживать одной за парализованной.

Нанялась молодая женщина с мужем и детьми. Согласились на условиях: что, кроме платы деньгами, всю семью будут и кормить. Материальные расходы взял на себя дядя Коля, помогая тайком от своей скупой жены. Немного отрывали от себя и Сережа с Марусей. Ма-руся в отличие от тети Тоси была щедрой, но у них была большая семья, Сережа приезжал в Турки редко. Мама была в родном доме постоянно, видела, как плох уход за матерью и многое делала сама, разрываясь между двумя домами. Больно ей было и оттого, что из дома исчезали вещи.

Мама рассчиталась на работе, нашла новую сиделку, некую Раю, и теперь уже ухаживали за матерью вдвоем. Мама, выкроив чесок, бежала и в свой дом, приготовить еду, убраться. Уходила домой и на ночь.

Однажды, как обычно, придя утром, она застала маму Наташу лежащей на полу.

— Дочка, я так валяюсь со вчерашнего дня, когда поняла, что Райка сбежала, — заплакала мама Наташа, — долго кричала, звала кого-нибудь, собрала силы и попыталась встать, но упала на пол.

Да, Райка вынесла из дома все последнее, что еще можно было унести и сбежала.

На этот раз мама безотлагательно приняла решение переходить в родительский дом, убедила в этом Сергея Венедиктовича.

Дом изнутри разрушался, все закопчено, трескалась и отваливалась штукатурка. И мама принялась за большой ремонт. Немало было потрачено сил, но все она отремонтировала собственными руками, а папа Сережа обил дом снаружи.

— Дочка, хорошо у нас теперь? — спрашивала слепая мама Наташа.

— Очень хорошо, мама.

В эти дни в Турки приехал дядя Коля.

— Я счастлив, — сказал он, — что дом попал в хорошие руки. Все дни он был веселым, но в день отъезда очень загрустил. Мама вышла зачем-то во двор и увидела дядю Колю, прислонившегося лбом к задней стенке дома. Плечи его вздрагивали.

— Николай, что случилось?

— Ты и не представляешь, Катя, как трудно уезжать из дома. Вот он для меня все равно, что живой человек. Да что дом? Кажется, каждая соломинка во дворе грустно смотрит и говорит: «Ты опять уезжаешь?». Но я спокоен за мать, и буду материально помогать.

А болезнь мамы Наташи прогрессировала, нестерпимо болели

суставы и мышцы, не позволяли оставаться в неподвижном состоянии, а сама ни рукой, ни ногой шевельнуть она не могла. Но стоит организму придать другое положение, как боль утихает. Однако, через несколько минут невралгия снова дает о себе знать с непередаваемой силой, беспомощное тело оставалось неподвижным, и мама Наташа опять с мольбой звала маму повернуть ее, уложить по-другому.

— Мама, я не успеваю до кровати порой дойти, а ты опять зовешь, я почти не сплю. Когда же будет покой? Когда все это кончится? — порою в сердцах говорила мама.

— Эх, дочка, наживешься и без меня. Я терпеливая, но нет сил выносить боль. И не стала бы я тебя тревожить, если б хоть что-то могла сама. Мухи по лицу ползают, а согнать не могу.

Вскоре отнялся и язык. Работал только мозг. И на вопросы она могла отвечать маме только ничего не видящими зрачками слепых глаз да веками.

Третьего декабря 1954 года в возрасте семидесяти четырех лет мама Наташа умерла.

Зима была суровая. У Люды не снижалась температура, Рэмир был в командировке, так как стройобъекты у них были не только в Орске. Мне так и не пришлось выехать на похороны бабушки, которая большинство лет заменяла мне мать.

Рэмира из командировок мы с Людой всегда очень ждали. Они были непродолжительными, по четыре-пять дней, но все равно, когда наша семья собиралась вместе, в этот день хотелось получше организовать стол, чтоб вечер был похож на праздник.

Жили мы тогда все еще в квартире на две семьи. Вокруг дома не было ни одного дерева, и, собираясь на улицу, Люда обычно говорила:

— Мама, отпусти меня в пыль.

И это соответствовало действительности. Ветер поднимал песок и пыль. Это называлось орским дождем. И ребенок, сидя на корточках, пересыпал пыль совочком в ведерко и назад в кучу пыли. Ей по-прежнему сопутствовала частая повышенная температура и плохой аппетит. Врачи рекомендовали чаще бывать на воздухе. Но не такой воздух ей был нужен.

Вскоре мы получили отдельную квартиру, маленькую, правда, но мы жили уже без соседей, и поэтому все трое были очень рады. В нескольких метрах от нашего дома был Дом культуры строителей, и мы с Рэмиром чаще могли ходить в кино.

Летом я снова вывезла Люду в Турки, в наш райский уголок, где чистый воздух, вкусное молоко, любая ягода. Рэмир, как правило, летом отпуск не брал, так как летом обычно бывает самый наплыв строительных работ. Но Люде был на пользу

воздух Турков.

Мою маму в Турках она никак не могла называть бабушкой: мама выглядела моложе своих лет.

— Какая же это бабушка, — удивлялась Люда, — если она всегда красит губы?

И она стала называть ее мамой Катей, а Сергея Венедиктовича — папой Сережей. Вскоре, как и Люда, я его тоже стала звать папой Сережей.

Теперь в Турках я старалась держать девочку в основном только на воздухе.

Из Орска не было ни одной весточки. Потом, наконец, получили письмо, текст которого не сразу доходил до сознания. Рэмир писал о том, что к нему приехала мать, а так как я опасаюсь контакта, то для всех нас будет лучше, если мы с ним жить теперь будем отдельно. От материальной помощи ребенку он не отказывается, но нам расстаться предлагает.

Письмо сразило всю семью. Я не верила в реальность этих строк. Наоборот, в памяти всплыло другое: институт, я даю Рэмиру согласие выйти за него замуж.

— Даю честное партийное слово, что никогда не оставлю тебя, — он был тогда уже коммунистом, хоть и возглавлял комсомол.

Я дала только комсомольское слово, так как точно знала, что сдержу его, потому что в школьные годы я единственная жила не так, как все подруги: вместо родителей — с бабушкой и дедушкой. Завидовала одноклассницам, но по сложившимся обстоятельствам мама не могла меня брать к себе. Да я и сама была словно частицей того дома, где родилась и росла.

В подростковом возрасте я не понимала всей горечи не слагавшейся судьбы мамы, стыдилась ее замужеств или того, что за ней ухаживали. На колючки досужих соседок у мамы Наташи всегда находился нужный ответ:

— Значит, того стоит, раз ухаживают.

И еще тогда, в детские годы, я решила: если выйду замуж и будут дети, никогда не уйду от мужа, как ушла мама от моего отца.

От полученного письма я была в шоке. Только эмоциональная мама сразу приняла решение:

— Развод так развод. Подумаешь, «напугал»! Ты образованная, молодая, едва исполнилось двадцать пять. Не пропадешь и еще успеешь найти свое счастье.

Папа Сережа был иного мнения. Он предложил поехать в Орск, разобраться в столь скоропалительном предложении Рэмира не спеша, а Люду пока оставить у них.

Они говорили, решали за меня, лишь сама я молчала и не могла выйти из оцепенения. Но одно я знала твердо: Рэмир не импульсивный, приезд матери дал лишь толчок. Да и какая мать пожелает сыну несчастье ради себя? Значит, идея о разводе зрела в Рэмире раньше, но он не подавал вида, ждал удобного лишь случая. Мой отъезд и приезд матери в Орск ускорили его решение.

Поезд в Орск прибыл утром. В квартире никого не было. Ни одна вещь не говорила о присутствии матери. И в квартире был такой кавардак, будто тут производили обыск: постель разбросана, скомкана. На столе вкривь и вкось лежали книги, газеты, бумаги; пол грязный и по нему рассыпаны нотные листы, тут же на полу и мандолина. В кухне на столе и в раковине немытая посуда, на плите грязные кастрюли. Мать не могла бы этого допустить. Но, может быть, после ее отъезда прошло много дней.

Заделами легче переживается горе, и, засучив рукава, я принялась наводить порядок в квартире. Взбивая перину, обнаружила под ней скомканные окровавленные куски газет. Я растерялась и о Рэмире подумала нехорошо. Вот и день стал клониться к закату. Зато кругом чистота: вымыты полы, кровать застелена пикейным одеялом, на столе белая накрахмаленная скатерть, в кухне на плитке булькает в кастрюле суп. Оказывается, приехав еще утром, я и не ела. Но есть не хотелось. Села в зале за стол, мысли путались…

Щелкнул замок, вошел Рэмир. Окинул все взглядом, быстро шагнул ко мне, подхватил на руки и закружил по комнате:

— Вот здорово, что наконец приехали! Я рад. А где же дочка?

И я растерялась. Его лицо, такое родное, говорило об искренней радости.

— Я приехала одна. От тебя не было писем, приехала узнать, не случилось ли что.

— Да все в порядке, просто закружился на работе. Но если дочке там хорошо, отдохнем и мы с тобой без нее. Ты не против сегодня пойти в кино на летнюю эстраду?

И вот сегодня мы в кино, завтра на танцах, послезавтра гуляли по аллеям парка Строителей, в следующий день катаемся на закате на лодке по озеру.

Однажды пришли из кино, поужинали. Один из нас моет посуду, другой вытирает, болтаем о том о сем. Только мне все эти дни неспокойно, натянут каждый нерв. Отчего он не продолжает говорить то, о чем писал в письме? Уже темно, а спать не хочется. Рэмир ставит пластинку и приглашает танцевать. Господи! Он же до боли свой! Немыслимо представить, если может что-то

измениться. Но я все время, как под током.

— К нам в УНР приехал молодой специалист. По-моему, толковый парень. Я непременно тебя с ним познакомлю. Как-нибудь выберем время и сходим к ним домой.

И я больше не выдержала:

— А когда же мы будем разводиться?

— Ты с ума сошла. О чем ты?

— О твоем предложении в письме.

— Мать, что ли, его сюда переслала?

— Сама получила, оттого и приехала.

— Странно… Ты же такая открытая, а молчала. Не верится даже.

Да, не в моем характере скрывать или молчать. Он меня хорошо знал.

— Но ты же мне рот не дал раскрыть, когда я приехала, закружил по комнате, как в институте, потащил в кино.

Мы сели в маленькой комнате на диван.

— Я рад был тебя видеть. Только, понимаешь… Мать хочет в Орск. Няня умерла, Эрик в армии, и мать хочет жить со мной. Но я-то знаю, что ты боишься туберкулеза больше смерти.

— Я не за себя. Приехав к вам, я одевала халат матери, спала на ее кровати, когда она была в командировке. Мне бы и теперь в голову не пришло тревожиться, будь Люда в норме. Но у нее с первых почти месяцев повышенная температура, держится бронходенит. Разные врачи, не сговариваясь, спрашивают, нет ли в семье больных туберкулезом, уверяют, что ребенок перерастет, такое бывает у восмидесяти-девяноста процентов детей. Но в организм не должны попадать палочки Коха.

— Вот я и не знаю, что делать, — сказал Рэмир.

— Но, может быть, дело не в матери? Возможно, у тебя кто-то есть? — спросила я.

— Это ты и из головы выброси.

Я спросила про окровавленные куски газеты под периной.

— У мамы кровохарканье.

— А нельзя ли привезти мать в Орск, но жить не вместе, а добиться ей квартиру поближе к нашей, чтоб ты в любое время мог бывать у нее, помогать. Мне так жаль разводиться.

— И мне жаль. Но кто даст еще квартиру? С жильем тяжело.

Мы все сидели на диванчике плечо к плечу. Что делать, не знаем.

Ночью было не до сна. Перед глазами вставали картины, когда туберкулез беспощадно косил людей. Вот я двух-трехлетняя прячу за спину ручонки, чтоб не взять гостинцы от дяди Андрюши, больного туберкулезом. Вот меня, дошкольницу, мама

Наташа посылает играть к Царьковым:

— У них есть две девочки, познакомься с ними и не скучай дома. Я не знала, где живут Царьковы, но мама Наташа посоветовала отсчитать от нас шесть-семь домов.

— Их дом коньком стоит.

Я не понимала — как это «коньком», увидела вдавшийся чуть во двор дом, около которого стоял мальчик. Подошла к нему.

— А у вас есть две девочки?

— Есть, — ответил мальчик.

Но это был не Царьков мальчик, а Гаврилов Гена {Елагин по-уличному). У них только что умер отец от туберкулеза. Болели и сестренки Гены: Люся и Валя. Вскоре умерли и они. Генка был моим ровесником, но в школу его не отдали вместе со мной из-за слабых легких. Рос он удивительно слабеньким: в драке его побеждала Зинка Громова. Потом он все же окреп, женился. Но лечился всю жизнь — ел собачье и барсучье сало; удаляли ему легкое, но жизнь сохранить не удалось.

Вот я уже школьница. Мы играем напротив нашего дома посередине улицы в лапту, а на краю оврага стоит Аля Паленова {Иванова по документам). Она почти моя ровесница, только на год моложе, но в лапту не играет. У Али туберкулез. Весной похоронили отца Али, а осенью и Алю. Вскоре после похорон у матери Али, тети Тани, родился мальчик Юра. Юрка рос слабеньким, но контакта с дядей Васей, его отцом, и сестрой Алей уже не было. Юра жив и сейчас.

И вот хоронят дядю Андрюшу. Как он боролся с туберкулезом, но болезнь сильнее.

Перед глазами и умирающая Лида. Я жила у крестной и только изредка заглядывала домой. На праздник мама Катя с Марусей ушли в Дом культуры.

— Мама, ведь и я пошла бы с ними. Мне же девятнадцать лет, а я вот лежу…

По ее лицу струились слезы. Хоронила ее вся наша улица и весь мой класс. Да что улица!? Чуть ли не половина Турков. Этого никогда не забыть.

А оставленный Сережей институт? Он бросил его из-за страха, из-за намека врача, что может заболеть чахоткой, хотя невозможно выбросить из памяти, с каким трудом с семилетним образованием он подготовил себя и поступил учиться, как голодал там без стипендии и без малейшей помощи из дома, где лежала больная сестра, а отец сидел в тюрьме, как надрывался грузчиком на пристани. Учиться оставалось почти один год. Но пришлось расстаться с мечтой.

Вскоре из Бакур пришло письмо. Мать спрашивала Рэмира,

как я реагирую на развод. Неуверенная, пойдет ли Рэмир ходатайствовать для матери жилье, я обратилась к Акулинину с этой просьбой сама. Не знаю, обращался ли и Рэмир, но вскоре нам дали комнату в новом доме для матери, от нашей квартиры всего через переулок. Ее соседями по квартире были бездетные муж с женой. Работать мать стала юрисконсультом.

Все нормализовалось. Рэмира избрали секретарем парткома нашего треста. Люда ходила в детский сад, я вступила в партию. Будучи молодым коммунистом, осталась заместителем секретаря ВЛКСМ треста, редактором газеты, училась в вечернем университете марксизма-ленинизма, участвовала в художественной самодеятельности. Энергия из меня била ключом. Вскоре мы поставили спектакль «Мать своих детей». Мы взялись за новый спектакль. Но я возненавидела свою роль шпионки.

— Ты почему сегодня не на репетиции? — спросил Рэмир.

Он убедил меня вернуться, ведь кто-то, мол, играет даже и Гитлера.

Обычно я репетировала, Рэмир играл в Доме культуры на биллиарде. С нами всегда была и Люда, она любила клуб.

Объявили о подготовке «Платона Кречета». Ушам не поверила. Это же наш семейный спектакль, где играла вся семья и даже я, маленькая школьница в роли Майки. С детства и до сих пор я многие реплики помнила наизусть. Теперь у меня уже роль Лиды (когда-то роль Лиды и Платона играли мама Катя и Сережа, ее брат).

Спектакль в клубе строителей мы ставили в Орске много раз, ездили с ним и в Новотроицк. Он имел такой успех, что нас пригласили выступать по радио.

Когда все ладится в семье, ладилось и на работе в тресте, в общественной жизни и на сцене. Но «Платон Кречет» был моим последним спектаклем.

Помнится, Рэмир очень увлекался рыбалкой. И однажды посетовал:

— Эх, так, наверное, у меня никогда и не будет рыбака. Улыбнулся лукаво и посмотрел на меня.

— А если снова родится дочка? — спросила я.

— Значит, будет две дочки, — сказал он. — Только говорят, если под подушку положить брюки, непременно родится сын.

Шутки ради брюки все же под подушку положил. Но вскоре мы и в самом деле стали ждать второго ребенка.

Этот период совпал с неприятностями у Елены Петровны: ее соседка, боясь заразиться, уносила с кухни продукты. Начались трения. Матери было неприятно, она жаловалась Рэмиру. И хоть о

совместной жизни в одной семье речь не велась, Рэмир как-то замкнулся, в наших отношениях чувствовалась натянутость. Врачи на приеме, когда случалось с Людой бывать в поликлинике, продолжали напоминать о том, что контакта с больной бабушкой ребенку желательно избегать. Слово «избегать» Люда воспринимала по-своему, как «убегать». Я не знала, как находить золотую середину. Конфликтовать со свекровью не хотелось, уговаривали Люду бывать с отцом у бабушки, но, по возможности, там не обедать. Но чем больше ребенок отказывался от угощений, тем упорнее ее уговаривали. Вероятно, и стыдили, и ругали. И что-то во время визитов к бабушке произошло. Однажды, увидев Елену Петровну на улице, Люда пустилась наутек. По закону человек, больной туберкулезом, имеет право на отдельное жилье. И по заявлению соседки, и по соответствующим справкам из тубдиспансера Елена Петровна получила отдельную квартиру. Но в отношениях между мной и Рэмиром пролегла трещина.

— Сейчас у матери закрытая форма, — говорил он мне.

— Но с приходом весны или осени достаточно подхватить грипп или промочить ноги, форма откроется. Я боюсь за Люду.

Натянутость в отношениях не проходила бесследно. Рэмир стал совсем мало бывать дома, а у меня впервые что-то заболело в груди, и не проходил при дыхании воздух. Это состояние оставалось долго, несколько дней, потом постепенно отпускало.

Приходя изредка к нам, Елена Петровна убеждала меня сделать аборт, намекала, что жизни с Рэмиром у нас не будет. И снова в горле и груди ком, нечем дышать.

А я словно видела своего ребенка. И именно мальчика. Как здорово! Дочь и сын.

Анна Даниловна Вейгандт, моя ближайшая соседка, тоже уговаривала не рожать второго ребенка:

— Тамарочка, у тебя Рэмир как ребенок. У тебя сейчас двое детей. Хочешь третьего? Как-то не так вы живете. Мой Юра все для дома, а ты при муже одинокая, за все хватаешься сама.

А я защищала его, мол, такой у него характер, а сама ревела. Шли месяцы. Отношения не налаживались. И все-таки у самой ни разу не появлялись мысли об аборте.

Как-то меня встретила Дуся, соседка по старому дому:

— Ой, да ты ребенка ждешь! Это хорошо. А то Вера из восьмой квартиры рассказывала, что Рэмир говорил о том, что из семьи уйдет. Ну, от двоих-то не уйдет.

Где и кому он говорил, расспрашивать не стала, но снова стало ломить в груди и противное чувство непрохождения воздуха. Лекарства не помогали.

— Рэмир, а может быть, у меня бронхи болят или легкие? Я

задыхаюсь.

Он пожимал плечами, но пошел со мной за колючим цветком, сделали состав. Однако в груди отпускало временами ни с того, ни с сего. Врачи объяснить не могли.

Однажды мне позвонила Елена Петровна и попросила прийти к ней домой. И все началось сначала:

— Зря вы решили обзаводиться вторым ребенком. Как-то еще сложится ваша семейная жизнь? Я вашего решения не одобряю.

И я поняла, что эти слова она неумолимо твердит и сыну, отравляя жизнь. Если бы родители меньше вмешивались в жизнь взрослых детей! Но она, проработавшая всю жизнь судьей, считала, что только она во всем всегда права. Такой правой и привыкли считать ее с детства сыновья.

Я пошла к двери.

— А как назовете ребенка?

— Мы, — ответила, — ждем только мальчика. Рэмир желал бы назвать его Толей в память об отце. А я боюсь, я суеверная. Говорят, что не следует называть ребенка именем умершего: будет не жилец.

— Назовите Игорем, если нравится. Ну как?

И бабские сплетни я слушать перестала. Даже наоборот: когда передо мной становился какой-то трудный вопрос, а я не знала, как поступить, то задавала себе вопрос:

— А как бы поступил Рэмир?

И ответ находился. Он был для меня эталоном. Конечно, я часто вспыхивала, шумела, но верила в преданность, и никто не мог меня разубедить.

Сын родился в январе 1958 года. Возможно, мать сказала Рэмиру, что имя ребенку дала она сама, возможно, он ей и поверил, но называть сынишку по имени избегал, вынашивая обиду, что Толей мальчика не назвали. Домой с работы по-прежнему приходил поздно, когда дети уже спали. Я все время задумывалась над тем, что он и в самом деле выберет момент уйти из семьи, не могла расслабиться от мучивших дум, на грудь давило, словно плита. Все в доме временами Рэмиру было безразлично: что купить — безразлично, куда пойти — безразлично, что приготовила на обед — безразлично. Я ходила печальная, с тупым взглядом.

Ребенок был очень неспокойным. Не исключено, что обиды, наносимые м «е еще во время беременности, отразились и на ребенке. В дошкольном возрасте незаменимой помощницей мне стала Люда, кроме нее, мне не с кем было оставлять малыша, чтоб запасти на семью продуктов. Много было дел и по дому. Игорек кричал что есть мочи, и Люда его забавляла, пока я

стирала, убирала, варила.

Анна Даниловна, слышавшая непрестанный крик через перекрытие, спрашивала:

— Как ты выдерживаешь? Я бы не смогла.

Выходные дни в то время полностью Рэмир проводил у матери, где уже жил и Эрик. Упрекать я не могла. Да это ничего бы и не изменило. Слез тоже не стало. К моему безутешному горю выработался иммунитет. Я смирилась и принимала все так, как есть. Только тяжелая «плита» в груди не давала дышать, не шел воздух. Но случалось, что я и взрывалась. Да еще как! Я сама просила Рэмира уйти из семьи, чем быть ко всему безучастным, понимала, что неприязнь ко мне Елены Петровны выше личного счастья ее сына, он целиком под ее влиянием. Но до смерти боялась, что он мог на мое предложение ответить согласием, потому что готова была терпеть все, что угодно, лишь бы у детей был отец. Невозможно было и забыть нашу многолетнюю дружбу до замужества и все первые годы жизни до того момента, пока свекровь ничего не собиралась менять в своей и нашей жизни. И если бы не страх перед туберкулезом, думаю, что мы все прекрасно жили бы всю жизнь. Но я не винила одну себя. Мог бы в этом плане многое сделать и Рэмир, глубже подумать над тем, чтоб хорошо было всем. Но он, к сожалению, защищал только одну сторону. Меня сбивало с толку еще и то, что временами, пусть ненадолго, он становился прежним: мы ходили в театр на все премьеры, в кино, в гости. И я мысленно уже защищала его перед самой собой, считая самым умным, самым вежливым, самым привлекательным и самым родным.

Однажды к нам приехала из Молдавии моя двоюродная сестра Ли-ля. Она приехала начинать новую жизнь. Я была с ней очень откровенна и на все ее вопросы, как живу, счастлива ли, сказала то, что чувствовала:

— Живем неплохо, но Рэмир мало уделяет внимания детям, видим его не часто, так как работает допоздна, а выходные посвящает матери, с которой я не могу сойтись близко из-за туберкулеза. Иных проблем у нас нет, — и попросила ее темы о туберкулезе никогда не касаться.

Этой весной я тяжело заболела. Та грудная болезнь, от которой я страдала временами, вцепилась мертвой хваткой: тяжесть и боль сменялись жжением, порой нетерпимым.

Рэмир видел мои мучения, переживал, по-своему старался помочь:

— А давай в карты поиграем, может быть, что-то отвлечет от боли.

Прошла обследование в разных поликлиниках у лучших

терапевтов, показалась знаменитому Рубинскому, приехавшему из Китая. Обследовалась, наконец, в онкологии. Диагноз не ясен.

С наступлением лета, забрав ребятишек, поехала в свои милые Турки в надежде, что там на воздухе боль отпустит, как это случалось при менее сильных приступах.

Я и не подозревала тогда, что на этом почти и закончилась моя семейная жизнь.

Дорогу в Турки в таком состоянии да еще с двумя детьми и пересадками (а их в те годы было три) я перенесла тяжело, но в Турках по крохотным крупицам я стала чувствовать себя лучше, но только до тех пор, пока не решила позагорать. И снова приступ, но острее прежнего.

С адресом профессора Термицкого я поехала на обследование в Москву: так больше терпеть боли было уже нельзя.

— Я не знаю, какие диагнозы выносили ваши уральские доктора, — сказал профессор после обследования, — но мое мнение — болят нервы. Я не бог, но думаю, что не ошибусь: либо вы перенесли стресс, либо длительное нервное или физическое перенапряжение.

Получив лекарства по его рецептам, я успокоилась. Подумаешь, нервы! Значит, практически я здорова. Но уж коли я в Москве, почему бы не посетить платную поликлинику? О диагнозе Термицкого я, разумеется, не заикнулась. У меня, мол, болит грудь. Но и там я услышала почти то же самое:

— Лечить нужно нервы и длительно.

А наутро в Москву приехал Рэмир. Он привез в институт документы студентов-первокурсников на утверждение.

Рэмир усомнился в диагнозе. Мы, молодые, под словом «нервы» подразумевали, что человек нервничает, но не страдает от физической боли. Он посоветовал мне не спешить с возвращением в Орск, а помог через институт и Министерство высшего образования прикрепиться на обследование к особой поликлинике, где лечат ученых.

Эти несколько дней во время его командировки были прекрасными. Во-первых, в какой-то мере врачам я верила, что органы грудной клетки здоровы, и настроение поднялось. И в Рэмире я вновь увидела товарища:

— Все будет хорошо, — успокаивал он.

За время его командировки мы успели погулять по столице, сходить на ВДНХ. А вечерами гуляли в Сокольниках, расположенных рядом с общежитием, где я проживала временно в Москве, любовались красотой парка, плавающими в озере лебедями.

Рэмир восхйтдался красотой и говорил:

— А на будущее лето непременно приедем сюда с детьми.

И я была счастлива.

Он уехал, а мои обследования затягивались, каждый узкий специалист, изучая анализы вновь и вновь, обследовал, кажется, все, от пяток до головы. У эндокринолога аппаратура показала зоб второй степени, но врач сказала, что при этом люди боли не чувствуют. Лишь только невропатолог, профессор Калинина, твердо стояла на своем диагнозе, название которого мне было непонятно.

— Объясню проще, — сказала врач. — Нервы, идущие от позвоночника через дыхательные пути, воспалены. На простонародный язык можно перевести так: «Невралгия дыхательных нервов».

Спросила, не переносила ли я тяжелого нервного потрясения, стресса, ушибов. Я ответила отрицательно, хотя в раннем детстве я падала с трамплина на копчик и изредка чувствовала боли в крестце, но не в груди. А стресс? Да вся моя жизнь с тех пор, как Елена Петровна задумала переехать к нам, превратилась в непрерывный стресс, страх за детей и страдание от одиночества, будучи замужней.

При этой поликлинике мне назначили лечение: уколы, питье и физиотерапию, а также режим: отдых, не читать перед сном, а гулять на воздухе, ходить в театр, воздерживаться от стрессов и не ложиться поздно спать.

В институт на защиту диплома приехала моя подруга по комсомолу и работе в тресте Нина Попова. Вместе с ней мы стали ходить в театр им. Моссовета, где играла моя любимая киноактриса Любовь Орлова. Покупая на цветочном рынке букеты цветов, мы спешили в театр и замирали от восторга. Очень понравился спектакль «Нора», но еще больше «Лизи Мак-Кей». Побывали и на «Бахчисарайском фонтане» во Дворце съездов.

Начался сентябрь. В последнем письме Люда писала о том, что в Турках им живется хорошо, она следит за Игорьком. Он, мол, не любит вот нарядную вышитую рубашечку из-за того, что она быстро пачкается, но она разрешает ему пачкаться как угодно, стирает ее и гладит ежедневно, а все считают, что он не пачкается. Теперь Люда в Орске, она начала учебный год, а Игорек дожидается меня в Турках. Курс лечения приближался к концу. Скоро вся наша семья соберется вместе. И будет все хорошо. На Рэмира обижаться не стоит. Он был таким внимательным в Москве, заботливым. Мы все время не расставались, бродили не только по Москве, но побывали и у его друга Гусельникова в гостях. Правда, радость моя по поводу выздоровления была преждевременной: боли то притуплялись, то

обострялись. Лечиться надо было раньше, так как впервые эти приступы в груди я почувствовала в 1957 году, когда приехала в Орск Елена Петровна, отношения Рэмира ко мне круто изменились, и каждый день я дрожала от неизвестности: сохранится семья завтра или развалится.

В последний раз сходила в театр им. Моссовета на спектакль «Ли-зи Мак-Кей». По окончании прошла за кулисы и приоткрыла дверь уборной Орловой. Она вышла, и мы сели на жесткий диванчик. Я выразила восхищение ее талантом, ее молодостью, поблагодарила за то удовольствие, которое она доставляет зрителям.

— Это не молодость, а непередаваемый и неустанный труд: гимнастика, массаж, репетиции. Не верьте, что все просто и легко.

Я встала, чтоб уйти. Но она пригласила меня в свою уборную, достала программу спектакля «Нора», расписалась на ней и пригласила на спектакль.

Сентябрь был сначала жаркий. А с двадцатых чисел неожиданно похолодало. В поезде я здорово продрогла.

Добравшись до Турков, долго отогревалась на печке. Милый до слез деревенский мой домик! Все знакомо с пеленок. И легко дышится. Мама уговаривала на день-два задержаться, отдохнуть, а мне не терпелось в Орск к дочери и мужу. Права была мама Наташа, говоря: «В гостях хорошо, а дома лучше». Я чувствовала себя вполне счастливой и без умолку распевала «Ой, ты рожь» и «Рула, ты Рула», популярные в то время песни. И не могла насмотреться на своего хорошенького сыночка.

И вот мы с Игорьком в Орске. Поезд замедляет ход, промелькнуло здание вокзала «Никель», а вон на платформе и Рэмир. Как же, оказывается, я соскучилась о доме! И вдруг уже тут, на вокзале, я почувствовала неладное: Рэмир взял сына на руки, подхватил чемодан и, не говоря мне ни слова, пошел к трамваю, будто меня здесь вовсе и не было.

В трамвае я пыталась что-то рассказать, о чем-то спросить, но в ответ были скупые ответы «да» или «нет». Замолчала и я, решив, что все станет ясно, когда приедем.

Дома он говорил непоследовательные вещи: сначала о том, что собирается поехать за границу, чтоб пожить отдельно от семьи и взвесить наши отношения.

Вот оно и пришло, то страшное, что не позволяло мне расслабляться и держало грудь как в тисках годы. Я стояла как в шоке.

— Но пока я не приступила к работе, чем же я буду кормить детей?

— Ну, может быть, я поеду и не за границу, а в какой-нибудь другой город. Мне надо время, чтоб разобраться, понять, как жить дальше.

Но ведь только недавно все было иначе. Я настаивала на объяснении. Он молчал.

Решила хоть что-то узнать у Елены Петровны. Там неожиданно увидела Лильку, метнувшуюся от меня с испуганным лицом в другую комнату. Узнала лишь, что в Орск приезжала мать Лильки, тетя Тося.

За своими вещами, остававшимися у нас, на другой день Лилька с запиской прислала подругу. Сама же меня явно избегала.

— Так что же все-таки произошло? — вновь спрашивала я у Рэмира. — Может быть, у тебя кто-то есть?

— Никого нет. Но женщина была, только она не могла выйти за меня замуж.

И он продолжал:

— Вот ты все боялась туберкулеза моей матери. А так ли? Я не тянул твою сестру за язык. У вас вообще вся семья была больная.

Я задохнулась от возмущения. Кроме Лиды, зараженной врачами же и умершей еще до войны в 1939 году, не болел никто и никогда.

— Да и вообще… — он махнул рукой. — Мне стало известно и то, сколько раз твоя мать выходила замуж! Вот я и думаю, стоит мне захлопнуть дверь, ты тоже, как и твоя мать, приведешь на другой день какого-нибудь нового мужа.

Нет, у одной Лильки, в общем-то недалекой, не хватит куриных мозгов, чтоб ударить по больному месту, коснуться моих страхов, связанных с болезнью свекрови, а также так тонко и зло опорочить мою мать. Тут поработала завистливая и злобная тетя Тося, любимая дочка которой потеряла личное счастье.

Рэмиру, искренне поверившему их словам и еще больше обидевшемуся за мать, хватило этой искры, чтоб вспыхнуло жаркое пламя.

Книга 3. ПОТОМКИ

Глава 1. Отъезд Рэмира

Нельзя научиться любить живых, если не умеем хранить память о мертвых».

К. К. Рокоссовский.

«Беспамятство к своим предкам безнравственно».

И. Д. Виноградов.

В глубине души я понимала, что тетя Тося с Лилькой подлили лишь масла в огонь. Жена моего дяди Коли по своему характеру была женщиной завистливой, страдающей за судьбу своей одинокой дочери. Лилька поделилась с ней о том, что тема о туберкулезе в нашей с Рэмиром жизни — тема больная. По ней и ударили.

Как же я убеждала Рэмира пожалеть детей, не делать опрометчивого шага!

И вновь вспомнилась та ночь без сна, когда наш брак держался на волоске, когда Люде было лишь три года. Тогда моя память провожала в последний путь вереницу умерших от туберкулеза людей: соседей, нашу Лиду. Еще в тот миг я приняла твердое решение: лучше остаться одинокой, чем заразить детей. Твердая в своем решении, утром пошла в магазин купить дочери самую дорогую игрушку, полагая, что без мужа я из-за материальных недостатков не смогу доставить ребенку радость. Я купила преогромного плюшевого медведя. Он был очень красив, блестящий плюш переливался на нем. Да к тому же этот мишка умел реветь при наклоне его вправо, влево, вперед и назад. Но сердечку Люды что-то словно бы передалось: она невзлюбила этого медведя. Позже в него играл Игорь, а доигрывал внук Саша.

И вот в моей душе снова страх, но уже за двоих детей, страх и боль, которые я вынашивала с 1954 года. Как в школе из-за уроков была постоянно в напряжении, боясь получить случайную четверку, меня снова стал преследовать страх за сохранение семьи. Напряжение и страх держали не минуту, не день, не неделю, не год, а десятилетие, ровно с того момента, когда в вопрос о разводе вмешалась Елена Петровна.

Неожиданно Рэмир предложил мне уехать из Орска всей семьей в более благоприятный по климату город, поручив мне добиться соответствующих врачебных справок. А это оказалось такой заковыкой, обивая десятки раз кабинеты детской больницы, взрослой поликлиники, горздрава, везде умоляя, объясняя, а меня

не понимали и гоняли по инстанциям. Сам Рэмир, как он это сказал мне, решил, дескать, пока ехать в Москву, поставить этот вопрос там в министерстве, созвониться со мной, посоветоваться о предложенных городах, чтоб потом переселяться.

Ни умом, ни сердцем я не верила в этот план, но как утопающий, хваталась за соломинку.

Однажды Игорек забрался к Рэмиру, сидевшему на голубом сундуке, обвил шею ручонками и спросил:

— А ты, папа, обязательно за нами приедешь?

— Ну конечно, сынок, непременно.

И вот неожиданно нас с Рэмиром пригласили в райком, спросили его о дальнейших личных планах. Он и им объяснил, что собирается уехать сначала один, а потом забрать семью. В глазах у обоих секретарей было недоверие. Они знали чего-то такое, чего не знала я. Потом второй секретарь по фамилии Гусаров сказал: «Учтите, Рэмир Анатольевич, даже в пословице говорится, что «на чужом дворе даже своя жена краше кажется». Я не поняла намека.

По пути из кабинета меня задержала Островская, заведующая отделом пропаганды и агитации, женщина волевая и резкая:

— Не доверяйте ему, не вздумайте его отпускать одного, езжайте всей семьей сразу, ведь у них там другая стратегия.

Меня и саму покоробило поведение Рэмира: в кабинете секретарей он с меня чуть пылинки не сдувал, на виду у всех поправлял на костюме студенческий значок, а выйдя из здания, не проронил ни слова, сел в трамвай, шедший на улицу Строителей. Поехал к матери. Я поехала домой к детям в другую сторону.

Разумеется, доложил матери, что если им удалось усыпить мою бдительность, то райком сочиненной басне не верит. И ночевать домой он впервые не пришел. Едва забрезжил рассвет, Люда поехала к бабушке.

— Мама, он за нами не вернется, я все поняла из их разговора, — плача, говорила мне дочь.

Она училась в пятом классе и была очень умной девочкой. Я, разумеется, ей поверила. Да и понятно. Стороны были неравноценны: с одной стороны я, молодая, доверчивая, наивная, обивающая пороги ради никому ненужных справок; с другой стороны, опытный профессионал-судья с двумя взрослыми сыновьями и многолетней поставленной целью.

Спазмы в груди были так сильны, а боль остра, что не хватало глоточка воздуха. Прилечь бы, да нельзя, подумают, притворяюсь, вызываю жалость. И не с кем поделиться, да и боюсь рассердить Рэмира и испортить все еще хуже.

И вдруг за день до отъезда муж приглашает меня в кино. Шел фильм «Родная кровь». По содержанию там муж оставил свою семью.

— Только ты так, пожалуйста, не сделай.

— Да что я, сумасшедший? — ответил Рэмир.

Уезжал он 25 февраля 1964 года. Кроме меня, провожали двое его сослуживцев.

На вокзале, обняв меня, он поднялся в тамбур.

— Тамара, передай Эрику мою гитару, а он…

Поезд лязгнул, последних слов я не расслышала. По дороге домой преподаватель Царев, коснувшись моих плеч, погладил по руке и сказал горько:

— Да… Всякое бывает.

Он знал, следовательно, о полном разрыве Рэмира с семьей. Что-то предполагали и другие работники института, так как за месяц или полтора до отъезда Рэмира ко мне домой приходил его заместитель, Юрий Евгеньевич Серов, расспрашивал, что это вдруг происходит.

Знал и преподаватель Симонов, бросив однажды фразу:

— Я прошел войну, видел жестокость, но то, что делает Заверткин, в моем сознании не укладывается.

Глава 2. Мы одни

После вокзала была страшная опустошенность. Возвратившись поздним вечером, я продрогла на морозе, взобралась на большую кровать, усадила на нее детей, показавшихся мне такими беззащитными и маленькими, и стала им вслух читать «Кому на Руси жить хорошо» Некрасова.

А позже, уже засыпая, подумала: «Лучше конец с ужасом, чем ужас без конца». Я измучилась до предела. Не нужно иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, что муж давно ищет повода, чтобы уйти из семьи. Боль в груди вцепилась как клещами: шесть последних месяцев были похожи на истязание. И это после того сразу, как я возвратилась с лечения. Обидно было до слез: вот он, придя домой, ничего не ест, ночью стирает тайком свое белье, не разговаривает, не объясняет. Так можно было бы и сойти с ума. Но тоненькая ниточка надежды оставалась: ведь было же у нас когда-то так хорошо! Как мы пели! А еще раньше в институте как завидовали нашей дружбе! И какие чудесные у нас дети! Не дети — самородки.

А вдруг Рэмир позвонит, и мы уедем туда, где будем жить так, как умеем сами, без нравоучений и упреков Елены Петровны, и все наладится.

Люда эту зиму часто болела, пропускала занятия в школе, но под ее подушкой всегда был блокнот и карандаш, чтоб при звонке из Москвы сразу успеть записать название того города, в который мы поедем.

И вскоре ночью звонок раздался:

— Тамара, на хороший конец не рассчитывай. Семью я брать не буду: у меня другая семья. К тебе человеческая просьба: будь добра, дай развод.

И все. И короткие звонки.

Когда я услышала это известие, мне показалось, что в мою грудь забили деревянный кол, я задыхаюсь и умираю.

А рядом стояла босая, в ночной сорочке с блокнотом в руках Люда. Она словно придала мне силы, чтобы устоять. Но про себя я твердила:

— Как же я все ей скажу? Но сказать пришлось:

— Отец оставил нас.

— Я знаю, — ответила Люда, все понимая.

И я видела, как дух Люды, делавший ее тем, кем она была, медленно угасал. На моих глазах из миловидной пятиклассницы она превратилась во взрослую женщину со страдающим лицом. Я не знала, как ей помочь, просто обняла ее, прижала к себе. Я

старалась утешить ее, а она меня. Мы были похожи на двух раненых, умирающих зверьков.

Прошли годы. И если бы меня спросили сейчас, как бы я начала жизнь заново, я ответила бы, что все бы повторила.

Детский бронходенит затягивался, реакция Пирке была положительной, все до единого лечащие врачи убеждали, что ребенок перерастет. Но необходимо одно условие: избегать контакта с больными туберкулезом. У меня не было выбора, я спасала детей.

Шли месяцы тяжелые, безденежные. От Рэмира вестей не было. Райком отказался снять его с партийного учета и выдать на руки карточку и открепительный талон, чтобы потом узнать, где же он от семьи скрывается. В ту его версию они не верили.

Раздражали телефонные звонки любопытных:

— Неужели это правда? Вот негодяй!

Это я могла позволить в своей душе ругать его, как угодно, чтобы он ни позволил. Но меня коробило, если чернили его посторонние.

И мы сняли телефон. Посмотрев вдруг на себя в зеркало, я удивилась: стала седой. Седина поднялась ровным ореолом. Но и это меня не очень огорчило, а вот боль в груди от многих страданий — боль периодически нестерпимую — я приобрела навсегда.

В институте, где работал Рэмир, появился новый директор. Сослуживцы, видимо, рассказали этому старому строителю мою печальную эпопею, и он решил помочь голодающей семье, нашел мне работу в стройтресте инженером группы проекта производства работ. Игорька пришлось отправить в Турки, за ним приехала мама Катя, так как дома его оставлять было не с кем. Как только закончился учебный год, туда я отвезла и Люду, с головой уйдя в новую работу.

Однажды мне позвонили из райкома: «Теперь мы, наконец, узнали и можем сообщить, где работает Заверткин Р.А.: открепительный талон запросили из Ростова-на-Дону». Теперь я стала знать, где он живет. К концу подходило лето, но материальной помощи детям от отца не поступало.

Глава 3. Суд

Видимо, группу проекта производства работ в тресте организовали недавно, все сослуживцы были совсем молодыми, и меня в мои тридцать пять лет стали называть по имени-отчеству. Руководителем группы был назначен Понькин, бывший преподаватель Челябинского политехнического института. То ли он был умен от природы, то ли ему помогла профессия преподавателя, но объяснял он нам наши проектные задачи безупречно. Насидевшись дома, да еще без гроша, пережив тяжелейшие стрессы, работала я теперь взахлеб.

В конце лета мне позвонили из народного суда. Сообщили, что Заверткин Р.А. подал на развод, и суд состоится завтра утром. А ведь я к тому времени так до конца и не осознала наш разрыв, в уголке сознания казалось, что мой Рэмир в очередной затянувшейся командировке.

И я растерялась. Близких подруг в тресте, чтоб поделиться, у меня еще не было, да все уже расходились по домам, шел шестой час вечера. И я побежала со своим горем к Юле Жабиной, прежней сослуживице по старому тресту.

— Да зачем тебе развод? Сойдетесь вы. Я приду завтра в суд, и если позволят, выступлю.

Но что скажет Юля? Мою невиновность может подтвердить только врач. Я не делала ничего плохого, а только соблюдала режим. И врач М.Т. Тан обещала быть свидетелем.

Уже совсем вечерело, и у подъезда дома меня встретила соседка Нина Самойлова:

— Ты что это чернее тучи?

Я сказала о суде. А вскоре они пришли ко мне домой с соседкой Панферовой.

— Но ты ведь так болела! Да и сейчас… Нашел подходящий момент, — сетовала Нина.

И они договорились с Панферовой по пути на работу заглянуть в суд. А наутро они поехали сразу со мной, и я была им благодарна: мне было страшно; вдруг, думаю, окажусь там в одиночестве, растеряюсь. Однако нас дожидалась Ю. Жабина и врач. С Рэмиром разговаривали его сослуживцы Кармановский и Симонов, рядом стоял работник райкома Николаев, которого Рэмир прежде хорошо знал.

Увидев меня, Рэмир сразу подошел и попросил немного с ним пройтись.

Мы шли по аллее, как много лет ходили вот так вдвоем в институте. Более того, по переулку Синчука, по своему

собственному переулку. Мы же прежние, и у нас дети, мы — семья.

Начался суд. Рэмир выступал первым. Я обвинялась только в том, что с головой ушла в заботу о детях, а по отношению к нему была не очень заботливой, что теперь мы чужие, и жить с семьей он не намерен.

Бог мой! Он поставил все с ног на голову. Это мне не хватало его внимания и заботы. У меня же не было возможности проявить заботу, если он выходные проводил у матери или на рыбалке, а вечером домой приходил тогда, когда вся семья спала. Он явно боялся присутствия доктора и не упрекнул меня за мать.

Его свидетелем выступила мать, желающая иметь совсем не такую невестку, а более внимательную и любящую.

Выступил Чекалин, наш сослуживец по совместной с Рэмиром работе в тресте. Он сказал, что будучи, якобы, у нас в доме, заметил отсутствие дружбы. Только ведь он никогда у нас и не был. Но самым удивительным свидетелем была техничка из строительного техникума. Она сообщила о том, что видела меня однажды в Зауральной роще рядом с посторонним мужчиной.

Может быть, я мало уважаю свой Орск, но прожив в нем много десятков лет, к моему стыду, так никогда и не бывала в Зауральной роще. И на эту свидетельницу я смотрела, как на чудо. Я была лучшего мнения о Рэмире, считала более благородным. Зачем он выбрал таких свидетелей, людей подставных?

В своем выступлении я сказала, что от развода отказываюсь и надеюсь, что семью ломать оснований серьезных нет.

Оказывается, преподаватели института, а также Николаев из райкома не были свидетелями Рэмира, как я вначале подумала. Они пришли в мою защиту. Выступила и врач, очень прямолинейная женщина, Ю. Жабина и обе мои соседки. Обычно суд о разводе длится несколько минут. Наш затянулся на два дня. В конце второго дня суд Р.А. Заверткину в разводе отказал.

Он сразу же подал заявление в областной суд. Там у меня свидетелей не было. Но и областной суд в его просьбе отказал.

Но как говорится, «голод не тетка», и я подала на алименты, так как мой заработок на семью невелик. Рэмир же за все время его отсутствия ни разу не помог. Это меня удивляло и обижало.

Всю следующую зиму мы с Людой прожили вдвоем, Игорек оставался в Турках. Он так скучал по дому, что говорил, будто пешком был готов уйти в Орск. Но там он был под присмотром, а тут я уходила на работу, а Люда в школу.

Летом же Люда не давала ему скучать, она была ему и няней, и сестрой, и матерью — всем. Я знала, что на заботливую и

безмерно любящую Игорька Люду всегда можно положиться. Души в них обоих не чаяла и мама Катя. А папа Сережа хоть и был несколько суровым, но тем не менее добрым.

Уже до школы Игорь бегло читал. Случалось, что прятали от него книги — переутомляться ему было рановато. Однако, подставив стул к настенному календарю, он читал его, перелистывая листок за листком.

Помню случай, когда заболевшую Люду пришла навестить и позаниматься учительница начальных классов. Игорю, следовательно, было в ту пору не более четырех лет. Чтобы он не мешал, учительница и ему дала задание: нарисовать кошку. Листок с изображением кошачьей мордочки да еще с припиской «у Муры усы» он вручил учительнице через минуту. Александра Семеновна крайне удивилась.

Рано он начал писать и чернилами. Попишет и просит пузырек с чернилами убрать, спрятать от своих шаловливых ручонок: боялся чернила пролить. Долго сохранялось его письмо из Турков отцу о том, что в Турках есть котенок, и папа Сережа зовет его Пулик. Письмо написано чернилами. Значит, писалось оно до 1964 года, пока Рэ-мир еще жил в Орске, то есть Игорю было четыре года. Наконец, записали в школу и Игоря. Он оказался еще способнее Люды. Любила я их безмерно. Бывали иногда на работе и неприятности. Но я считала все это неважным, все невзгоды покрывало то, что дома меня ждет награда — мои дети. Выйти вторично замуж не помышляла: быть счастливее, чем была с детьми, невозможно. И счастье свое я не хотела делить ни с кем. По-моему, мне даже не хватало времени, чтоб полностью насладиться моим счастьем. И уделить время кому-то другому в доме да притом не их отцу, а чужому человеку — это, мне казалось, значит обокрасть детей.

Время шло, оно лучший лекарь, и я уже как-то перестала чувствовать себя несчастной, как прежде. Ведь это Рэмир подарил мне таких удивительных детей, гордость и совесть школы, дороже которых у меня ничего не может быть на свете. И как бы я ни обижалась на мужа, мне всегда было неприятно, если кто-нибудь говорил о нем плохо. Постепенно стали слабеть боли в груди. Ведь дома у меня спокойно, дети только радуют успехами в школе, их привязанностью друг к другу, дружбой. Работа тоже ладилась. Я любовалась своими чертежами. Меня ставили в пример, награждали. Я выполняла и массу общественных поручений. Жизнь словно окрылила меня, будто из забитой боязливой жены, не знающей, как и чем ее ударят завтра, я чувствовала вдруг себя чуть ли не членом правительства. Конечно, я постоянно подлечивала грудь у невропатолога.

Говорят, нервные клетки не восстанавливаются. Но снять боль можно. И главное — не переутомляться, избегать стрессов и не перегреваться — это проверено.

Глава 4. А жизнь продолжается

Время шло. Дети подрастали. Как-то незаметно окрепла и Люда, совсем перестала пропускать занятия в школе. Она прекрасно училась и была активной участницей художественной самодеятельности в школе.

В своем тресте, кроме председательства в месткоме, мне вменили еще одну обязанность — ответственный редактор общетрестовской стенной газеты. Тут уж, как говорится, я «села на своего конька» с многолетним опытом газетной работы в школе, институте и прежнем тресте. Ни на одном конкурсе за все годы мы не уступили первого места из всех девятнадцати подразделений.

Но не один грудной остеохондроз терзал мой позвоночник. По нему потянулись ниточки и в крестец, и в шейные позвонки. Трест предоставил мне сначала путевку в Адлер, потом в Новый Афон. В те годы путевки стоили дешево: тридцать процентов от общей стоимости, то есть тридцать — сорок рублей.

Я попала на юг и была очарована пальмами, кипарисами, цветами, морем. Вечерами мы устраивали игры, танцы, викторины, концерты. Однажды я прочитала со сцены «Машу» Глейзарова, а на другой день руководитель самодеятельности попросил меня записать на магнитофонную пленку эту «Машу» и что-нибудь еще. И иногда потом на танцплощадке вечером включали мою «Машу», а отдыхающие смотрели на меня и тепло улыбались.

Все было хорошо, но сезон был осенний, в море никто не купался. И хоть приближался ноябрь, погода стояла прекрасная. В летний же сезон врач и не подписала бы мне курортную карту.

Подходили Октябрьские праздники. На репетициях плясуны лихо отбивали чечетку, солисты снова и снова тренировали свои голоса. Но чем открыть этот Октябрьский праздничный концерт? Меня, как чтеца, спросили, а не знаю ли я что-нибудь про Октябрь. Про войну знаю, про любовь тоже и про партию. А вот про Октябрь? И вдруг вспомнила: Асеев — «Наш Октябрь». Я читала его в молодости. И чувствуя себя словно помолодевшей, звонко и торжественно читаю:

Наш Октябрь — изумительный праздник,
Всенародной души торжество!
В сотнях обликов разнообразных
Проявляется сила его.
Вот он дышит глубоко и жарко
На селения и города.

И шахтер, и пастух, и доярка
Вырастают в Героев Труда.
Он ученому светит за полночь,
Он у школьника правит тетрадь,
Он повсюду приходит на помощь.
Как же всю его мощь описать?
Как припомнить, что было сначала?
Взявши руки большевиков,
Вся страна его в песнях встречала
И в мерцаньи солдатских штыков.
Это были суровые годы,
Человечности взвившийся вал.
Всей земли запевали народы
Эхом грянувший «Интернационал».
Ив словах «Это есть наш последний»,
От волнения дух захватив,
По-иному, сильней и победней
Разрастается тот же мотив.
В небе тучи осенние реют,
Иней травы пушит, серебря.
Но во веки не постареет
Величавый рассвет Октября!

Долго потом после концерта отдыхающие говорили об Октябре, также о том, как веками прежде люди ходили в лаптях, жили бедно, топили избы по-черному, освещали жилище лучинами. И удивлялись тому, что Советское правительство за несколько лет сумело осветить даже глухие деревни электричеством, дать людям бесплатное образование, бесплатное лечение. И сюда вот, куда простому человеку при царизме попасть было невозможно, теперь приехали простые люди: слесари, учителя, штукатуры, колхозники, шахтеры, портнихи. Да еще помешала расти Стране Советов война с немцами, уничтожившая города и миллионы замечательных советских людей. Но за короткий срок все восстановлено собственными силами. И люди сыты, все дети веселы и учатся в школах, отдыхают в пионерских лагерях. А мы любуемся Черным морем, над нами мирное небо. Да есть ли еще хоть одна такая страна на свете?

Только наш СССР.

В Орск возвратилась двадцать второго ноября, как раз в день рождения мамы Кати. Ох и весело мы его отметили! Она бы не прочь погостить и еще, словно пытаясь восполнить упущенное время моего детства, когда меня воспитывала мама Наташа. Но от папы Сережи звонок за звонком: приезжай.

— Ладно, не за горами Новый год. Мы его встретим с Сережей в Турках, а вы елку тут не разбирайте: к дню рождения Игоря я, как всегда, приеду.

Но приехать не удалось. В письме писала:

«Уж я с ним и ругалась, и плакала. Не пускает. Буду вас ждать летом в Турки».

Как-то неожиданно появился в нашем доме Рэмир. Пришел не один, а со своей знакомой — Басей. Раньше поговаривали, что у них роман, но я почему-то не верила.

Рэмир снова поставил вопрос о разводе. За эти годы я убедилась, что в семью он не вернется. Нам приходили алименты. Непонятно, сколько он зарабатывал (а может быть, подрабатывал лекциями), но присылали по переводу мало: тридцать семь или сорок два рубля в месяц. Лично детей он тоже не порадовал подарком ни в праздник, ни в день рождения, ни в свой приезд. И надо ли бороться за такого мужа и отца? Развод мы оформили за несколько минут.

В воспитании детей мне помогала моя советская власть. И высшее образование я смогла дать им одна.

Первой подругой в тресте у меня была Валя Ткаченко, потом к нам примкнула Тоня Сидорова. А позже в нашу группу устроилась Рая Ряхова. Она не имела высшего образования, порою не знала самых азов в проекте, и многие над этим подшучивали. Я замечала, что она старалась держаться ближе ко мне. Подумалось, оттого, что я над ней не подшучивала и очень понятно объясняю работу. Наконец, она придвинула свой стол к моему и призналась в странном — рядом со мной ей везет во всем: в работе, в решении личных проблем, даже в телефонных разговорах.

Она смутилась, думая, что я рассмеюсь. Но я вспомнила о том, что подобное мне говорили и в прежнем тресте, только совсем по другому вопросу. Там я всем писала заявления: кому с просьбой выделить место в детском садике, кому поставить на очередь на квартиру, а кому-то выделить путевку в санаторий. Все убеждали себя в том, что если пишут сами, то получают отказ. Все без исключения мои заявления были счастливыми.

Удивила я в Москве и Нину Попову. Экзамен по «Металлическим конструкциям» она сдавала до девяти раз, и девять раз с экзамена ее выгоняли. У бедняжки уже начал дергаться левый глаз. Однажды я пошла за нее поболеть, удалось войти даже в аудиторию. Там были и другие посторонние. У нас же в Саратове постороннему и в дверь не заглянуть. Я подошла к Нине, подбодрила ее, и моя Нина получила пятерку.

Подобные истории — ив детстве с Юлькой. Иногда по

болезни я пропускаю уроки, в школу не идет и Юлька: все равно принесет двойку. А при мне пусть не четыре, но уж тройку все равно получит. Удивлялась и Люда. Окрашивая при ремонте пол или панели, она старалась удалить меня, чтоб я не дышала краской, хоть кисть ложилась ровнехонько, а стоит мне удалиться, она вырисовывает «петухи». Почему-то чаще в этом плане я думала и о Рэмире. Как быстро тогда в Пензе его из бригадиров перевели в мастера, потом в прорабы. И вот он уже главный инженер, а вскоре секретарь парткома самого большого треста. В тридцать лет ему предлагают на выбор: либо институт, либо город (председателем горисполкома). Говорили, что так еще никто не рос. В Ростове все покатилось по наклонной. Судя по алиментам {если он не подличал — а в это не хочется верить), он все долгие годы зарабатывал не больше меня.

И я задумываюсь о том, что в людях много еще неизученного. Может быть, сама того не ведая, я несу людям добро? Дай-то Бог! Итак, вернемся к событиям того далекого времени. Однажды вечером к нам домой пришел давний знакомый, бывший руководитель драматического коллектива, с которым мы ставили спектакль Корнейчука «Платон Кречет», М.И. Лихачев. Помнится, жил он тогда в Орске недолго, вскоре они с женой куда-то уехали.

Теперь он возвратился в Орск и работал актером в нашем драмтеатре. Репертуар был в те годы очень богатый: «Коварство и любовь», «Океан», «Зачарованный ветряк», «Цыган», «Раскинулось море широко» — всего не перечислишь. Лихачев приглашал меня на спектакли, после провожал, рассказывал, где работал, что сейчас стал холостым. Часто встречал с работы, приглашал в парк, в кино. Через некоторое время сделал предложение. Я отказалась от замужества. Он был очень неплох собой, интересный собеседник, но поговаривали, что любит выпивать. Но чем больше от человека отстраняешься, тем иногда сильнее его привязываешь. Он не мог понять, отчего же я не хочу замуж. То буйствовал, уговаривал и по-хорошему, и со скандалом, то вдруг скупал все цветы всех базаров города, и я уже не знала, куда и во что их ставить. В трезвом виде он был элегантнейшим человеком, в пьяном становился чудовищем.

Думала, что не будет конца ухаживаниям этого жениха. Не один раз уезжал из Орска, но возвращался в надежде меня убедить, думая, что в разлуке я пожалею о своем отказе.

Одним словом, роман с Лихачевым вспоминается как кошмар. Вскоре у нас в группе проекта производства работ появилось еще несколько новых сотрудников. Одних Тамар стало четыре. Отдел стал большой. Я поначалу и не замечала, что новичкам отдаю столько времени. Лишь спустя много лет Рая,

Нелли и Катя сказали, что своими знаниями в проектной работе они обязаны Тамаре Петровне. Конечно, было приятно.

И вот наступила пора, когда моя Люда вступала в комсомол. Она очень волновалась. В свое время для меня это тоже было волнующее событие.

В школе в честь такого знаменательного события был дан концерт. И вот уже звучит голос моей дочки, молодого комсомольца.

Мы живем в особенное время,
И у нас особенная стать,
Боевое ленинское племя
Вышедшее строить и дерзать.
Партия! Твое живое слово
Нас зовет на подвиги всегда.
Лишь скажи — и горы сдвинем снова,
Средь тайги воздвигнем города.
Мы такие/ Молодость и сила
Нам тобою, партия, дана,
Потому ничто нас не сломило,
Потому так выросла страна.
Сколько надо строить! Сколько сделать!
Открывается такая ширь!
Ждет Урал нас непокорных, смелых,
Вся в огнях строительных Сибирь.
Мы рабочей чести не уроним
На полях колхозов, у станка.
Мы тебя, Америка, догоним:
Слово дали твердое ЦК.
А потом широкою дорогой
Вновь вперед, преобразуя жизнь,
Чтобы из далекого далека
Становился близким коммунизм.

Очень радовал своими школьными успехами и Игорь. То ли у него голова как-то устроена по-особенному, но его способность можно было назвать как бы даром от Бога.

Так в работе и учебе у нас троих бежало время. Мне вменили в обязанность диктора трестовского радиовещания и пропагандиста. Много всякой работы, трудно, но в молодости, когда трудно, тогда и интересно.

Конечно, случалось, что после шести часов приходилось задерживаться то на профсобрании, то на партзаседании, то из-за выпуска стенгазеты. За хозяйку в доме была Люда. Они с Игорем ладили, он ее уважал, слушался.

Однажды в тресте меня наградили путевкой в Москву на

Всесоюзную Выставку достижений народного хозяйства. Мне очень захотелось показать столицу нашей Родины и детям.

Когда-то в одной из поздравительных открыток Рэмир писал, что он хотел, чтобы дети приехали в гости в Ростов.

Побыв в Москве дня три или четыре, я созвонилась с ним и посадила ребят на поезд без пересадки до Ростова. Он их отец, и дети ни при чем в наших с ним взаимоотношениях.

От отца они привезли фотокарточку его жены Любы, которая была моложе меня на двенадцать лет.

Но теперь это не имело значения. Ведь прошли годы, со своей семьей я справлялась, все ладилось, хоть порою было очень горько и обидно.

Семейный развод свой я перенесла очень тяжело.

Глава 5. А все-таки жизнь прекрасна

Жизнь хороша. Дети росли бодрыми, жизнерадостными. И как не хотелось, чтоб они чувствовали, что в доме порой туговато с деньгами. Конечно, Люда видела, что свои платья она носит перешитыми из моих, но часто шутила: «Мама, сшей мне новое платье из своего старого». Тут уж я прикладывала искусство художницы. А все, что в доме не очень нужное, без чего можно обойтись, мы относили в комиссионный магазин. Это было подспорьем. Иногда я подрабатывала на шитье детских платьиц из разных старых и новых лоскутов, мне помогала шить и Люда. Это тоже несли в комиссионный магазин, и платьица не залеживались.

Однажды моя бывшая соседка А. Д. Вейгандт помогла приобрести три путевки по льготной цене в семейную турбазу в Сочи.

Дети обезумели от южной экзотики. Они на юг попали впервые, и им нравилось все. Мы сразу накупили южных фруктов, но съесть их все потом не смогли: питание на турбазе было великолепное.

Игорек плавал в море, как рыба, так как еще в Турках в Хопре плавать научился очень хорошо. Я была довольна, что дети на море хорошо отдохнули, поездили с экскурсиями.

Оставшееся время каникул ребята поехали проводить в свои родные Турки, а мне нужно было возвращаться на работу, так как отпуск заканчивался, и от Москвы мы поехали в разные концы.

В Турках папа Сережа еще не был на пенсии, он работал. Пришлось устроиться на работу и маме Кате, так как в молодости она не сохранила справок с места работы в Махачкале, не взяла и трудовую книжку, уехав в Турки в отпуск да так в Дагестан и не возвратилась. Стаж же к пенсии оказался невелик, и требовалось доработать.

Люда и в Турках целыми днями была в доме за хозяйку: стирала, убиралась, гладила белье. Не снималась с нее и забота об Игоре. Они по-прежнему и там очень дружили.

Осенью Игорь пошел уже в пятый класс, а Люда в десятый. На здоровье они не жаловались. К фтизиатру Люде не было нужды обращаться уже года четыре, а когда ей исполнилось пятнадцать лет, врач пригласила и сказала, что от детского бронходенита не осталось и следа, и с учета ее снимают. И хотелось петь о том, что жизнь прекрасна.

К этому периоду мои двоюродные братья Слава и Сережа отслужили в армии, закончили институты и обзавелись семьями,

обосновавшись в Саратове. Сережа и Маруся жили в Аркадаке, воспитывали Вову и Сашу.

След моей двоюродной сестры Лильки после нашего развода с Рэ-миром затерялся, из Орска она куда-то уехала.

Мама Катя, проработавшая всю жизнь в гуще народа и будучи по характеру очень общительной, выйдя на пенсию, не могла усидеть в четырех стенах и поехала в гости в Молдавию к своему брату Николаю. Лилька, оказывается, жила в Челябинске, но в тот момент проводила отпуск у родителей. Дядя Коля о наших размолвках не знал, не посвятила его в это и мама Катя, так как у него было очень больное сердце. С Лилькой же у мамы разговор был. Она не отрицала, что они с матерью тогда подлили масла в огонь, но считала, что это было не основной причиной ухода Рэмира из семьи. Идею эту, якобы, он вынашивал давно, так, по крайней мере, мол, говорила его мать. Тамара чувствовала, страдала, и конец наступил бы все равно, возможно, только позже.

По окончании десятилетки Люда решила выбрать себе ту же специальность, что и у ее родителей — стать инженером-строителем, поступила в политехнический институт. А в каникулы, как всегда, уезжала с Игорем в Турки. Игорь сдружился там с Сашей Чеботаревым, а у Люды был целый хоровод подруг и товарищей по Дому пионеров, по школе, по самодеятельности. Вечерами они собирались на лужайке и у них были своего рода зарянки: там танцевали, пели, играли, рассказывали содержание книг. С неохотой, порою, ребята возвращались с приволья в наш пыльный Орск. Для детей турковский дом с его свободой был вторым родным домом.

Самые первые годы наши приезды в Турки папу Сережу утомляли, это было для него непривычно. Случалось, что на этой почве у них с мамой были сильные трения, доходившие почти до развода. Позже он — с одной стороны — смирился, а с другой — стал к ребятам привыкать. Об этом я узнала от мамы много лет, а точнее, десятилетий спустя. А до этого ничего я не подозревала: ездила и ездила себе в свой родной дом, в котором родилась сама, ведь я ехала домой к маме. А хмурость папы Сережи мама прежде объясняла таким уж его характером.

После Тур ков физически я тоже чувствовала себя лучше. Зной и загазованность Орска для меня тяжелы. Особенно зной, от которого за ставнями, как в Турках, не спрячешься.

Как и в предыдущие годы Игорь учился только на «пять» и в шестом классе. Он участвовал в школьных и городских олимпиадах по различным предметам, завоевывая призовые места. По окончании шестого класса он был награжден путевкой

в Артек — пионерский лагерь на Черном море в Крыму. Уезжать надо было в августе, а пока мы поехали в Турки. Из Турков же пришлось выехать в самый разгар лета. В Куйбышеве наш вагон на несколько часов загнали в тупик, и мы пошли погулять по городу. В большом магазине неподалеку от вокзала я сделала сыну первый по тому времени дорогой подарок — купила ручные часы. Он был очень рад. Имея каждый из нас на руках часы, мы засекали время, расходились по этажам магазина, договаривались встретиться в определенное время и в определенном месте того же магазина.

Международный лагерь оставил в памяти Игоря необыкновенное впечатление. Он после много и подробно рассказывал о днях, проведенных в Артеке. Не часто посчастливится какому ребенку побывать в таком райском уголке, познакомиться с пионерами других республик страны, с лучшими детьми земного шара.

А мы не переставали удивляться тому, что за месяц, единственный месяц, проведенный в Артеке, Игорь вдруг подрос на шесть сантиметров. Уезжал совсем мальчиком, а вернулся подростком с ломающимся голосом.

В младших классах Игорь увлекался фотокружком, а вскоре «заболел» химией. Каких только пробирок, банок и склянок у него не было! Тут и спиртовки, и кислоты. Не обходилось дело и без взрывов.

Увлекался он и музыкой. Пианино у нас было куплено давно. Люда начинала учиться в раннем возрасте, возить ее приходилось далеко, в музыкальную школу старого города. Этот период совпал с нашими семейными неурядицами. Люда охладела к музыке. Одним словом, пианино стояло без дела.

Однако Игорь стал часто подбирать на нем мелодии на слух, и у него это получалось легко, а позже договорился со старенькой немкой-учительницей и стал брать у нее уроки музыки.

Возможно, эти занятия продлились бы долго, учительница очень хвалила Игоря, но вскоре с ним случилась беда.

Это произошло после окончания восьмого класса — его ранили.

Около самого дома на него напала шайка подростков, старших по возрасту, ранее исключенных за хулиганство из школы. Они отняли у него какие-то копейки, сдачу от покупки, и ударили ножом под лопатку. Я была в то время на работе. Горестный удар приняла на себя бедняжка Люда. Она вызвала «скорую», но та, почему-то притормозив, поехала прочь от дома. Лил дождь, Люда, обливаясь слезами и дождем, догнала «скорую», возвратила. Игоря доставили в больницу. И когда он

был уложен в палату, позвонила мне, чтоб я после работы приехала в магазин. И только там все рассказала. Домой одна идти боялась.

После выписки Игоря из больницы плечо и рука стали опухать сильнее, усиливался и «крахмальный» хруст. Я волновалась, медики от меня отмахивались, и я вызвала Рэмира, а он через секретаря райкома пригласил главврача. Показание рентгена было такое: ранение не поверхностное, а проникающее. Игорю же наложили только поверхностные швы. При дыхании воздух через легкое и плевру проникал в мышцы, оттого и ощущался хруст. Теперь Игорю назначили дополнительное лечение и уколы.

Люда, оберегая его, сопровождала на уколы, она же потом и повезла его в Турки поддерживать свежими яичками, витаминами, чистым воздухом. Там, в Турках, он даже начал девятый класс, но проучился недолго, так как надо было возвращаться в свой математический класс.

В период последних школьных лет Игоря и начальных студенческих лет Люды у нас в доме часто звучала музыка. Через приемник ребята записывали любимые песни на магнитофонную пленку и постоянно прокручивали, пели сами. Люда интересовалась всеми делами Игоря. А он, придя обычно перед выходными днями из школы, спрашивал:

— Люда, начнем убираться?

Им обоим хотелось, чтоб выходной день был и для меня днем отдыха, а не уборки. Одним словом, жили мы на редкость дружно. Может быть, эта наша спаянность стала причиной того, что Люда, будучи уже девушкой, никуда не хотела отлучаться из дома. Ей казалось, что интереснее, чем с мамой и братишкой, ей ни с кем не будет. И постоянно не хватало времени, все дела казались такими нужными и интересными, если они были для брата и матери. И по сей день, если она что-то делит, то себе в последнюю очередь и то, что поменьше, то, что похуже. Тогда всему этому особо не придавалось значения, но прошли годы, и как же теперь жаль, что она всю себя без остатка посвятила мне и Игорю. В чем-то мы с ним оба виноваты, особенно я, когда-то не проследили, не подсказали и не помогли ей, этому добрейшему человеку. Игорь, конечно, был мал. И винить я должна себя, что общительная от природы Люда ради нас оставалась все время в скорлупе, словно в футляре.

После «Артека», уже будучи комсомольцем, Игорь дважды побывал и в лагере «Орленок», тоже на Черном море. Награжден путевками он был также за победы в олимпиадах. Победы одерживал не только на школьных, городских и областных

олимпиадах. По химии его направляли в Баку на олимпиаду Всесоюзную, где занял он третье место. Такое место среди лучших учащихся пятнадцати республик необъятного СССР — это высокое место.

Среднюю школу Игорь закончил с золотой медалью. Мы все были счастливы.

Летом по пути в Турки Люда с Игорем заехали в Куйбышев и подали документы в авиационный институт. Условия для медалистов были такие: если первый экзамен сдашь на пять, от остальных будешь освобожден.

Первый экзамен — математика письменно, на которую было отведено четыре часа. К счастью, Игорю не пришлось выполнять сначала начерно: все показалось ему хорошо знакомым. Выполнив задание за несколько минут, он покинул аудиторию.

С жалостью на него смотрели родители, ожидающие с экзамена своих чад. Они решили, что паренек не справился и сдался. А Игорь за свой первый экзамен получил пять и в институт был зачислен без сдачи других экзаменов.

А в Орске на каждом шагу меня встречали учителя и расспрашивали о сыне. А Симонову я стала обходить стороной, все-то она твердила при каждой встрече, что Игорь непременно сделает какое-либо сверхоткрытие, ибо такого ученика за всю ее долгую практику еще не было и она уверена — никогда не будет.

Учился Игорь на повышенную стипендию. В большие праздники получал денежные переводы от отца, и даже мама Катя по десяточке в месяц посылала от своих тридцати семи пенсионных рублей.

Но теперь у меня стало двое студентов и одевать их с головы до ног обязана я, тем более, что один живет в областном городе, а Люда два последних года училась в Москве. Значит, надо где-то еще искать подработку.

Как бы я в тресте ни старалась, зарплату больше штатного расписания все равно не дадут.

И мне посчастливилось: пригласили в строительный техникум давать рецензии на дипломы студентам, потом стали доверять довольно большие группы студентов консультировать на период дипломных сессий. Наконец, предложили рассчитаться в тресте и перейти официально работать в техникум. Но жаль оставлять трест, да и работа в техникуме вечерняя, а я боюсь темноты. От преподавательской работы отказалась, хотя у меня это бы получилось. Работа интересная, но я зачастую сталкивалась с такими «дубами», которым не поможет никакая консультация. Оставалось одно — делать чертежи самой, а они копировали своей рукой. Так постепенно пришла к выводу, что

диплом полностью нужно делать самой, но за соответствующую с них плату.

Конечно, здорово не хватало времени. Чертить приходилось не только дома, но и на работе украдкой. Рабочий лист приколот к кульману, а студенческий к доске на столе. Все идут на обед, а я, проглотив стакан чая с пирожком, успеваю за обед кое-что вычертить. Кроме того, у меня хорошо развита техника черчения. В отделе я далеко уходила с проектом вперед безо всякого старания. Правда, порой учащались обострения в грудном и крестцовом отделах. Боль в крестце я воспринимала как боль в кишечнике, плохо переваривалась пища. Врачи рекомендовали есть больше свеклы, пить вазелиновое масло. Свеклы я съела тонны, но это не снимало проблем и пришлось постепенно переключаться на слабительные таблетки.

Прошли десятилетия. В 1989 году, когда боли в крестце стали нестерпимыми, сделали снимок и вынесли диагноз: остеохондроз четвертой степени и деформирующий спонделез. Массаж не разрешили, так как костные разрастания назвали слишком мощными.

Постоянно беспокоил меня и кишечник. В период сильных обострений обращалась к врачам. После обследований (а переносила их очень болезненно) врачи давали заключение о том, что раковых явлений нет. Одни считали боль от воспаления, назначали лечения, давали советы. Я стала сама приспосабливаться к своему организму. Иногда боли в позвоночнике или кишечнике надолго затихали.

Итак, Игорь учился в Куйбышеве, Люда периодически то в Орске, то в Москве, а летом съезжались в неизменные Турки. Часто, правда, Игорь уезжал с группой студентов в строительные отряды, но ненадолго в Турки заглядывал.

Сдав некоторые курсовые проекты и экзамены, Люда ненадолго приезжала в Орск, а потом вновь я ее провожала в Москву. Сколько денег требовалось на одни только билеты, на питание, одежду! В сущности, мы разделились как бы на три семьи. И хоть деньги тратили экономно, они бежали, текли, словно вода. Это был нелегкий момент.

Счастьем еще было то, что я не испытывала трудностей в работе, привыкла со школьной скамьи все выполнять точно. Но технолог, в чьем подчинении мы были, к нам относился архитребовательно: ему нужно было не только качество, но и количество выполненных чертежных листов. Так, однажды он вызвал к себе Н. Оськину и попросил подсчитать по журналу регистрации, сколько же каждый из нас сделал листов за год, поделить количество на двенадцать и выдать ему цифры,

подтверждающие, сколько в среднем каждый из нас вычерчивает в месяц листов.

К стыду одного из конструкторов у нее получился один лист в месяц. У кого-то три листа, у кого — четыре, и лишь у двоих еще по четыре с половиной листа. У меня, к удивлению меня самой — двенадцать.

Долго шло собрание, долго выпускал свой яд Понькин, стыдил, уверял, что в проектных институтах считается нормой выдать шесть листов. Вот на них должен равняться и трест.

Едва мы возвратились в свой кабинет и сели за рабочие столы, раздался телефонный звонок. К Понькину вызывалась я одна.

Ну, что, думаю, ему еще-то надо?

Усадив меня, он сказал:

— Я вот чем недоволен, Тамара Петровна. Зачем такая гонка? Уму непостижимо, двенадцать листов в месяц! Поверь, тресту это не докажешь, и трест это не оценит, а угробить себя сможешь. Не спеши, умей отдыхать — вот моя просьба.

А мне казалось, что не очень я и спешу. Напротив, подворовывала время, чтобы урывками чертить на студенческих листах. Но «шила в мешке не утаишь». Сослуживцы знали, хоть и помалкивали, что в рабочее время я нет-нет да и отвлекусь на посторонний лист. Видимо, нажаловались Понькину, а он по-своему крепко утер им нос.

И во мне снова проснулась гордость: гордость прежней школьной отличницы, гордость лучшей студентки в группе, лучшей проекти-ровщицы в тресте, потому что все у меня получалось легко, словно играючи.

— Мама, вы с Игорем одаренные, а я только тянусь за вами. Я ведь очень стараюсь, достигая свои успехи трудом, — говорила Люда. Но это было не совсем так: она училась и одновременно на ней были многие обязанности по дому. Она была моей опорой.

Каждый год Оренбург объявлял конкурс на лучший проект. Участвовали все стройтресты области. Первое место из года в год занимал Орск. Среди орских трестов уж, конечно, не «Жилстрой», а наш промышленный трест, а это значит, первое место по области занимал мой проект — других на конкурс в область не посылали.

Глава 6. Люда становится инженером

Тема дипломного проекта «Деревообрабатывающий цех». Работа продвигается медленно, сдерживает архитектор. Ему платят за те часы, пока он консультирует, он и стремится оттянуть свой срок:

— Исправьте вот здесь и придите через неделю.

— Да что вы? Тут и исправлять-то нечего. Я это сделаю сейчас при вас за десять минут, — убеждает Люда.

— Нет, прошу ко мне через неделю.

Можно бы двигаться дальше, делать другие части, но рискованно: архитектор может видоизменить любую конструкцию, а она потянет за собой остальное. И Люда изводилась.

После архитектора дело пошло как по маслу, ей подписывают часть диплома за частью. Но время упущено, а впереди самая большая часть — технология, составляющая почти четвертую часть диплома. Можно к назначенному сроку защиты успеть, но это риск. Просчитав, что выгоднее — рисковать здесь или, потеряв несколько дней на дорогу, мчаться к маме, чтоб делать в четыре руки. И Люда выбирает второе: мама не подведет.

Приехала Люда в самый мой день рождения. Ее еще тянуло и это — вручить подарки, поздравить.

Возможно, с чертежной работой она справилась бы к сроку и там, но тут рядом была мама, это вселяло уверенность. Тем более, у нас был абсолютно одинаковый шрифт, мы даже сами с трудом различали, кто из нас чертил тот или иной лист.

Консультант Карпов, старый строитель, работавший в институте в качестве почасовика, одобрил диплом, похлопал ее по плечу и сказал студентам:

— В мое отсутствие по любым вопросам диплома консультируйтесь у Людмилы Рэмировны. Я ей доверяю.

Люда смутилась, уже сворачивала все листы диплома в рулон, но неожиданно вошел заведующий кафедрой и спросил:

— А могла бы ты все чертежи разложить и вот так сразу, без подготовки, защитить свой диплом?

Это было совершенно неожиданно. Откуда и смелость взялась? Отчеканила все без подготовки.

Карпов предложил после защиты диплома остаться работать в Москве:

— Я найду тебе хорошую работу в тресте. Правда, на первых порах придется пожить в общежитии, но наш трест строит очень много жилья. Будет, разумеется, со временем и у тебя своя

квартира.

Люда не согласилась.

Наверное, напрасно она считает одаренными только нас с Игорем. И сама Люда далеко не глупа.

В день защиты диплома комиссия уже успела прослушать многих. Заметно было, что уже успела устать, все надоело. Да и понятно: каждый студент, повернувшись зачастую спиной к комиссии, что-то бубнит под нос, порою с трудом пытаясь прочесть, что это у него там написано на листе.

Подошла очередь Люды, и стало грустно: комиссия «спит». Один, закрыв глаза, дремлет, другой уткнулся в газету, двое следующих беседуют между собой, и ни до чего им нет дела. А она-то так готовилась к защите, так тренировалась. И даже на последние гроши купила новое платье, белые туфли, сделала прическу…

Встала к комиссии лицом, сделав маленький полуоборот и начала доклад своим звонким, чистым голосом. И комиссия начала «просыпаться». Да вот она уже вся «проснулась». Да как слушает!

Но, закончив доклад, оговорилась:

— Защита окончена.

Вместо того, чтобы сказать, что закончен доклад. И все дружно заулыбались:

— Ну, коли защита окончена, вопросов не будет, — и поставили «пять».

Свою трудовую деятельность начала конструктором в проектном институте «Оренбургграждданпроект». И вскоре почувствовала себя так, будто она тут работает давно. Она сумела проявить себя за короткое время как грамотный специалист и активный участник общественной жизни. В праздничные дни ее награждают то грамотой, то ценным подарком. Через год комсомольская организация выбирает ее своим секретарем. Не совсем легко совмещать производственную работу с общественной. Но ей помогает партбюро и местком.

— Запомни, Люда, общественная работа не менее важна, чем производственная, — сказал ей директор института Меркитанов.

В институт один за другим приходили молодые специалисты, росла ее комсомольская организация. Но и проекты — к строго определенному сроку. Особенно требовательна Сусанина. Но и она обратила внимание на исполнительную Люду, ни разу не сделав ей замечания. Уж много позже, когда я случайно познакомилась с Сусаниной, она Люду в разговоре сравнила с собой:

— Я по характеру такая же исполнительная и беспокойная,

как ваша Люда.

В этот период совсем неожиданно позвонил Рэмир из Ростова и предложил Люде путевку на юг. Она согласилась. Встретив Люду на вокзале, он завез ее домой и поехал на работу. Жена его на Рэмира Люде пожаловалась:

— Ты думаешь, он изменился? Уезжает на работу рано, приезжает поздно, а выходные дни посвящает спорту. Я уже измучилась, а здоровье у меня очень плохое.

Поездкой на юг Люда осталась очень довольна. К Новому году ей прибавили зарплату, а зимой к нам приехала мама Катя. Правда, в этот раз она приехала не как обычно, не к Игореву дню, а ближе к весне. Похоже, что долго не могла уговорить папу Сережу ее отпустить.

Ей нравилось у нас. Вечерами мы любили петь. Записали на магнитофонную пленку много песен. Она записала «Сироту», «Лучинушку», втроем пели «Гречаники» и многое другое.

После завтрака она с удовольствием садилась в зале за стол и читала книгу «Медная пуговица», потом ложилась вздремнуть, а после обеда шла прогуляться на воздух и встретить с работы Люду.

— Я у вас как на курорте, — говорила она, улыбаясь.

Но вскоре позвонил папа Сережа и попросил собираться в дорогу. Она расстроилась до слез.

— Я же не нагостилась. Погощу у вас ну хоть еще три денечка. Но папа Сережа неожиданно приехал сам:

— Я там Махрача оставил, чтоб пока печку топил. Поедем домой. И мама Катя расплакалась:

— Господи, да что ты за мной гоняешь? Надоело уж мне дома в четырех стенах сидеть.

Летом с детьми побывала и в Турках и даже навестили родных в Аркадаке.

А осенью Люда со своим комсомолом готовилась к празднику — Дню рождения комсомола. Концерт был интересный. Посреди сцены инсценировали костер: накрытые красной тканью электролампочки, а сверху уложили поленья. Вокруг костра — комсомольцы разных поколений — в шинелях и буденовках, в красных косынках и кожаных куртках, в гимнастерках и пилотках. По обе стороны сцены ведущие в комсомольских формах со значками — Люда и Сережа Кожевников.

Начала Люда стихом:

Есть у партии сын молодой,
Боевой, непреклонный, веселый.
Он родился под Красной звездой,
И назвали его Комсомолом.

Дальше прозой она рассказала, как в стране создавались первые комсомольские ячейки, о комсомольском съезде, на котором присутствовал В. И. Ленин.

И Сергей продолжил:

Скажи, Ильич, что сделать нам с собой?
С сердцами вдребезги готовы мы разбиться,
В боях мы были, вновь готовы в бой
А он нахмурился и вдруг сказал: «Учиться!»
— Учиться? Как, великий командир!
В стране дела найдутся поважнее.
А он свое о том, что новый мир
Без знанья мы построить не сумеем.

А у костра сидевшие и стоявшие комсомольцы запели на два голоса «Там вдали за рекой». Снова ведущие на сцене рассказывают о гражданской войне. Люда читает:

Этих дней никогда не забыть.
Дым застлал горизонт.
Вспомни! На двери райкома
Табличка гласит: «Комитет закрыт —
Все ушли на фронт».

И ведущие рассказывают о героизме комсомольцев в годы становления советской власти.

И в великом строительстве вновь,
Взяв тяжелую ношу на плечи,
Проявил себя так комсомол,
Что опять был наградой отмечен.

Они рассказывали о молодой цветущей стране и о том, как внезапно и вероломно на нас напал фашизм, и как защищали Родину комсомольцы.

Люда и Сергей, сменяя друг друга, говорят дальше стихами:

Люда:

Вышла в сражение Зоя,
В битву Матросов пошел.
Стала повсюду для немцев грозою
Правда твоя, комсомол.

Сергей:

Юноша с бессонными глазами
Закрывает грудью пулемет.
Ну, скажите же, скажите сами,
Разве он когда-нибудь умрет?

Люда:

Девушка молчит перед расстрелом,
Крепко стиснув безответный рот.
Разве эта молодость истлеет?

Разве эта молодость умрет?

Сергей:

Комсомолец, к сердцу прижимая
Гроздь гранат, бросается под танк.
Вот как бьется молодость живая.
Разве раньше умирали так?

А хор у костра уже поет победные песни. Ведущие рассказывают о том, как восстанавливается великая держава, наш СССР, растут заводы и целые города.

Люда:

Час настал.
И туда, где возводятся стройки,
Где лежала века целина,
Комсомольцев отважных и стойких
Посылает страна.
И колеса стучат без умолку,
Километры глотая пути. А
в вагонных купе и на полках
Старше лет двадцати не найти.

Сергей:

На то и молодость,
Чтоб рук не покладая,
Творить, работать, строить, побеждать,
Чтоб не смолкала песня трудовая,
Чтоб спеть одну и новую начать.

Люда:

Строить! Строить! Творить!
Так народ нам велит,
Так нам партия наша диктует.
Слышен звон голосов
Под землей, средь лесов —
Это молодость вновь атакует.
Вспоминая слова боевых командиров,
Нам трудиться с сознаньем одним:
Коммунизм — это молодость мира,
И его возводить молодым!

Зал очень хорошо принял монтаж. А после начался веселый концерт с песнями, плясками, музыкой, стихами. Директор института купил комсомольцам пианино, магнитофон.

В числе почетных гостей Люда пригласила на праздник и свою бабушку Елену Петровну, старейшую комсомолку. Она и открывала их праздник, рассказала о первых комсомольцах нашей страны. По окончании вечера ей преподнесли подарок и выразили благодарность.

Подарок в день годовщины комсомола получила в Турках и мама Катя: книгу «Сыновья» и какую-то еще, которую она кому-то дала почитать, но ее не вернули.

С детских лет я помню о маминой непримиримости к неправде, о чувстве патриотизма, о помощи слабым. Помнится, колхозница Панкратова в колхозе получила травму головы, результатом чего стало умственное расстройство. Никому не было дела до несчастной, даже руководству колхоза. Ходатайствовать принялась мама Катя, добилась больной инвалидности и пособия.

Был и другой случай. Встретившись с женщиной из Трубетчино, с которой вместе были на трудовом фронте, где мама была политруком, мама Катя узнала, что у старушки развалился дом. А ведь в войну кроме рытья окопов на трудовом фронте она возила зимой на салазках из деревни посылки в Турки на почту для отправки фронтовикам, по своей же инициативе собирала теплые вещи солдатам на фронт среди односельчан, по своей инициативе ухаживала за ранеными в госпитале. Теперь престарелая женщина воспитывала внука-школьника, а жить им было негде, и уж какие пороги начальства обивать, она не знает.

И с этой бедой мама справилась. Построил колхоз старухе новый дом, и они спокойно в нем жили с внуком. Теперь внук той старушки давно взрослый самостоятельный человек, живет в Турках, художник Владимир Пономарев. От него я и узнала эту историю, он рассказывал, что оставляя его с бабушкой ночевать в своем доме, мама Катя неустанно изо дня в день ходила к руководству района и помощи им добилась.

А сколько писем, сколько всевозможных заявлений она писала по просьбе жителей своего села. Много можно привести примеров. До последнего времени мама интересовалась политикой; пока существовала партийная организация, посещала партсобрания, интересуясь делами производства. До несчастного с ней случая она трижды перечитывала каждую газету, непременно их выписывая. В день пятидесятилетия пребывания в рядах коммунистической партии ее чествовали, вручили удостоверение ветерана и значок ветерана — члена КПСС.

Родители Рэмира были также пламенными коммунистами, беззаветно любили свою Родину.

Отец Анатолий Заверткин начинал учиться в медицинском институте, был большим активистом и партией отозван на партийную работу. В 1937 году по недоразумению был арестован, в 1938 году — расстрелян, а впоследствии реабилитирован в связи с невиновностью.

Мать Рэмира почти всю жизнь была секретарем партийной

организации, борясь с бюрократизмом и взяточничеством.

А однажды произошел даже такой случай. Возвращаясь домой, она увидела около подъезда своего дома служебный автобус. Возмущенная тем, что кто-то посмел в личных целях воспользоваться служебным автобусом, она решила вмешаться в это дело и разоблачить. Но мешала сумка с продуктами, и лучше сначала от нее избавиться, а потом с возмущением пойти по квартирам и наказать виноватого. Воинственная, вошла Елена Петровна к себе домой и увидела своего сына Рэмира, заехавшего к ней по пути с завода, куда он ездил по делам на автобусе политехнического института.

Глава 7. Дети выросли

Это было в Октябрьские праздники. Как обычно, Игорь в праздничные дни приезжал на несколько дней домой. Учился в это время он на четвертом курсе.

Приехал и на этот раз, но вскоре уехал. Его беспокоила судьба одной девушки их института, которая собиралась покинуть институт и Куйбышев. Игорь решил, что если она уехала, то необходимо ее возвратить.

Я поняла, что эта девушка ему очень дорога, что не исключено, что в ближайшее время они могут пожениться, а это может отразиться на дальнейшей его учебе не только после института в аспирантуре, но и в институте. Было горько от того, что учителя прочили ему большое будущее в ученом мире. Да что греха таить, видя его способности, все годы эту заветную мечту вынашивала и я.

Ровно через месяц Игорь позвонил домой и сказал, что с этой девушкой они поженились, и что в ближайшее время он привезет ее к нам в Орск познакомиться.

Незадолго до Нового года они приехали вместе с двумя другими студентами. Я расплакалась. Было жаль расставаться с надеждой о его ученом будущем. Да и было ему в то время всего лишь двадцать лет. Сердце металось и рвалось до тех пор, пока я не взглянула на Валю. Ни тогда, ни теперь я не знаю, красива она или нет, она показалась мне родной, нашей. Ее приняло сердце. Ребенок, например, никогда не знает, красива ли его мать: просто она лучше всех. Так не знает и мать, красив ли ее ребенок: он ей мил, а значит, красив. Валя была худенькой, беззащитной. Но она была нашей и больше ничьей. А значит, родной.

Успокоившись, я собрала скромный стол, и стали планировать, как они будут жить дальше.

— Ты не тревожься, мама, я буду учиться столько, сколько надо.

— А я пойду работать на завод, а учиться буду на вечернем отделении. У меня болеет отец, мама не работает, помогать они материально не смогут.

Я убеждала их в том, что учиться им желательно вместе. Меня тревожило то, что когда родится ребенок, Валя не потянет весь груз, может бросить учебу, несколько дома опустится, а Игорь, вращаясь в кругу ученых, может разочароваться в же недомохозяйке, уйти из семьи и повторить судьбу отца.

— Вот и Люда, — говорю, — начала работать. Невелик заработок, но все-таки вам будет помощь: ведь мы теперь — одна

семья.

Договорились, что в Куйбышеве они подыщут себе частную квартиру, непременно будут заканчивать дневной институт оба, а деньгами систематически мы будем помогать.

Они уехали. Мне жаль было сына, но жаль было и девушку. Сколько у них впереди будет трудностей! Они молоды и ничего этого не понимают.

Позже я узнала, что приезжал отец Вали, он помог с оплатой квартиры. А мы с Людой завели специальный конверт, куда складывали в основном зарплату Люды. Из этого конверта помогали ребятам, мою тратили на нас. На самое необходимое нам вполне хватало.

Все успокоились, все было хорошо. Правда, один семестр Валя была без стипендии, но мы, сколько позволяла возможность, высылали ежемесячно, и свою неизменную десятку от пенсии каждый месяц посылала им мама Катя.

В наступившее лето отпуск у нас с Людой не совпал, в родные свои Турки я поехала одна. В Самаре в поезд ко мне пришли ребята. Они оба были такие симпатичные! У Игоря был букет красных гладиолусов, а Валя передала для мамы Кати подарок — штапель на платье.

Папа Сережа встретил меня в Летяжевке на своей «инвалидке». Он выглядел в то время еще неплохо. А мама мне показалась заметно постаревшей. Но, тем не менее, она оставалась такой же шустрой, непоседливой. В выходные дни и в любые праздники она непременно уходила к Елисеевым или к тете Лизе Панкратовой играть в карты. Во-первых, как и все ее предшественники, она увлекалась этой игрой, а во-вторых, по своей натуре она была человеком сверхобщительным, ей непременно требовалось быть на людях, домашняя обстановка ее давила. Даже когда приезжали в гости мы, в ком она не чаяла души, оставалась в доме она на день или два и больше не выдерживала: ее тянуло к народу, хоть бы на посиделки на лавочку. В холодное время года посиделок не бывало, тогда она, освободившись от дел по дому, шла к соседке Вере Алекаевой. Та была моложе, постоянно где-то бывала и рассказывала маме Кате новости, без которых мама задыхалась: она же знала всех сельчан, и ей была интересна судьба каждого, о котором слышала.

Папа Сережа тоже никогда в доме не бывал. У него находилась масса дел во дворе, огороде, но любимым местом был гараж. Там он мог сутками зимой и летом что-то точить, чинить, выпиливать. Он собственноручно без помощи посторонних смастерил трактор, пахал на нем огород, увозил со двора мусор.

Возможно, его привычка не находиться в доме тоже была

одной из причин, что маме хотелось на люди, чтоб не оставаться все время одной.

Папа Сережа был человек хозяйственный, по-своему заботливый, но слишком вникал во все дела других: что делаешь, что у тебя кипит в кастрюле, куда и зачем пошла, не так закрыла дверь, не так подметаешь пол и прочее. Он делал это не со зла, а для порядка, но его дотошность порою раздражала, хоть человек он был добрый. С виду же казался угрюмым, сердитым, любителем поучать, поворчать.

С отпуска он поехал провожать нас снова до Летяжевки. При посадке на поезд ночью я выронила кошелек с деньгами. Денег, к счастью, там было мало, но поезд стоял две минуты, и я уехала без кошелька.

По пути домой в Самаре заглянула к нашим, но дома не застала. Потом к поезду прибежал Игорь и сказал, что осенью у них должен родиться ребенок, и мать Вали обещала приехать и им помочь.

Саша родился 30 октября 1979 года. Мать Вали не могла находиться у них долго и вскоре уехала из-за болезни отца.

Нелегким был для ребят пятый курс. Порою приходилось пропускать занятия Вале. У нее пропало молоко, мальчик стал искусственником. Но самое трудное — это то, что его не с кем было оставлять. Оставляли иногда со студентами, которые по какой-либо причине не ходили в институт.

Будучи занятой, Вале приходилось трудновато и оттого, что младенца простудили тогда, когда он находился еще в роддоме. Саша стал тяжело болеть. С ним ложилась в больницу и Валя, и ее сестра, жившая у них некоторое время, но мальчик первые месяцы своей жизни был очень слабым.

Когда Саше исполнилось пять-шесть месяцев, навестить их поехала Люда. Долго задерживаться не позволяла работа. Приближалось лето, с ребенком трудно без холодильника, и Люда купила им холодильник, деньги на который, работая вдвоем, мы без труда смогли скопить.

Возвратившись домой, она рассказывала, какой Саша слабенький:

— По-моему, у него даже нет сил плакать, он вообще никогда не плачет. Головку держит еле-еле. Ношу его на руках, а он положит головку мне на плечо и, не переставая, тихо стонет.

Ребята в это время сдавали последний экзамен. Впереди — дипломная сессия.

На лето они приехали в Турки. Милый старый дом! Кто только не жил под его крышей? Скольким поколениям он был приютом! Для Саши нашли старенькую кроватку. Валя постоянно

старалась быть с ним на воздухе. Мальчик по-прежнему никогда не плакал. И даже тогда, когда его брали на руки незнакомые люди, которых он видел в первый раз. Свое недовольство он деликатно выражал тем, что хмурил бровки.

Получив отпуск, я тоже приехала в Турки, увидев Сашу впервые в восьмимесячном возрасте. Уже тогда он был красавец и очень забавный.

Мои молодые пошли на Хопер. Саша, проснувшись в своей кроватке, позволил взять его на руки, не заплакал, не развеселился и ничему не удивился. Бедняга давно смирился с участью, что его оставляли с разными людьми. Но вот он увидел возвратившихся родителей. От радости он хохотал в голос, как взрослый, до слез. Вот так это крохотное существо умело любить своих родителей. Мама Катя Сашеньку полюбила необыкновенно, можно сказать «заболела» этим ребенком. Когда они уехали, ей пришлось давать успокоительное. Найдя однажды в сенях под столом при уборке корочку хлеба, которую когда-то сосал Саша, она вновь залилась слезами, размочила эту корочку в воде, ела по крупицам со слезами пополам, будто тем самым соединяя свою любовь с Сашей.

А у ребят начался новый учебный год, они должны были приступать к своим дипломам. Естественно, на руках с ребенком сделать это было не под силу. Мы приняли решение взять Сашу к себе, другого выбора не было. Как и с кем оставлять, пока не знали сами.

В поисках няни исходили весь Орск и почти отчаялись. Однажды, возвращаясь с очередных поисков, увидели около соседнего дома группу пенсионеров, сидящих на скамеечке.

Так в нашем доме появилась изумительная няня — баба Варя, деликатная, честная, чистоплотная, но самое главное — любившая Сашу — это было видно.

Привезли его из Самары в десятимесячном возрасте. Он был как картиночка. И все такой же не плакса. И невольно я сравнила его со своими крикунами.

Вспомнился случай, когда мы жили еще в Пензе. На экранах шел популярный фильм «Тарзан». Так как Люду оставлять не с кем, решили посмотреть фильм по очереди. Фильм, к сожалению, был двухсерийный. Когда я возвратилась домой, лицо Люды опухло от слез. И Рэмир сказал:

— Никогда больше не останусь с ней. Как ты вышла, и вот до сих пор она не унималась от крика. И забавить ее невозможно.

Не спокойнее был и Игорь.

Сашенька был совсем не такой. И вообще таких детей я не встречала. Росли же у нас Слава, Сержик. Случалось всякое.

Саша не плакал вообще. Никогда.

О том, что родители его оставили, он понял сразу. Проснувшись утром, протянул вдруг ко мне ручки и, показывая пальчиком, повел через всю квартиру из детской сразу к входной двери.

Баба Варя была таким чудо-ребенком очень довольна. Но несмотря на то, что из-за работы Саша нас с Людой видел меньше, чем бабу Варю, любовь своего детского сердечка больше отдавал нам с Людой. Он отмахивался ручонками от бабы Вари, заливисто хохотал, глядя на Люду и истошно визжал от радости. Хоть уши затыкай. Неожиданно Люда заболела. Долго надеялись, что бронхит пройдет сам по себе, но кончилось тем, что ее положили в больницу. Вечерами мне нужно было с работы заходить в магазины за продуктами, навещать в больнице Люду, порою задерживаться на собраниях и переносить на ногах прицепившееся острое респираторное заболевание.

Баба Варя выразила недовольство, она спешила домой и вечерами задерживаться у нас отказывалась.

Я написала два письма — в Сызрань родным Вали и маме Кате с просьбой приехать ненадолго и помочь. Валины родители прислали письмо с отказом и довольно обидное. Решила, что мама Катя, так любившая к нам прежде приезжать в гости зимой, приедет и в этот раз.

Но приехал папа Сережа. Маме было уже семьдесят пять лет, папа Сережа ее не отпустил.

— Ну, какая она нянька? — сказал он мне, — она совсем старуха. Папа Сережа видел, что меня и саму острое респираторное заболевание валит с ног, а баба Варя дольше шести не задерживается.

Он предложил поискать еще одну няньку, которая бы сменяла бабу Варю вечером и оставалась до утра, до ее прихода к нам. Я же должна прежде всего вылечиться и делать все свои дела и навешать Люду. Вот таков был план папы Сережи.

Но на мне висели еще и дипломы, а сроки поджимали, я продолжала подрабатывать на студентах техникума.

— А сколько же платить ночной няне? — посоветовалась я с папой Сережей.

— Придется так же, как и за дневное время, — ответил он.

— За такую плату и я согласна, — сказала баба Варя.

И я согласилась. Ну, где я срочно буду искать няньку? Да и будет ли она так ухаживать за Сашенькой? Проблема — деньги. Но папа Сережа обещал прислать рублей пятьдесят. Надежда, конечно, на дипломную подработку вечерами, когда дом спит.

Люда пролежала в больнице двадцать один день. За это время

наш Саша начал ходить. Вернее, он не пошел, а побежал вдруг бегом от бабы Вари ко мне, а от меня к ней. Да так до самого отъезда из Орска и не ходил шагом — только бегом.

Пока Люда лежала в больнице, Саша от нее совершенно отвык, и первое время ему не нравилось, если она хотела взять его у меня из рук. Стоит ей к нам чуть приблизиться, он тут же на нее махал рукой, отталкивал и сердито произносил: «ф ф ф»…

Светом в окошке у него стала я, ждал с работы с нетерпением, мчался от бабы Вари с криком: «Баба! Баба!». Невозможно было ни раздеться, ни разложить вещи — вцеплялся ручонками как клещ — и не оторвать. Я старалась вставлять ключ в замочную скважину наитишайшим образом, авось не услышит. Все напрасно. Бежал к двери и кричал во все горло:

— Баба! Баба! Уа!

Это значит, ура!

Мы все привыкли к бабе Варе, а она к нам, как к членам своей семьи. Родных у нее не было, сын сидел в тюрьме. Так она и осталась жить у нас, заходя иногда в свой дом за чистым бельем. Между всеми нами никогда не было никаких трений, она восторгалась дружбой. Но от двойной платы она все равно не отказывалась, хотя видела, что нам не так уж легко, знала, что мы помогаем в Куйбышев и понемногу откладывали деньги хоть на скромные подарки ребятам в честь защиты дипломов и окончания института.

Выручало черчение. Как же здорово ночью работается! Полная тишина, вроде и голова еще светлая, спать не хочется — все получается здорово.

Но очень сердилась Люда. Она знала, что после переутомления у меня устает голова, закладывает в груди, болит крестцовая область. Одним словом, начинается обострение. Но ведь пока не болит, а работа движется, ни о чем больше и не думаешь. Я очень любила чертить, пожалуй, не меньше, чем шить. Шила простенькие вещи: халатики себе, Люде, Вале, маме Кате.

Продолжала студенческие работы выполнять украдкой и в тресте, все равно с основной работой справляюсь, и чертежей у меня больше, чем у остальных конструкторов. Начальство, наверняка, знало, но замечаний не делало.

Шла зима. Баба Варя вдруг сказала, что к ней скоро приедет дочь и нас, пожалуй, она оставит. Я расстроилась. Ну где я найду няньку? Предложили ей доплату, понимая, что приезд дочери — это предлог. Никто к ней, конечно, не приезжал.

На Новый год у Люды был в институте концерт, бал-маскарад. Часто репетировали дома, Саше нравилось.

Концерт удался, Снегурочка у Люды получилась удачная.

Люда осталась довольна, пела, много танцевала.

По окончании института Игорь и Валя приехали к нам и забрали Сашеньку.

Глава 8. На пенсии

После отъезда ребят все в доме стало непривычно тихо и грустно. Тяжелее всего было расставаться с Сашей. Набралось и много каких-то вещей, Сашиной одежды. Люда поехала провожать их прямо до Самары.

По привычке я некоторое время продолжала делать дипломы, но вскоре пришлось оставить: я выдохлась. Временами самочувствие было такое плохое, что я не в состоянии была дожидаться выходного дня. Чем поможет врач? На что я пожалуюсь? Устала? Но это не болезнь. И будучи дисциплинированной прежде, теперь частенько в предвыходной день я не выходила на работу. Пусть ставят в табель что хотят, пусть ругают, пусть будет, что будет. Ну не было сил работать, словно вся я выработалась. Но, отлежавшись, в понедельник чувствовала себя лучше и работала.

Однако, начиналось лето, а с ним и жара. Комаров, начальник отдела, видел, что я изнемогаю, из-за трудного дыхания лицо становилось кумачовым. Он с третьего этажа перевел меня работать на первый, где прохладнее, там пол цементный. Прохлада состояние слегка облегчала, но несколько раз в неделю в этой комнате печатали чертежи, и приходилось дышать парами аммиака.

У меня давно была болезнь позвоночника, но я этого не совсем понимала, все сводя к одной лишь усталости.

С превеликим трудом дождалась отпуска и уехала в Турки. Там уже отдыхал и Игорь с семьей. Состояние здоровья у меня ухудшалось, начались пояснично-крестцовые боли, и мне пришлось дней через пять уехать назад. Ребята уезжали в Самару, мне удобнее было ехать с ними, так как одной мне было бы не добраться. Обезболивающие уколы делали медики «скорой», соседка Вера Алекаева, в Самаре — наша Валя. Ничто не помогало. Игорь проводил меня до самого Орска.

Амбулаторное лечение не помогало, состояние ухудшалось, падало давление, начались рвоты. Приезжала одна «скорая» за другой, и вскоре положили в больницу с диагнозом: обострение шейного остеохондроза и коронарная недостаточность.

Были непрекращающиеся головные боли, сопровождающиеся рвотой, давление шестьдесят на сорок. В больнице ко всему прочему присоединился грудной остеохондроз.

Пролежала в стационаре два месяца и столько же потом поддерживала постельный режим дома. До пенсии оставалось меньше года, и на работу я уже больше не вышла. Мне шел

пятьдесят пятый год.

Вскоре подошел срок пенсии.

Многие люди, уходя на заслуженный отдых, страдают, тяжело расстаются с производством. Я не страдала, хоть Бог тому судья: я любила чертить. Но я словно выработалась, словно вся опустошилась.

Начиная с первого класса пятерки с неба не сыпались — это труд; повышенная стипендия в институте при систематическом послевоенном недоедании — тоже колоссальный труд. Будучи дисциплинированной с детства, не могла халтурно работать на производстве, получая за свой труд благодарности, одну медаль за другой, выполняя добросовестно все общественные поручения. Не малый шрам на сердце оставила семейная трагедия, когда не знаешь, бросят тебя завтра с детьми или нет, и страшишься за то, чтоб детям не пришлось повторить мое детство, воспитываясь у бабушки и живя с чужими отцами. И умом, и сердцем я обо всем догадывалась и страдала, не подавая вид чужим. И, наконец, не так уж порою легко было одной вырастить детей, кроме алиментов, не получая ни малейшей помощи; дать детям высшее образование, воспитать так, чтоб ими везде гордились. Я, конечно, не знала, как надо воспитывать, просто считала, что нужно быть самой во всем примером. Не рассчитала силы, надломилась.

Теперь они выросли. А я на пенсии. Пенсия по тому времени была приличная — «потолок», сначала сто двадцать рублей, чуть позже сто тридцать два. А цены на все были низкие: буханка самого белого хлеба — девятнадцать копеек, литр молока — двадцать копеек, килограмм сахара — семьдесят восемь копеек, килограмм муки высшего сорта — сорок одна копейка.

На пенсию можно было жить безбедно. Летом каждый раз ездили в Турки. Билет до Турков стабильно, десятилетия, стоил десять рублей девяносто копеек. Магазины были завалены всевозможными тканями, их уценяли в специальных уцененных магазинах.

Безостановочно работали заводы, как правило, в три смены шло строительство, на три смены мы всегда и составляли календарные графики; куда ни глянешь, леса строительных кранов, кругом новостройки. По всему городу, как и по всей стране, были расклеены объявления о том, что на каждое предприятие требовались новые и новые рабочие.

Игорю после защиты диплома предложили остаться работать в стенах своего же института на кафедре прочности, Валя получила направление на авиационный завод в Куйбышеве. Квартиры на первых порах не было, снимали частную, но вскоре

получили комнату. Зарплаты у них были, как и у всех начинающих специалистов, мизерные, и материально мы им по возможности продолжали помогать. А они нам, отрывая последнее от себя, присылали мясо, так как в Орске в ту пору с мясом было плоховато. Понимая, что у них так многого еще нет, мы не делали дорогих подарков. Люда покупала и посылала то, в чем они нуждались в первую очередь: ей доставляло удовольствие покупать детские трусики, маечки, голь-фочки, костюмчики, ну, и иногда зимние пальтишки, шапочки. Услышав на работе, что в «Детский мир» завезли что-то новенькое, Люда спешила туда, и, счастливая, приносила домой то сандалики для мальчиков, либо свитерочки. Это была самая обыденная одежда, но она была необходима, так как начинали свою жизнь ребята с нуля.

Иногда мы пытались помочь и взрослым, помочь от всей души: купить Игорю на костюм, шапку, Вале на платье, помочь деньгами. Каждый родитель радуется, когда приобретет своему ребенку какую-нибудь обнову. Но ребята часто пытались отказываться от помощи, сердились, грозились чуть ли не вернуть назад. С одной стороны — они стеснялись, воспринимали это как унижение, а с другой стороны им всегда приятно приобрести что-то лично самим.

Но я их успокаивала:

— Разбогатеете, тогда вы нам будете помогать. Валя только усмехалась:

— Уж мы разбогатеем!..

Саше исполнилось два года, и его привезли к нам погостить. Он уже разговаривал, но многие буквы выговаривать не мог. Однако, обладая прекрасной памятью, знал наизусть всего Корнея Чуковского. На магнитофонную пленку мы записали «Доктора Айболита», «Фе-дорино горе», «Тараканище».

Мама Катя, как это было прежде в каждую зиму, не приезжала уже несколько лет подряд. Ей было уже около восьмидесяти лет. Но летом мы непременно ездили в Турки, и ждала она необычайно, уже с самого начала весны в каждом письме сообщала о своем нетерпении увидеться.

Первые дни она была с нами очень радостной. Но стоит нам вспомнить о расписании поездов или еще о чем-либо подобном, она грустнела:

— Я на вас и не насмотрелась, а вы уже о дороге ведете речь.

— Мама, а поедем с нами в Орск недельки на две. Потом Люда тебя привезет или Игорь.

— Ой, да я с радостью! — и лицо ее расцветало.

Однако, за несколько дней до назначенного дня отъезда ее часто заставали в слезах. Она не хотела нас огорчать, но мы

догадывались, что папа Сережа был категорически против ее поездки, и она потом говорила:

— Ладно, девчата, мы уже повидались, а Орск смотреть мне нечего. Я постараюсь приехать зимой, а вы только пишите почаще: я ведь письмами только и живу.

Но и зимой папа Сережа ее не отпускал. Она была уже стара, он ее оберегал. Знала и она сама что ехать ей нельзя, но жалела нас, успокаивая надеждой.

Но вот однажды получили от него телеграмму о том, что мама Катя выехала в Орск, указал и номер ее вагона. Мы не могли себе объяснить столь поспешный ее визит. Обычно она готовилась, мы обо всем заранее списывались. Прежде все было ясно. Не иначе по какой-то причине она там на этот раз подняла бунт. Зима на этот раз стояла невиданно суровая. Пожалуй, холоднее этой зимы не было со времен войны с Гитлером. Стоял лишь ноябрь, а на дворе мороз в тридцать градусов. Мы заволновались. Ну, как она в поезде в таком-то возрасте? Она разменяла уже свой девятый десяток. сильным. Рос он очень хорошо, далеко опережая своих сверстников.

А мы с Людой теперь уже в Орске с любовью подбирали костюмчики обоим малышам. Саша любил своего младшего брата. Когда в очередной раз Сашу привезли погостить в Орск, он сказал, что больше всех скучает по Сержику. Гуляя со мной по магазину, он просил подарок не для себя, а для братишки:

— Баба Тома, ну если не игрушку, то давай купим Сержику хоть сапожки.

И, конечно же, многие детские вещички мы старались покупать. Возможно, оттого, что у Люды своих детей не было, любовь своего сердца стремилась отдать племянникам. Как когда-то в раннем их с Игорем детстве, я шила для них новогодние костюмы, то Люда, хоть жили в разных городах, мастерила к елке то кота в сапогах, то черта и спешила эти костюмы упаковать в ящики и отправить в Самару.

Если ехали в Турки, то старались везти с собой картонку со всякой мелочью для самарцев, чтоб вручить во время пересадки. Там, разумеется, ничего особенного, но от души. А малыши всегда любили гостинцы.

Валя с Игорем отказывались от материальной помощи на полном серьезе. Дело доходило чуть ли не до скандала. И мне обидно было: я же мать, у меня ничего нет дороже детей. А они, словно от чужого человека, пытаются помощь не принимать. И я видела, как приходится им порою трудно. Во время декретных отпусков Валя денег получала мало, и сколько раз видела я, как бедняжка штопала и перештопывала разные вещички. Легко ли

прожить вчетвером на одну зарплату? И у меня ныло сердце. Заметив однажды, как Игорь на расходы достает деньги из шифоньера из-под стопки белья, туда незаметно подложила им и я. Ну что делать, если добром не берут?

В Турки раза два или три они приезжали всей семьей, но ненадолго.

В школе учились ребята не плохо, но и не блестяще. С Сашей, например, много дома занималась Валя. Память у него была очень хорошая, но в некоторых вещах была заторможенность: он очень медленно одевался и раздевался, забывал порою, какое задание было задано на дом. Готовя домашнее задание, он в любое время мог отвлечься и заниматься чем-либо, не имеющим никакого отношения к урокам. Поэтому над ним нужен был постоянный контроль.

Их школа была с уклоном английского языка. Много внимания занятиям уделяла Валя. Вот с английским языком Саша очень ладил.

И однажды, пройдя несколько туров конкурса, он попал в группу учащихся, которые ездили на несколько дней в Англию.

От поездки он был в восторге. И мы все за него были очень рады.

Но эта поездка была не единственной. Посчастливилось Саше побывать в Англии и еще раз, а затем с группой ребят из своей школы он побывал и во Франции, в Париже. Кроме английского языка в этой школе, где учились наши мальчики, изучали и французский язык.

Самым страстным увлечением Саши в старших классах был компьютер. За ним он мог просиживать целыми сутками.

У Сержика были совершенно другие увлечения. Сначала он очень увлекался спортом, а потом любимым его увлечением стали танцы. Он самостоятельно записался в кружок при Дворце культуры, все у него очень ладилось.

День был, конечно, насыщен до предела. Одно время он занимался спортом и танцами одновременно. Кроме того, не мог позволить себе плохо учиться. Он участвовал в городских конкурсах по танцам, областных, региональных, занимая неплохие места. Приезжали и в наш Орск.

По характеру Сержик был общительнее Саши, у него много друзей и в своем дворе. С возрастом братья стали меньше ссориться, перестали драться. В школе учились на четверки и пятерки с преобладанием пятерок.

Глава 9. Тучи над Родиной

Казалось бы, что все идет хорошо. Советский народ работает, учится, живет неплохо. Нет буржуев, и никто уже не помнит, что когда-то были нищие, ходили по дворам, прося кусочек хлеба. Страна продолжала расти, и мы пели:

Цвети, страна, где волею единой
Народы все слились в один народ.
Расти, страна…

Все знают, что в Отечественной войне плечо к плечу сражались против фашистов люди всех национальностей. На это никто не обращал вообще внимания. И, как братья, сообща восстанавливали страну после войны. Росли могучие производственные комбинаты, распахивались обширные целинные земли. Страна богатела. И невольно вспоминаешь слова поэта Солоухина:

Что ж, мечтатель Уэллс,
слышишь нынче меня
Под чугунным надгробьем
замшелым и ржавым?
Что, Россия во мгле?
Нет, Россия в огнях!
Нет, в сверканье и славе
Родная держава.
Это знамя Победы
Сияет огнем,
Освещая потемки
Австралии и Азии.
А о Марсе мечтать?
Мы мечтаем о нем:
Коммунистам и это
Не область фантазий.

Наши советские ракеты первыми взвились в космос. Самая отсталая при царизме страна заняла первое место в мире по грамотности. Это советские спортсмены занимали лучшие места на мировых олимпиадах. То же самое можно сказать и о шахматистах СССР. С гордостью можно говорить о том, что только советские кинофильмы занимали первые призовые места на международных конкурсах. Все пятнадцать республик Союза, как спаянный кулак, трудились и учились рука об руку. Даже в маленьком проектном институте, где Люда возглавляла комсомол, среди шестидесяти комсомольцев насчитывалось девятнадцать национальностей, все крепко дружили между собой.

Каждому понятно, почему Гитлер, захватив половину Европы, не смог сломить мощь Союза Советских Социалистических Республик, нашего СССР.

Это понимали за границей, ненавидя Союз и мечтая о лакомом куске русской земли. Видя размах мощи СССР, им, капиталистам, было от чего скрежетать зубами. Не победив силой, они вынашивали другие коварные планы.

Руководитель ЦРУ Даллес еще в 1945 году писал о том, что Советский Союз победить нельзя. Он писал, что развал страны нужно начинать изнутри: «Мы бросим все, что имеем, чем располагаем, все золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей! Человеческий мозг, сознание способны к изменению. Посеяв там хоас, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности поверить.

Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возвышаться в добродетель. Честность и порядочность будут высмеиваться, и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивое предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу — все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом. И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже отчетливо понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ оболгать и объявить отбросом общества».

Это печатал Даллес в своих «Размышлениях о реализации американской послевоенной доктрины против СССР» (1945 год).

«Все последующие президенты США неоднократно в своих выступлениях подтверждали эту цель», — писал депутат П. Коровин.

Видимо, и срок бурного развала нашего Союза был в капиталистическом мире оговорен. Уже заметный развал начался с приходом к власти Горбачева. Проводилась в действие доктрина Даллеса постепенно все послевоенные годы. Но самый мощный удар нашей стране зарубежный мир нанес ровно через пятьдесят лет после войны.

С первых же лет, как секретарем ЦК стал Горбачев, он заговорил о «перестройке», значение которой народ не понимал.

На смену Горбачеву в правительство пришел Ельцин.

К осени 1993 года ельцинское окружение окончательно

загнало страну в тупик. Выдавать черное за белое становилось все труднее при господстве средств массовой информации. Разрушена экономика, разоружена армия, ограблено крестьянство, останавливались заводы.

Оставался единственный отчаянный выход: ввести в России единую диктаторскую власть и тем самым уйти от ответственности. В марте 1993 года Ельцин, подстрекаемый своим коррумпированным окружением, специальным указом пытается разогнать высшую законодательную власть в России — съезд народных депутатов и Верховный Совет.

Поэтому съезд в оперативном порядке утвердил все основные Постановления Верховного Совета: «О немедленном прекращении полномочий президента Б. Ельцина», «Об исполнении полномочий президента Российской Федерации вице-президентом Руцким А.В».

Что будет дальше?

А дальше по указу Ельцина — страшный кровавый расстрел. В октябре 1993 года принародно прямой наводкой из пушек БТР расстреливался собственный народ, собственный парламент. Танки давили людей. Власть имущие пытались вытравить из сознания народа позор, который пал на Россию. Уничтожали фотографии, документы, стирали следы от пуль и осколков.

Зверь, раз вкусивший крови, не мог остановиться. Его не остановили, когда он запретил КПСС. Его не остановили, когда он нарушил волю народа, выраженную на референдуме, подписав беловежское соглашение об уничтожении СССР. Не остановили, когда он разогнал съезд народных депутатов.

Объявив о разгоне высшей законодательной власти в России, Ельцин нанес тяжелейший удар по российской государственности. С легкой руки обезумевшего Президента запущен в действие убийственный механизм развала России.

Начались войны между народами бывших республик, входивших в состав Советского Союза, которые вчера еще называли себя братьями. После Беловежской Пущи, став самостоятельными государствами, развязали войны: Азербайджан воевал с Арменией, Грузия с Абхазией, шла война в Молдавии, в Таджикистане, в Туркмении.

Одним словом, по «нотам», написанным Даллесом, разыгрывался полный «концерт». Во главе средств массовой информации стояли люди, трубившие антисоветскую пропаганду, издеваясь над идеями Ленина, обвиняя во всех смертных грехах «коммуняков», истинных патриотов Родины.

По дирижерской палочке Даллеса умирало производство страны. На тех предприятиях страны, которые влачили жалкое

существование, начался произвол: дирекция не выплачивала зарплату не месяцами, а уже годами; себе же набивала карманы, строила коттеджи, ездила в туристические путешествия. В связи с упадком производства опустели и магазины. Вот тогда и хлынули подчас гнилые товары из-за рубежа. Стало неприлично одеваться в натуральную русскую одежду. Подобно обезьянам, народ навешивал на себя синтетические тряпки, вредные для здоровья, зато «модные», потому что импортные.

Разлагалась и молодежь. По телевизору перестали показывать добрые советские фильмы, учившие людей честно работать, честно любить и дорожить своей Родиной. Демонстрировались боевики, толкающие молодежь на преступления, подлость, грубость, эротические фильмы, бессмысленные мыльные сериалы.

По радио уже не звучали веселые задорные песни, поднимающие настроение. Слышалась незнакомая мелодия и песни на чужом языке.

А народ все сильнее расслаивался на богатых и бедных, ловкачей и бомжей. Из дома в дом бродили нищие, прося кусочек хлеба, а по городам — толпы беженцев из тех мест, где шли теперь непрекращающиеся войны.

Если вдуматься, парадокс: девятнадцатилетний парень, вчерашний двоечник, изловчившись, приспособился и уже разъезжает на «Мерседесе», а умница-профессор, которому хитрить не позволяет совесть, да он и не умеет хитрить и приспосабливаться, влачит жалкое существование.

Нелегко стало и пенсионерам. Пенсии задерживали по два-три месяца. Лечение стало платным. Не каждый мог позволить себе сделать обследование состояния здоровья и купить лекарства, цены на которые в советское время были просто символическими, а теперь «космическими».

Богатство страны стало продаваться за рубеж.

Да наша ли это Родина, необъятная, недавно еще веселая, звонкая, боевая и задорная? Что же сделали с ней?

Строительство в Орске из-за недостатка стройматериалов сходило на нет, соответственно в проектный институт мало поступало заказов на проекты. Инженеры оставались без работы. Из трехсот сотрудников института осталось около пятидесяти, да и тем из-за недостатка заказов частенько приходится сидеть в отпуске без сохранения содержания. Люда пока не была сокращена.

Произошли изменения и в Куйбышеве. На кафедре прочности, где работал Игорь, упали заработки. Игорь перешел на рекламную работу. Забот было немало, но, как он говорил, на хлеб заработать было можно. Тогда уже не мы им, а материально

стали помогать нам они.

Сыновья их росли. Сержик занимался танцами, но однажды он сломал ключицу. К счастью, это случилось летом, когда занятий было меньше. Ключица срослась нормально.

Глава 10. Родные вы мои Турки

Турки. Никогда не забудешь писать это родное слово. Оно вечное.

Старики в Турках никак не могли смириться со сложившейся обстановкой в стране. Папа Сережа верил в восстановление решающей силы компартии, а мама Катя все ждала, когда же государство на продукты и промтовары установит твердые цены.

Как же они постарели! Мы в который уже раз уговаривали их переехать в Орск: вместе легче. Мама — со всей бы радостью. Но папа Сережа об отъезде из Турков не хотел и слышать.

— Умирать буду на своей земле.

В таком случае мы и в письмах, и когда приезжали к ним, стали агитировать их приезжать хотя бы на зиму. Все-таки не топить дом, не таскать воду, не мучиться с дровами, снегом, который их заваливал, а сил на всю эту работу становилось все меньше. Но и на это уговорить папу Сережу было невозможно. Объяснял тем, что не на кого оставить дом. Однажды мы с Людой затеяли у себя в квартире ремонт. Начинать было страшно. Но хотелось чистоты.

Все оказалось еще сложнее, так как я — плохая помощница.

Подошло лето, Люда получила отпуск, прервала ремонт и поехала в Турки. Как мне не хотелось оставаться в этой межремонтной разрухе, но не пустил меня грудной хондроз, лето стояло очень жаркое.

Зато в августе, когда стало прохладнее, и в груди задышало, я поехала; от Самары до Турков меня проводил Игорь.

Мама была рада мне непередаваемо. Но как они оба снова постарели! Маму уже не занимали посиделки на лавочке. Или не было на это сил. А я снова стала их уговаривать ехать зимовать к нам.

— Эту зиму прозимуем здесь, — сказала мама, — а на будущий год приедем к вам. А не захочет дед, одна к вам приеду хоть в гости.

Маме казалось, что папа Сережа не считается с ее мнениями. Я старалась убедить ее, что это не так, что он боится города, боится стеснить в Орске и нас, что ему трудно покидать родное село.

Зиму мы продолжали ремонт. И всю эту зиму мама Катя писала об одном и том же, что она страшно скучает, что дольше такого скоро не выдержит, что хуже себя чувствует, что почти ничего уже сама делать не может, и многое по дому делает папа Сережа, что перемолвиться словом ему с ней некогда, а если

сходит за молоком и добредет до дома, то ложится, чтоб прийти в себя.

— Вот и молчим, как немые. Да он ведь больше в гараже, а я живу как в тюрьме, людей вижу только в окно. На улицу не выхожу совсем, я упаду там: коленки не дают покоя. Я не рада своей жизни. Пишите почаще, письмами и живу.

У меня разрывалось сердце, письма писала ей через день-два. Чем больше могу порадовать? Чем помочь?

Тоска мамы Кати стала болезнью ее мечущейся души. Да и понятно: она больна, стара и, как в клетке, беспомощная.

Нелегко было и папе Сереже выполнять больному и старому всю мужскую и часть женской работы. Но он делал ее через силу, лишь бы не ехать в город и не жить непривычной городской жизнью. Силой их не увезешь.

С наступлением следующего лета мы засобирались в Турки. И снова моя беда — обострение грудного остеохондроза.

— Дочка, вези ее к нам, — просила я Люду, — поездка встряхнет ее, такой безысходный тоски уже не будет, поднимется настроение, а погостив недели две, соскучится о доме и, вернувшись, скажет: «В гостях хорошо, а дома лучше». Сколько лет она весной приезжала в Орск за детьми, а осенью увозила из Турков в Орск! Поэтому ее желание, заветное и страстное, видимо, она считала последним. И нельзя было считать это блажью. Она заслужила исполнения своей мечты.

Люда возвратилась одна. А я все представляла, как откроется дверь и они появятся обе, я увижу такие дорогие мне лица.

— Она необыкновенно хотела поехать, очень радовалась принятому решению, но ее очень беспокоило то, что пришлось бы с обратной дорогой снова беспокоить меня или Игоря. Я ее успокоила, и она засобиралась. Однако, ее тревожило мнение папы Сережы. Видимо, у них был разговор и не в ее пользу. Я попробовала поговорить с ним сама, ведь сколько лет она живет этой мечтой.

— А если она умрет дорогой? — спросил папа Сережа, чуть не заплакав.

Она все поняла.

Я оделась идти за билетами и спросила:

— Мама Катя, так я возьму два билета?

— Нет, дочка, — и она горько заплакала, — покупай один, я потерплю зиму, а потом все равно поеду.

Зиму 1994-95 годов мы торопились с окончанием ремонта. Оставалось покрасить только пол в коридорчиках.

— Только сама поеду за мамой Катей и привезу непременно, — мечтала я.

Она, работник искусства, любит кино, никогда не видела до сих пор цветного телевизора. Пусть насмотрится у нас досыта. Она не знает и что такое мебельная стенка. Вот и полюбуется, порадуется за нас.

Вешаем ли мы люстру, покупаем ли новые портьеры, а мысль возвращается к одному:

— А маме Кате, наверное, понравится.

И мне казалось в ту пору ремонта, что все мы делаем не столько для нас, сколько для нее: порадовать ее за нас.

Но письма этой зимой приходили все печальнее. Старики, чтоб меньше жечь дров, жили в эту зиму в одной кухне. Сквозь замерзшие окна ничего и никого не было уже видно.

— К нам никто не ходит. С виду папа Сережа угрюмый, все считают его нелюдимым. Сам заходит в дом лишь поесть, оба молчим, стареем, оба плачем.

Господи, ну как же им помочь? Написали знакомым письма, чтоб навестили. Таня Буткова ответила:

— Я дядю Сережу видела. Идти уж и незачем. Остальные отмолчались, не заходил никто.

Ближе к весне письма стали еще более горькими. Сообщала, что почему-то слишком быстро слабеет, передвигается с трудом, что с прошлой осени ни разу не выходила на улицу, до встречи с нами, боится, не дотянет.

Что же делать? Стали посылать туда разные гостинцы — и к праздникам, и в будни. Письма писала им теперь через день. И от мамы приходили часто. Писала, что и жива только ожиданием встречи:

— Мне все тут опостылело, я как в тюрьме. Не сплю и ночи. Доченьки мои, приезжайте скорее.

Крик души ее разрывал сердце и звал в Турки.

Едва потеплело, и Люда в мае поехала. Договорились, что летом вместе мы съездим еще раз.

Старики Люду удивили. Никогда они за один год так не старели. И, как всегда, особенно мама Катя. Лицо ее было мертвенно-бледное, а губы непонятного ярко-вишневого цвета.

— Тетя Катя-то как хорошо стала выглядеть, а то в апреле она была устрашающе зеленая, — сказала Т. Буткова, увидев Люду.

— Неужели она была еще хуже, чем теперь?

И Люда стала стряпать все самое вкусное, кормить повкуснее и все время выводить маму Катю в сад. А она, как дитя, радовалась каждому цветочку, травинке, листочку.

В начале июня Люда уехала, пообещав месяца через полтора приехать вместе со мной.

Можно только представить, как мама Катя ждала, если через

десять дней она в письме удивлялась, почему же мы так задерживаемся. Но Люде не просто было так сразу опять отпрашиваться на работе, меня подводила обострившаяся грудь, и приехать мы смогли только в конце августа.

И вот я на пороге родного дома.

— Что же вы меня забыли? — были первые слова, сказанные мамой, грустно сидевшей у окна.

Оказывается, она отчаялась нас дождаться. Казалось бы, она должна успокоиться. Но нервная система была настолько напряжена, что с момента нашего приезда она не расслабилась, с момента нашего приезда ей не спалось. Едва забрезжит рассвет, а она, уже одетая, идет к стулу, стоявшему около моей кровати. Идет медленно-медленно, едва по сантиметру передвигая ноги. Как же ей, вот такой, предлагать поездку в Орск? Кожа пергаментная, губы неестественно пунцовые. С ней что-то неладно. А ноги не идут. Доедет ли? По силам ли? Не пригласить — обидится. Ведь она только этого и ждет, хоть сама не напоминает, стесняется. И я спросила:

— А в Орск поедешь с нами?

— А то разве нет? — засияли ее синие глаза, — с радостью!

— Вот и хорошо, — говорю, а от нас тебя Игорь привезет. Совсем повеселела, засуетилась, рассказывает о чем-то смешном.

Ожила.

— Мама, только вот по перрону к поезду тебе трудно будет идти. А вот если постараться, как ты могла бы идти?

Не знаю, каких ей стоило сил, но от комода к двери она пошла бодрым, быстрым, молодым шагом.

Артистка моя милая! Во мне все сжалось. Как же ей хочется отлучиться из дома!

— Мама, а если тебя закачает в поезде? Не дай Бог, в пути что-нибудь с тобой случится.

Она лишь рукой махнула:

— Ну и пусть. Я пожила. Только вот лечь я бы хотела в своей земле, здесь.

Господи! До чего же ей хотелось поехать! Больше жизни. Она и умереть согласна.

С этого дня она словно помолодела душой.

Вскоре я обратила внимание на то, что от газового баллона, стоявшего в сенях, исходит все время запах газа и настолько сильный, что даже при всегда распахнутой двери во двор, тем не менее в сенях застаивается острый запах газа.

Вызывали мастеров горгаза, сделали обследование — мыльная пена запузырилась: газ идет.

— Да, у вас утечка газа, — подтвердили специалисты и

сделали новую прокладку, которая помогла, но мало — газ шел. Папа Сережа сам сделал поаккуратнее прокладку — запах газа чувствовался уже мало.

— Да у нас все баллоны такие, в дом не заносите, отравитесь, — сказали мастера и ушли.

Зимой газовый баллон стоял не в сенях, а прямо в кухне.

— А баллон был все этот же? — поинтересовалась я.

— А то какой же? Этот, — сказал папа Сережа.

— А разве ты не чувствовал запах газа?

— Нет. Я от бензина еще с войны потерял обоняние.

Вот оно что. Мама Катя отравилась. Они впервые зимовали в кухне. И в горнице, как прежде, она не спала. И впервые в зиму внесли баллон. Папа Сережа жил, можно сказать, в гараже, а ночью спал повыше, на печке. Поэтому досталось сильнее маме Кате, тем более, не выходящей на воздух с прошлой осени.

Она отравилась. Бедная моя, благодаря сильному от природы организму она осталась жива, но была так слаба, что постоянно падала, и ходить могла, только держась за стенку и предметы. Решили никогда больше баллон в кухню не вносить.

Но радость так и не сходила с ее лица. Раз уж зимой не умерла от газа, а она почти умирала, то сейчас, особенно, когда мы рядом, она даже с нами пела. И неплохо.

— Как же я люблю свою горницу! — сказала она однажды, стоя на пороге и любуясь комнатой, в четыре окна которой лился солнечный свет.

На окнах тюлевые шторы, в горшочках цветы, комод покрыт вышитой гладью скатертью, под книгами на этажерке вышитые ришелье накрахмаленные салфетки, под телевизором бархатная скатерть, на полу палас, на столе букет живых цветов. Как же она в свои девяносто лет, едва держась за стеночку, поддерживала такую чистоту? Но очень страдала оттого, что в доме давно не было ремонта. Каждый день в это последнее наше лето мы с ней уходили в сад, садились на кровать и говорили обо всем на свете.

— Встану я, дочка, перед домом, любуюсь им и думаю: как же так? Все это будет вот так же, а меня не будет.

— Не думай об этом, мама.

— Да ведь это же закон природы.

И часто вспоминала она в последнее время горести и трудности военных лет, несправедливые обиды. Об этих своих годах она не раз писала в письмах, рассказывала, эти тексты находили под клеенкой, а позже в тетради с ее автобиографией.

Мы старались уводить ее от этих воспоминаний, мол, в основном жизнь прошла неплохо, с папой Сережей в основном ладили.

— Да и с ним всякое было. С трудом с помощью матери купили свой дом, а он вдруг решил уйти, чтоб сойтись с первой женой.

Потом все улеглось, но узнаю, что у него есть любовница из буфета. А он и отрицать не стал. Это, мол, оттого, что приезжает дочь с внуками, а ему внимания достается мало. Потом как-то поладили. А как потеряла я силу, стала зависимая от него, беспомощная, он перестал меня уважать, я плачу. Ведь не жадный, а хмурый, и люди не любят к нам приходить.

— Конечно, он меня по своему жалеет, иной раз сам плачет. И ни одной кровиночки рядом нет.

— Ну поедем, погости у нас. Совсем бы вас обоих взять: ведь ты уже ничего сама не можешь делать, за тобой уход нужен. Продлите свою жизнь.

Нет, совсем он не согласится ехать, а погостить напоследок жизни, ты знаешь, как бы я была рада. Это бы как подарок напоследок. Она помолчала и продолжила:

— Ты прости меня, Тома.

— За что?

— За то, что я замуж за него вышла. За то, что мало с тобой жила. Возможно, лучше бы у вас было жить, детей нянчить.

И она с улыбкой на лице все мечтала о своей последней прощальной гастроли.

А вечерами мы втроем играли в карты, в блюндыри. Мама Катя играла без очков да нас еще и обыгрывала. И всем было весело. Она чувствовала себя счастливой.

Часто ненадолго она ложилась отдохнуть.

Однажды я вошла в спальню и увидела, что мама Катя не спит, а молча плачет.

— Что с тобой, мама?

— Тома, я не поеду с вами, я не могу его обидеть, человек он хороший.

Я поняла, что у них был разговор. Папа Сережа снова был против ее поездки. А идти наперекор ей не позволяла совесть. И дни потянулись снова грустными.

— Тамара, вы положите меня в могилу с отцом и матерью. И ты обязательно приезжай меня хоронить.

— О чем ты говоришь? Ты дождешься нас снова.

— Не знаю. Но я и раньше говорила, чтоб положили меня с отцом и матерью.

— А папа Сережа? — спросила я.

— Не надо, — ответила она твердо. И, помолчав, добавила, что, возможно, он захочет жениться.

— В общем, выполните мою просьбу: хочу лежать между

отцом и матерью.

Ее душили слезы, но изменить она ничего не могла, хоть хотела всем сердцем напоследок пожить с теми, кто мил сердцу, кого очень любила. Папа Сережа продолжал упорно отказываться ехать, а она не могла его предать. И на короткий срок он тоже ее не отпускал, он боялся за ее жизнь.

— А ты поживи у нас еще с месяц, — посоветовал папа Сережа, — а Люда пусть уезжает на работу.

— Не надо. Мне жалко беспокоить Игоря, — сказала мама Катя, — а одна она не доедет.

И мы уезжали. Я села в «инвалидку», а мама Катя, до того несчастная, стояла рядом. Я два раза давала ей успокоительное, но ничего не помогало, она вся дрожала и казалось, что вот-вот упадет. Я посоветовала ей пойти на веранду, где теплее, и обещала помахать ей рукой, когда будем проезжать вдоль веранды. Она послушалась. Но папа Сережа свернул в Громов переулок, позвоночник не дал мне к ней развернуться, взглянуть в последний раз. Я стала терзаться, что она вдруг не поняла меня, обиделась, не дождавшись моего взмаха рукой. Я знала, что она заливается слезами.

И действительно, с ней сразу сделалось плохо. Когда вернулся папа Сережа, нога ее была полностью парализована. Она могла стоять лишь на второй ноге, обеими руками держась за мебель. Я чувствовала, что никогда никто меня в Турках не встретит с такой непередаваемой и неописуемой радостью, как умела мама Катя. Ее богатая чувствительная натура требовала иной судьбы, только до почти последнего своего смертного часа, она скрывала, что сердцу было одиноко. За месяц до смерти открылась только мне. Как актриса, соседям она показывала, что жизнью довольна, а сама страдала. Возможно, поэтому она писала необыкновенные письма, так непонятно звала всегда и жадно ждала.

А мы медленно все ехали и ехали к вокзалу.

— Это точно, мать эту зиму не переживет, — вздрогнула я вдруг от голоса папы Сережи.

Хотелось крикнуть во все горло: «Неужели тебе дом и железки дороже всего? У вас же обоих предел человеческого здоровья. Вместе нам будет легче».

В Самаре я не хотела портить настроения родным. Веселость была моей ширмой. Это как истерика.

— А Турки тебе пошли на пользу, — сказал Игорь, — ты порозовела.

Я горела, зная, как страдает и Люда. Много последних лет мы коллективно агитировали переехать в Орск хоть навсегда, хоть на

зиму. Как здоровела мама от одной только мысли поехать к нам!

Уже из Самары я написала в Турки письмо, потому что не могла иначе, так как душою я каждую минуту была с мамой, зная, как страдает и мечется ее чуткая душа в ожидании повторного заточения в четырех стенах, как ждет она мою весточку — ее радость.

Говорят, что беду предчувствуют, а мне никогда еще в жизни не было так плохо, даже при разводе, когда ломалась семья, было страшно. Но все оставались живы.

Глава 11. И беда пришла, да не одна

Мы возвратились в Орск. В субботу было тяжело как никогда. Зная, что в выходной день Игоря легче застать дома, позвонила в Самару. У меня появилось неодолимое желание поделиться с сыном, рассказать, что со мной творится неладное.

— Сынок, я измучилась, готова сорваться и мчаться в Турки.

Игорь, как мог, успокаивал. Сердце — вещун. Я клянусь, что именно в этот день, в тот самый момент, когда я только что не погибала сама от жалости к маме, там случилась беда, в результате которой умерла моя мама, с которой довелось мне хоть мало на свете пожить вместе, но так сильно ее любить.

Но мы пока о беде не знали, лишь сердце не находило покоя. А в среду позвонил папа Сережа и сообщил о несчастье: мама упала и сломала ногу в верхней части бедра. И это случилось именно в субботу, когда мое сердце разрывалось на куски, когда звонила Игорю.

Папа Сережа сказал, что мама до понедельника «скорой» была оставлена дома, а во вторник ей наложили гипс, начались пролежни. Но ухаживать некому, ее предлагают забрать домой. Он просил Люду срочно выехать, захватив клеенку, круг, пеленки.

Люда не ожидала застать маму Катю в таком состоянии: гипс был наложен от поясницы до пяток, вся спина в язвах, под ней куча мокрых халатов, одеяло, простыня, все мокрое. Вчера ее выписали из больницы и поздно вечером привезли домой.

Люда срочно начала приводить все в порядок, застилать сухим и чистым, смазывать пролежни, успокаивать. И мама уснула на целых четыре часа. Но животу мешал гипс, он упирался в тело, сдавливало сердце, и еще жаловалась она на сильную боль в ноге: перелом был на той ноге, где много лет не давала покоя от боли ни днем, ни ночью коленка.

Люда вихрем носилась по аптекам, врачам, медсестрам. Она столкнулась с поразительным равнодушием:

— Да она все равно умрет от сердца или от легких.

Величайшим усилием воли Люда добилась посещения больной всеми врачами: хирургом, терапевтом, невропатологом, добилась и назначения лечения. Она сама делала уколы обезболивающие, сердечные, полностью вылечила пролежни, массировала грудную клетку, а чтоб не было застоя в легких, просила маму Катю надувать воздушные шарики, отвлекала чтением ей книг.

Люда верила в выздоровление, мама Катя нет: ей становилось все хуже, она почти перестала есть.

Хирург вынул из-под гипса простыни, но они оставили в гипсе шипы, неровности, причиняющие острую боль. Срезали еще часть гипса, оставив на животе широкий пояс, за который ее приподнимать, меняя простыни.

Дважды приезжал Игорь, привозя лекарства и специальное питание. Меня по телефону держали постоянно в курсе событий.

Но вот мне приснился сон, будто у меня выпали два коренных зуба. Подержав окровавленные зубы в пальцах, я пытаюсь поставить их на место, но ничего не получилось. И следом новый сон: Люда в тур-ковской кухне моет пол. Сон нехороший, маму «вымывают». Договариваюсь с Карякиными о домоседстве и выезжаю в Турки, сердце больше не выдерживает. В Самару нам звонит Люда, чтобы мы ехали спешно: мама Катя очень плоха.

Папа Сережа, встретивший нас на вокзале, сказал, что ей сегодня будто бы полегче.

Однако, она уже не открывала больше свои красивые, почти до старости синие глаза. Сквозь щелочку левого глаза узнала нас, назвав мое имя тупо: не Тома, а Сима. Игоря назвала Рэмиром, словно выразив желание, чтобы со мной был муж Рэмир. Или Игорь похож на отца.

Продолжали делать уколы, пытались по чайной ложке давать жидкую пищу; все напрасно — жизнь уходила, и даже на миг не удавалось ни руками, ни дыханием согреть ее всегда холодные руки и ноги.

На шее еще билась в жилочке кровь, по-прежнему оставались пунцовыми губы, но она уже не произносила ни слова. Не отходя ни на шаг, я корила себя за то, что была послушной, не «дралась» в последние годы за нее с папой Сережей. А ведь она с рождения была непоседой, никогда не любила быть домоседкой, любила общество, людей, шум, веселье. Напоследок своей жизни она просила так немного: отпустить ее ненадолго в гости. Как птица просилась на волю. В молодости она тяжело болела малярией, навсегда была нарушена работа селезенки, в последние годы из-за приступов вызывали «скорую». Возможно, я ошибаюсь, но не повредили ли опухшую селезенку, поднимая маму на остром гипсовом поясе, когда меняли простыни?

Живот ее слева стал заметно увеличиваться, она умоляла снять гипс, пытаясь избавиться от него своими руками, царапая их о гипс до крови.

Наконец, из нее вышла густая, как печень, кровь. Живот опал.

Она лежала удивительно стройная и молодая: кипельно-белое лицо без морщин с румянцем на щеках и пунцовые губы.

Привели хирурга, и он полностью освободил ее от гипса. Но

она уже ничего не чувствовала.

— Нога срослась? — спросил Игорь.

— Нет, — ответил хирург.

Он не захотел ответить и на вопрос, отчего вышла из нее эта кровь. Не повредила ли она что-то в брюшной полости при падении?

Наутро сделали сердечный укол, как советовала с вечера медсестра. Но жилочка вдруг на шее замерла, лицо стало бледнеть, а губы синеть. Помочь мы уже ничем не могли.

22 октября 1995 года нашей мамы Кати не стало. Именно этого года она боялась. Многие члены нашей семьи умирали в разном возрасте, но на цифре «9».

Лида — в 19 лет.

Маруся — в 29 лет.

Старенький папа — в 69 лет.

Сережа — в 79 лет.

Дядя Коля — в 79 лет.

Мама Катя — в 89 лет.

Я кричала и захлебывалась слезами, я не хотела, чтобы тело мамы обмывали, это может быть, еще не смерть, и она придет в себя от сердечного приступа. Но пошел четвертый день, а в себя она не приходила. Совсем недавно она сердцем прощалась со своей горницей:

— Как люблю я свою горницу! — звучал ее голос.

Что бы мы делали без Игоря? Люда, папа Сережа и я были как парализованные. Люда дважды теряла сознание. По силе возможности Игорю в похоронах помогали приехавшие из Саратова Слава и Сер-жик, племянники мамы Кати. Приехала Валя. До поминок «девять дней» Игорь был с нами, а Валя, Слава и Сержик после похорон уехали. Было еще далеко до поминок «сорок дней». Я ходила как обезумевшая, со стеклянными глазами. Папа Сережа все беспокоился, чтобы я не простыла, все предлагал вместо тапочек мамины обрезки от валенок. То вдруг в комоде находил рукавички мамы Кати и совал мне. И все сердился, что в память о маме я раздаю много ее вещей соседям:

— Себе побереги, это и тебе пригодится.

Как-то я вышла на улицу за ворота. Папа Сережа, рубивший дрова во дворе, вышел следом:

— Да ведь продует тебя.

Он ввел меня, словно слепую, во двор.

— Вот тут в затишье и стой, в огороде тоже не ветрено. Однажды папа Сережа заметил Люде:

— Мать-то совсем плоха и ест мало.

— Ничего, все наладится, — ответила Люда.

Как-то само собой у нас распределились обязанности: утром папа Сережа разжигал плиту и варил какую-нибудь кашу, как при маме Кате. Люда варила обед. Я мыла посуду, а папа Сережа вскоре после обеда затапливал голландку, потом ложился отдохнуть, а вечером мы пили чай.

Как-то за завтраком я вдруг обратила внимание на то, что у папы Сережи стали бледными недавно еще розовые щеки. Заметно поседели волосы.

— Люда, папу Сережу надо увозить в Орск, — сказала я дочери.

— Конечно, и я так думаю.

Как все сделать практически? Если нам с Людой уехать к Новому году, а он тут среди своих знакомых поищет домоседа?

Он словно слышал наш разговор. А может быть, и слышал:

— Как вы уедете, эх я и орать буду.

— Мы не уезжаем, папа Сережа, — сказала Люда.

Я по-прежнему жалела маму, но жалела и его. Он много сделал нам хорошего, и о том, что нам не следует расставаться, было ясно.

В мыслях мы все трое уже в Орске, планирую, в какой кастрюле нам удобнее варить кашу, которой он приучил нас завтракать каждый день. Была довольна, что мы сохранили вторую Людину кровать, все берегли на случай, если сагитируем их обоих переехать в Орск.

А пока продолжали жить в Турках, не зная, как нам всем подняться и как быть с домом.

Однажды он пришел домой как будто бы под хмельком и сказал, что провел телефон, чтоб вызывать «скорую», когда потребуется.

Как-то за обедом он сказал нам о том, что после выходных собирается сходить к терапевту за бесплатным рецептом на нитроглицерин. Я удивилась: Игорь привез ему этого лекарства половину целлофанового мешочка.

— Ну и что же? А это дадут еще бесплатно.

Было воскресенье. Мы пообедали, Люда ушла к Алке. Я, вымыв посуду, прилегла на мамину кровать, а папа Сережа сидел у топившейся голландки, подкладывая чурочки.

— Папа Сережа, а как звали твою маму?

— Ее звали Надеждой Ивановной. В семье было трое детей. Жили бедно. Корова, правда, была. А лошадь мы отдали под расписку в Красную Армию в гражданскую войну. Однажды отец получил письмо о том, что из табуна в Балашове он может взять свою лошадь. На чем за ней поедешь? Да и на какие средства? Отец пошел в Балашов пешком, нашел и табун, но в табуне нашей

лошади не оказалось. Ходил и второй раз, да без толку. Бедствовали, конечно. Потом организовали колхоз, тоже было не сладко, но уже полегче.

— Отец был талантливым механиком, его ценили, около него и я многому научился, уже помогал в колхозе. Работала и мать, когда могла отойти от младшего ребенка. Но пришла беда: на ремонте веялки отцу оторвало руку. До Турков далеко, жара, пыль. Не сразу до больницы добрались. Только, видно, поздно: началась гангрена, и отец умер.

С горя ли, с чего ли другого, но у матери начался рак желудка. Похоронили и ее.

Я младшим братьям остался за мать и за отца. Из колхоза меня перевели в совхоз ближе к машинам, в которых я уже хорошо разбирался. А вскоре назначили заведующим гаражом. Зарплату положили хорошую, купил костюм, велосипед, ручные часы. А потом и женился.

Отслужил армию. До демобилизации оставались последние месяцы, но началась война с немцами, домой я так и не попал. Ну, а остальное ты и сама знаешь.

Вечером за ужином Люда спросила:

— Папа Сережа, ты идешь завтра к врачу?

Он не ответил. Мне понравилось, что он отмолчался. Я не хотела, чтобы он шел: завтра понедельник, а я не люблю понедельников. Намекнуть о понедельнике не осмелилась, он убежденный атеист, не верит в суеверия. Сказать, что в понедельник будет слишком большой наплыв больных из деревень, тоже нельзя, это уже было и он говорил:

— Я участник войны, прохожу без очереди.

Лучше смолчать в надежде на то, что он и сам передумает. Что-то внутри меня не хотело, чтобы он шел в больницу, тревожило.

Утром и вправду он не торопился. Истопил не спеша плиту, сварил кашу, поели. Вот уже одиннадцатый час, Люда ушла за хлебом. Я успокоилась. Однако, он засобирался:

— Я, пожалуй, кожаный пиджак не надену, утащат еще, пока в кабинет войду.

— А гардероба нет? — спросила я. Он усмехнулся и махнул рукой:

— Какой там гардероб? Пойду в телогрейке бабкиной. Я только к терапевту, а к глазному не пойду. Отрежь мне вот только хлястик у телогрейки.

— А шарф?

— Да на мне гимнастерка с плотным воротничком. И сумку не возьму, карточку заверну в газету да в карман положу.

С возвратившейся Людой мы долго ждали его к обеду, но так и пообедали одни, и Люда куда-то ушла.

Вдруг к нам в дом вошла знакомая женщина и сказала, что папа Сережа упал недалеко от районо, а подняться не может.

Наскоро одевшись, я поспешила к указанному месту, но отойдя всего несколько шагов от дома, встретилась с Людой и Букетом.

— Я проходила мимо, случайно увидела Букета, а папы Сережи почему-то нет, Букета я забрала с собой, — сказала Люда.

— Дочка, бегите бегом, поспрашивайте людей. Где же он? Зайдите в редакцию, может, в окно кто видел и что-то знает.

— Я сначала тапочки захвачу. Вдруг он в больнице, я останусь там на ночь.

И они ушли. Но в редакцию умный пес Люду старался не пускать. Стоит ей сделать в сторону редакции несколько шагов, он начинает негромко лаять и сам за ней не идет. Напротив, бежит к зданию районо, оглядывается на Люду, как бы зовя за собой. Там, в районо, Люда узнала, что деду вынесли стул, а тем временем вызвали «скорую». В больнице после рентгена хирург подтвердил:

— Да, дед, у тебя то же самое, что и у твоей бабки: перелом верхней части бедра.

Люде указали палату. Папа Сережа лежал один, укрытый двумя одеялами. Ногу положили на вытяжку. Лицо его было мертвенно-бледным. Один глаз закрыт, у второго узкая щелка.

— Папа Сережа, не умирай, мы тебя спасем! — закричала Люда. Она собрала медсестер и врачей.

— Это стресс, — сказал хирург.

Да, он видел мучения мамы, и сердце не выдержало, когда подтвердили перелом бедра.

Умер он 13 ноября 1995 года в понедельник, через три недели после смерти мамы.

В течение двадцати дней у нас два гроба. Снова приехал Игорь. Валя на этот раз не приезжала, она была на первых похоронах. Приехал Вова Куделькин, третий племянник мамы. Известили Виктора, сына папы Сережи. Ответил, что на похороны приехать не сможет.

Папа Сережа долгие годы был недоволен Виктором за то, что тот был страстным любителем зеленого змия.

И снова вся тяжесть организации похорон легла в основном на плечи Игоря. Слава и Сержик на этот раз не приезжали.

Положили папу Сережу в ту же могилу, где и мама. Возможно, раньше она просила положить ее с родителями и потому, что считала, будто папа Сережа может после ее смерти

жениться, мол, он моложе ее, и его положат потом вместе с новой женой, а совсем одинокой в могиле оставаться не желала, просясь в могилу к родителям.

Но народ и даже хирурги поговаривали о том, что это она позвала его за собой.

Помянули папу Сережу, как и маму, тоже в кафе. Помянули еще и на девять дней. Родные разъехались по своим городам.

Дом опустел. На дворе в этом году была лютая зима.

Глава 12. Остались одни

Нам с Людой предстояло выполнить все обряды, а после Нового года мы решили уехать в Орск. Сделали, как и маме, предание папы Сережи земле, затем каждого из них помянули на сороковой день.

Однако, уехать не пришлось. После всего пережитого я сильно заболела. Давно не помнила такого тяжелого обострения поясничного остеохондроза: ни сидеть, ни лежать, ни спать, ни есть. Дни переходили в недели, недели в месяцы, мне не помогали ни таблетки, ни уколы.

Зима выдалась на редкость морозная. Не всегда удавалось Люде договориться насчет рубки дров. Случалось, брала топор сама, у нее не хватало сил, пробовала рубить и колуном — бревна были тяжелые, а Люда после пережитого была обессилена. Уголь лежал пудовыми глыбами, мелкого не было. На рубку угля времени уходило много. Колола она его сразу после обеда и до вечера, так как дело это еле продвигалось, глыбы не поддавались. И это только на одну порцию, на один день. А завтра — все сначала. Но дело было не только во времени, работать колуном было тяжело физически, и вскоре Люда стала жаловаться на боли в животе. Обиднее всего было то, что уголь ко всему никак не хотел гореть. К кому мы только ни обращались за советом? Все делали так, как учили. Но сколько угля засыпали, столько же и выбрасывали несгоревшего. И никто не догадался подсказать, что требовалось открывать поддувало. Лишь только к весне догадались открыть сами, уголь гореть стал, но вяло. Дело было в том, что у наших стариков осталась не почищена труба: один год это сделать папе Сереже что-то помешало, а уж этой осенью на чистку трубы были отданы Елисееву и деньги, но старики умерли раньше, чем Елисеев выполнил работу.

Только весной Люде удалось притащить этого трубочиста, и выгребли небывалую массу сажи — семь ведер. Это чудо, что через узкую щель трубы, забитой сажей, дым как-то проходил. И сильно подвели дрова. Местные жители все готовят с осени, дрова рубят. У нас же лежали свежие бревна в сугробах снега. И мы замерзали. Помощи и за деньги, и за бутылки добиться было не просто: не идут. Мы ходили в доме в телогрейках, длинных шерстяных трико, шерстяных носках, обрезках от валенок. Спали в шерстяных кофтах и пуховых платках. О том, чтоб искупаться или помыть голову, не могло быть и речи. Температура на градуснике в доме держалась плюс пять, плюс восемь градусов. Мы выглядели как Золушки и практически не согревались.

Возможно, еще и поэтому выздоровление ко мне не приходило. Однажды несколько уголечков в голландке никак не хотели гаснуть. Боясь угара, мы долго не закрывали трубу, да так и уснули, к сожалению. К утру с открытой всю ночь трубой выдуло так, что и под одеялами лежать было невыносимо холодно. А что же теперь на кухне, которую топили еще вчера утром? Чтоб лучше разжечь дрова, Люда смочила тряпочку керосином, подожгла и попросила меня полить ей из кружки на намыленные руки. Приняв у нее мыльницу, я хотела положить ее на газовую плиту. Рука нечаянно коснулась конфорки, и я мигом отдернула ее: конфорка была горячая. Люда не поверила, но убедилась сама. Мы смотрели друг на друга остолбеневшими глазами. Люда никогда не была суеверной. Но на этот раз произнесла:

— Неужели это нас, ворон, папа Сережа пытался согреть хоть каким-либо способом?

Я тоже не знала причины. Но газовой плиты мы не зажигали.

Не в обиду маме Кате скажу: мы горевали по ним обоим одинаково.

Когда много лет тому назад в Волгограде умер мой родной отец П.Ф. Трофимов, я горевала недолго, а вскоре об этом стала почти забывать.

Но вот идут годы, как не стало мамы Кати и папы Сережи, но сердцу невыносимо, и я порою плачу, казалось бы, при небольшом воспоминании о простом пустяке. Я прошу у них прошения за причиненные огорчения. И если есть загробная жизнь, они должны услышать меня и простить.

Мне часто не дает покоя один вопрос. Когда папа Сережа провел телефон, то спросил:

— А Игорь не поругает?

Что он тогда имел в виду, за что поругает, я не спросила, только сказала:

— Ну что ты? Нет, конечно.

Вскоре нас с Людой подкараулила новая неприятность: обледенел наш колодец, сделанный из узкой трубы, а водопроводные колонки улицы из-за сильных морозов перемерзли и вышли из строя. Мороз почти всю зиму стоял вокруг двадцати шести градусов. Как добыть воды? Требовалось нагреть не менее трех ведер воды из оттаявшего снега (в наших условиях нагреть не просто: газ в баллоне закончился, огонь в плите чахлый) и горячей водой оттаивать наледь на трубе колодца сада. И так ежедневно. Как же мучительно жили наши старики! Мама писала, что колодец они постоянно оттаивали. И тоже зябли. Писала мама и о том, что часто спали в валенках, не согревались их старые кости.

Итак — газа нет, купить негде. Теперь вся надежда на дрова, чтоб поддерживать теплую воду на плите. Однако топливо экономили. В надежде скоро уехать мы еще в начале зимы много дров продали. Теперь сожалели об этом, топливо для нас дороже золота: мы же погибнем. Но самое трудное ожидало Люду впереди. Тяжелее дров, угля, печек и воды был снег. От его тяжести Люда окончательно надорвалась, мучилась от боли в животе, а снег продолжал нас засыпать. Уже некуда стало его отбрасывать, прочищая дорожки. Сугробы выше головы. Сыпать некуда, и с каждой лопатой снега нужно теперь идти только в огород: раз, два, десять, сто и более раз. Она надорвала живот и простыла. Открылось кровотечение, кровоточили и потрескавшиеся неотмывающиеся от угля заскорузлые пальцы рук. На ночь она бинтовала их, смазывая подсолнечным маслом.

И тогда она сдалась, согласилась принять помощь Юрки, который, оказывается, не раз подходил к калитке дома, искренне пытаясь предложить помощь. Люда отказывалась и крепилась, сколько могла, пока не упала. И страдала и из-за моей болезни.

Теперь и она лежала такая маленькая, как комарик. И как умещалось в этом тельце столько воли, энергии, сил в борьбе с бедой, а потом с невзгодами, с физической мужской работой? Недаром когда-то Игорь сказал: «Она совершила подвиг». Это было после похорон. А сколько ей досталось после!

И все-таки позже в Орске она призналась, что все эти тяжести для нее легче были по сравнению с моральным состоянием — со страданием из-за моей болезни. А я страдала за нее, видя мучения, все время лежала, пытаясь встать лишь для того, чтоб что-то немного съесть, но все равно не ела, не могла, и ложилась снова.

Физически же с помощью Юрки Люде стало легче. Он пилил и колол дрова, таскал их в сени, чтоб у нас не разворовали, а главное — расчистка снега стала полностью его заботой. Оказывается, Люда гробилась, пользуясь не той лопатой: железной, а не деревянной. И мы сожалели, что согласились принять помощь слишком поздно. Приближалась весна.

Я радовалась за Люду и не заметила, как постепенно стала слабеть хондрозная боль, она уже не стала такой жгучей. Но хуже стали ходить ноги.

А весна вступала рано в свои права. Восьмого марта в женский праздник наступил в болезни большой перелом. Я еще не вставала с постели, но принесли поздравительную телеграмму из Самары. Трудно вспомнить, чему я так была рада: телеграмме или облегчению болей в пояснице. Мы шли завтракать, и вошел Юрка с двумя плитками шоколада и открыткой. Мы все пили чай,

в окно светило яркое весеннее солнце, и на душе становилось теплее. Я сидела у самого телефона. Он зазвенел: нас поздравлял Игорь. И весь день было какое-то приподнятое настроение. Главное, мне полегчало. Если не шевелиться, то стало можно лежать в постели, не ощущая боли. Но вывозить меня в таком состоянии было нельзя, я принимала таблетки и пила мумие, стала выходить минут на десять-пятнадцать на улицу. Март поднимал меня на ноги.

В мае предстояло переоформление дома с мамы Кати на меня. Ехать сюда вторично в мае не было смысла. И пока мы здесь, Люда занялась вопросом по оформлению в апреле. Конечно, и зимой ей из-за разных справок приходилось десятки раз бывать у нотариуса, женщины вздорной и тяжелой, вредной. Вот и опять у нее застопорилось все дело: то требовались справки из Бюро технической инвентаризации, то из земельного комитета, то необходимые документы о том, что дом действительно маме дарила ее мать — мама Наташа, то подлинник дарения, который ни в каких архивах найти не могли, а наша копия, хоть и заверенная, ей была не нужна. Нервы Люды были доведены до предела, все упиралось в глухую стену. Но кто-то подсказал, что Турки прежде объединялись с Аркадаком. Игорю пришлось созваниваться, а потом ехать туда лично. Но нам дорог был этот дом, с которым было связано столько воспоминаний.

— Если на какую-то долю будет претендовать Виктор, сын папы Сережи, мы выплатим ему эту долю, — сказал Игорь.

Мы решили закончить оформление дома и сохранить его под дачу. На зиму хорошо бы кого-нибудь пускать в дом, а летом приезжать в наш курортный край.

— Неплохо бы найти человека, как сторожа, платить ему немного, купить топлива, — посоветовал Игорь.

Этот вариант нам понравился, дали объявление в газету о том, что сдается дом под квартиру.

Подходил май, а дело с переоформлением дома заходило в тупик: то нотариус на больничном, то уехала на курсы, то потребовала доказать, что дом в прошлом действительно принадлежал моей бабушке.

Люда измучилась.

Подходило лето. Буйно цвели сады. Мы в доме нашли аккуратненькие пакетики с семенами овощей, собранными в последний раз заботливой рукой мамы Кати. Тут были семена моркови, свеклы, тыквы, огурцов. Решили не дать им погибнуть. Кто бы в доме ни проживал, овощи пригодятся. И Люда устроила небольшие грядочки. Рядом с ней в саду всегда была и я. Кажется, сколько ни дыши, все равно не надышишься душистым воздухом

весеннего сада.

Все соседи засевали свои огороды. И лишь делянка под картошку, вспаханная папой Сережей под осень, оставалась черной. Скоро у всех зацветет картошка, а у нас — лебеда.

И Юрка с Людой в два утра по холодку засадили часть огорода картошкой, которой в погребе было немало. Пусть и наш огород цветет. Пятого мая к нам на своей машине приехал Игорь и привез ящики с олифой, растворителем, разными красками для наружного ремонта дома.

Документы по оформлению были все, наконец, собраны. Но официальное переоформление должны были сделать согласно закона после двадцатого мая. Решили заняться ремонтом.

В двух местах дома немного протекала крыша; железо стен, которым он был обит, тоже где-то проржавело и требовало покраски. И Люда развернула строительные работы. До малярных требовались многие столярные работы: ремонт карниза, замена досок, а их надо доставать, ремонтировать пилоны. Жизнь в Турках была не лучше городской — народ, отчаявшись, запил, и найти трезвого плотника стало проблемой. Бедняжке-Люде иногда и удавалось договориться с трезвым, но на второй или третий день он уже был пьяный. Пили поголовно все. С превеликим трудом многое все же удалось сделать, отремонтировать: карниз, пилоны, забор, ставни, ворота, заменить доску прогнившего пола в сенях.

Но были и радостные мгновения. Я с самого раннего детства не бывала здесь весной, не видела подснежников и ландышей. А они, оказывается, скрыли всю землю под вишней. И мы, жители пыльного Орска, наблюдали, чуть не затаив дыхание, как поднимался на грядках каждый росточек.

Начала спеть малина, появилась и первая смородина. Всего, конечно, не так много, но поесть хватало, и постоянно тянуло в сад. Поистине Турки — райское курортное местечко. Начала спеть вишня, а вскоре черешник и слива. А яблок — море. Они усыпали землю сплошным ковром, и нужно было выискивать на земле место, где можно было бы ступить ногой.

Было в саду все. Не было лишь моей мамы, которая так любила свой сад и каждый стебелек в отдельности. Не было на привычном месте у колодца и папы Сережи. Как же мне их не хватало, и сердце тосковало, казалось, все сильнее и сильнее. Все было как при них, но только не было их самих. Ум понимал, а сердце не мирилось и ныло непрестанно.

Вот здесь я садилась на кровать под яблоней, где мы так еще совсем недавно каждый день сидели с мамой, и она изливала мне душу.

Люди бывают разные. Есть человек-домосед. А есть человек-песня, человек-птица, ее не радует золотая клетка. Такой была моя мама Катя. Когда, жалея ее, папа Сережа предложил отдохнуть от работы, рассчитаться, домохозяйкой она не чувствовала себя счастливее, чем даже в те времена, когда задыхалась от работы. Она любила движение, многолюдие, вольный ветер.

Имея еще силу, она вырывалась из своей «золотой клетки» на свободу, каждую зиму ехала хоть ненадолго в Орск, а в Турках шла к людям: хоть на лавочку, хоть играть в карты или просто к соседям узнать новости, пошутить, услышать и запомнить новую песню. На каникулы ли или позже в отпуск я всегда привозила какую-нибудь песню. Она мгновенно подхватывала ее даже вторым голосом, хотя слышала впервые. Пожалуй, не было в стране такой песни, которую бы она не знала, потому что сама была не только человек-труд, но и человек-песня, человек-праздник. Никто из нас, к сожалению, не обладает таким музыкальным слухом, чтоб вторить сразу впервые услышанную песню, никто не обладает таким чистым голосом.

Когда пошатнулось здоровье, особенно после того, как она отравилась газом, почти отказали ноги, «золотая клетка» захлопнулась, десятки писем рассказывают о тоске ее вольной души. Она чувствовала себя беспомощной, потому что от всех нас зависимой, никого из нас не хотела огорчать и беспокоить, настаивать на поездке в Орск. Она потеряла силу, а вместе с ней и волю. Мне кажется, если бы у нее не случился перелом бедра, она все равно бы умерла вскоре от тоски. Жить так, как она жила последнее время, она бы не смогла.

Но сложись смолоду ее жизнь счастливо, она прожила бы более ста лет, так как природа наградила ее крепким здоровьем, ни в молодости, ни до последнего своего дыхания она ни разу ничем не болела {кроме малярии в Махачкале).

Нам постепенно нужно было бы жить всем вместе, шутить, петь. На людях ее вечно молодая душа продолжала бы еще долго жить, умея всему радоваться. Своей душой и лицом мама так и не стала старухой, так и осталась в моей памяти задорной выдумщицей и молодой.

Любя маму Катю и в память о них обоих, нам с Людой хотелось все подремонтировать, сохранить этот бесценный дом как драгоценный памятник.

Сделав плотницкие работы, Люда с головой ушла в малярку. Это оказалось еще сложнее. Случалось, что до четырех раз при упорных поисках удавалось договориться и даже начать покраску, но каждый раз срывалась работа по той же причине — пьянка. Мы

не стояли в цене, сколько запрашивали, столько и платили, но дело было в другом — народ спивался.

И все-таки задуманное сделали, материально в ремонте помог Игорь, а привезенные им краски оказались великолепными.

Дом стал самым красивым во всей улице. С дворовой стороны сделали цементную отмостку, а к крыльцу — новые дубовые ступени.

Мы очень гордились своим домом.

Нашли и домоседку — старушку, которая не требовала с нас платы, как сторожу. Отказалась и от дров: ей обещала отдать дрова внучка, которая провела себе газовое отопление.

А мы планировали будущим летом вновь приехать в наши родные Турки, где за закрытыми ставнями даже в самые невыносимые знойные дни было прохладно, и мне дышалось хорошо. Это было спасение от Орска, пыльного и знойного, когда в кирпичном доме, раскаленном на солнце, как печка, да еще с огромными окнами, бывает некуда деваться.

Мы собрали с огорода овощи, продать не сумели, спустили в погреб, предложив домоседке ими пользоваться. Их останется и нам, если приедем летом: урожай хороший.

Запланировали на будущее выправить одну стену дома со стороны двора {если это потребуется после тщательного обследования). Приблизительно по этому вопросу договорились с одним из самых опытных плотников.

А пока собирались домой.

Естественно, от ремонтных забот мы устали, но было чувство удовлетворения, что мы поддерживаем родное гнездо, где жили родители, где каждое лето проводили мои дети, а так же все семьдесят лет бывала и я.

Кроме всего прочего, ремонтные дела отвлекали от горьких воспоминаний.

Приехал Игорь, чтобы помочь нам выехать, наконец, из Турков. Я заметила в нем какую-то перемену: от глаз матери не спрячешься. Но зная его характер, расспрашивать не стала: если захочет, скажет сам.

Итак, мы временно покидали свое поместье, которое передавалось от предков к потомкам, с ним связано слишком много воспоминаний у всех поколений, даже у младшего. Этот дом помнит много горестей и много радостей.

В турковской земле лежат родители, и кроме нас никто не навестит их могилы.

Не знаю, как все сложится дальше, но продавать дом я не хотела бы, да наш старенький дом и не имеет материальной ценности.

— По-моему, мама, — сказала Люда, — я люблю этот дом даже больше, чем ты и не вынесла бы, если бы мы его продали.

Глава 13. В Орске

Год назад, только что закончив ремонт, мы оставили дома Карякиных. Но квартиру стало не узнать: стены требовали побелки, полы покраски, полностью вышла из строя сантехника, выломаны ручки и замки во входных дверях.

И снова пчелка-Люда засучила рукава. Из-за того, что Люда долго отсутствовала на работе, и чтоб теперь дать ей заработать, отправили в отпуск без содержания всю группу. С Людой работает лишь начальница и то для того, чтоб в штампе чертежа стояла еще одна подпись, подпись проверяющего.

Заказов на проекты почти нет. Что будет с институтом дальше? Что будет с городом?

Закрываются крупные и мелкие организации и предприятия, бездействуют строительные тресты, почти полностью закрываются цеха крупнейших заводов и ранее мощных комбинатов; четвертый месяц не платят пенсии пенсионерам, по шесть-восемь месяцев не получают зарплату врачи и учителя. Растет преступность. Растет смертность. Уже не встретишь на улице улыбающегося прохожего, не слышится из окон музыка или пение. Чаще и чаще устраиваются митинги протеста, идут забастовки.

Близится весна 1997 года.

Как же сложились судьбы всех остальных братьев и сестер мамы Наташи? Они рано остались сиротами.

Старший брат Никифор погиб в первую мировую войну совсем молодым.

Смешливая и беззаботная Санятка вышла замуж за умного и трезвого парня Ивана Бадеева. У них было шестеро детей. Самое интересное то, что среди дочерей были две Марии, так окрестили. Спокойная Санятка только рукой махнула: «Пусть будет одна Манька большая, а вторая маленькая».

Всех младших братьев мама Наташа устроила в «Прогресс» в колбасную мастерскую.

Иван с гражданской войны привез жену-латышку. Умер молодым: купил для колбасной по заданию артели корову, которая оказалась краденой. Его посадили заодно с вором. Родные ждали, что его отпустят, но он вскоре в тюрьме заболел воспалением легких и умер. Брат Степан также умер не старым. После варки колбасы заказчики поставили колбасникам магарыч. В нетрезвом состоянии возвращался Степан домой, упал в сугроб, проспал несколько часов, сильно простыл и умер. Его двое детей Виктор Иванов и Нина Варламова живы, проживают в Турках

также на Крымской горе.

Глава 14. Разные судьбы

Младшей сестрой мамы Наташи была Лиза. С детских лет ходила по нянькам, служила и горничной до советской власти, потом вышла замуж за Аркадия Соколова. По тому времени Аркадий был довольно образованным и работал в райторготделе. Несмотря на то, что семья была дружной и на работе также все было в порядке, Аркадий повесился, через несколько лет умерла и его жена, а позже и оба их сына. Младший закончил высшее военное училище, а старший — юридический институт. Первый умер от сердечного приступа, второй замерз.

И самым младшим братом мамы Наташи, который остался без матери грудным ребенком, был Павел. Но вырос и Павел, обзавелся семьей. Его жена, Фрося, была энергичная, деловая женщина, хорошая хозяйка. С ним в колбасной тоже произошел случай. Выпивая очередной магарыч, колбасники увидели, как к ним идет директор. Все, кроме Павла, растерялись, а он спокойно лег в мясное корыто и накрылся доской. Вскоре уснул. Каков же был его испуг, когда проснулся: он решил, что его похоронили. И Павел, и Фрося уже умерли. Старшая их дочь Кира живет в Томске, сын Володя в Саратове, а младшая дочь Нина Аблистимова живет в Турках на Комсомольской улице.

Глава 15. Да, пусть живут турки

Наступил 2003 год. Что же изменилось в стране за последние семь лет, с тех пор, когда мы покидали Турки после похорон наших родных?

Жизнь изменилась настолько, что уже забывается о том шоке, который претерпевал народ, когда люди не получали зарплату по полтора и более года, а пенсионеры — свою пенсию по четыре месяца. Конечно, многие заводы и сейчас становятся банкротами. Но им на смену открываются новые предприятия, фирмы, люди находят новые рабочие места, им в срок выплачивается их заработная плата, вовремя получают свою пенсию и пенсионеры. В магазинах можно купить любой товар и не только импортный: в продаже обувь из натуральной кожи отечественного производства, можно купить приличную модную одежду московских фабрик. И отечественная мебель совсем не уступает импортной по своему качеству и красоте.

И совершенно справедливо подчеркивает в своих выступлениях Михаил Задорнов о том, что «русский народ найдет всегда выход из любого положения, на то мы и русские».

Каждое лето мы приезжаем в свои родные Турки. Уже от вокзала видны крыши домов, утопающих в фруктовых садах. А, спустившись с горы, видим как на ладони здание райисполкома, построенное в тридцатые годы. Строилось оно быстро, но неугомонным сатирикам не терпелось написать сатирические куплеты, а самодеятельные артисты распевали их со сцены:

Дом советов в Турках строят, Двухэтажный гордый вид. А когда его отстроят, РИКупорно так молчит.

В конце новой пятилетки Окна вставят, уж без слов. С бородою будут детки, Когда будет дом готов.

Машина поднимает нас на другую гору, на Лачиновку. И вот он, Дом культуры. Не ошибусь, если скажу, что после родительского дома и школы Дом культуры — мой третий родной дом. Еще ученицей четвертого класса взрослые привели меня на его сцену сыграть вместе с ними роль пионерки Майи Берест в пьесе Корнейчука «Платон Кречет». В этом же году вместе с подругой Ларисой так же, вместе со взрослыми, мы участвовали в спектакле «Слава» драматурга Гусева. Потом на сцену выходила уже каждый год, принимая участие в популярных в те годы смотрах художественной самодеятельности.

И глядя на это здание, ярче всего вспоминаются концерты и репетиции в годы войны с фашизмом. Мы ставили спектакли о героических подвигах советских воинов в борьбе с немецкими

захватчиками, пели в хоре патриотические песни. Все это воодушевляло нас, вселяло еще большую уверенность в то, что победа в гитлеровской войне будет за нами.

Но никак нельзя вспомнить без улыбки о случае со спектаклем «Глубокая вспашка». Шел первый послевоенный год, оба турковских колхоза успешно закончили посевные работы, и к празднованию Первого мая драматический коллектив решил поставить спектакль о трудовых подвигах колхозников. Руководил подготовкой режиссер Пор-фирий Алексеевич Попов, он же руководитель художественной самодеятельности Дома культуры. Он был хорошим музыкантом и человеком добрейшей души. Но был у него и недостаток: любил спиртное.

Наступил первомайский вечер. Закончился доклад секретаря партии, зрителям предстоящего спектакля объявили перерыв. А на сцене закипела работа, устанавливали срочно декорацию. Но вот все готово, нет только Попова с пьесой, а играть предстояло с помощью суфлера, так как не все «артисты» знали свои роли наизусть. Мама, она была в ту пору директором, мечется по сцене, заглядывает за кулисы, в зрительный зал. Нет Попова. В зал уже входят зрители, раздается хлопанье в ладоши нетерпеливой публики. И, наконец, появляется Попов. Он пьян, еле стоит на ногах.

— Ты зачем напился?! — закричала мама.

— Так ведь праздник же. Первое мая!

— А где пьеса?

— Не помню, хоть убей.

Теперь уже нетерпеливо хлопает в ладоши весь зал, требуя начала спектакля. А Попов все стоит и твердит свое «хоть убей».

— Так что же мне-то делать? — спросила мама. — Выходить объявлять людям, что спектакль отменяется?

— Да ты лучше убей меня.

— И убью, — закричала мама, схватила от кулис какую-то рейку и стала ею хлестать виновато смотревшего на нее режиссера. А он и не защищался, все твердил и твердил «хоть убей». Вдруг глаза его прояснились:

— Петровна, вот давно бы так.

И он полез в суфлерскую будку со словами «вспомнил». А оттуда закричал:

— За кулисами пьеса. На крышке рояля лежит под моей фуражкой.

Всем весело. Мы хохочем. Спектакль прошел успешно.

Проезжаем мимо братского кладбища, отсюда почти и начинаются дома близких мне соседей. Вот дом Зинаиды Королевой. С ее братьями я училась в одной школе. Последние

годы очень сдружились и с Зиной. С большой нежностью она относится к моей дочери, они переписываются. На имя Люды приходят от Зины письма порою на восьми или на десяти страницах. Она рассказывает в них и о себе, и о жизни знакомых нам людей.

В доме уважаемых всеми Воробьевых живут теперь новые жильцы, а напротив старинный кирпичный дом Асановых, добрейших людей. Кто бы к ним ни пришел, они открывают навстречу свои добрые сердца, помогают нуждающимся чем могут. Поломался у нас электрообогреватель, идем к Асановым, там помогут починить. Появилась нужда в работе плотника, там подскажут, к кому обратиться.

А вон он и наш родной голубенький домик, окруженный высокими деревьями и сиренью. Наша дача. И живет в нем все эти годы все та же домоседка, которую зовут как и мою маму Екатериной Петровной. Все в доме по-старому, все на своих местах, все до боли знакомо.

Не терпится встретиться с самыми близкими нашими соседями. Вот мы у Шуры Оберемок (по-уличному Громовой). Ей скоро восемьдесят. Живет Шура одна. И намолчавшись, она часами рассказывает о жизни односельчан, или мы вспоминаем далекое прошлое.

А сколько радости от встречи в глазах тети Лизы Панкратовой! Не может она отпустить нас без застолья, с собой тоже приготовит гостинец: молодых огурчиков со своего огорода или свежих яичек. Она рассказывает о том, как еще девочкой любовалась красивой парой — моею матерью и отцом.

Моя же дочь в Турках старается проводить каждый свой летний отпуск. Ей доставляет удовольствие ухорашивать все внутри дома. Вот она покрыла эмалью оконные рамы, договорилась со штукатурами и малярами отремонтировать стены.

Почти так же часто, как и Люда, бывает в Турках и Игорь. А однажды самарцы приехали втроем: Игорь, Валентина и их старший сын Саша. Они привезли на могилу нашим старикам мраморный памятник и все необходимые материалы и инструменты для его установки. И вот уже стоит красивый памятник с фотографиями на керамике. И каждое лето на могиле расцветают ирисы.

Игорь и Саша из штакетника установили ограду, отделяющую огород от сада, а вечером или на ранней зорьке любят отправиться на рыбалку на реку Хопер или просто полюбоваться природой.

Однокурсник Игоря, бывший однажды в командировке в

Саратове, узнал о том, что Игорь с семьей в Турках, и не вытерпел, чтобы не приехать в наши Турки хотя бы на несколько часов.

Прочно уже встала на ноги семья моего сына. Работают все; и даже младший внук-студент во время своих летних каникул не желает бездельничать, устраивается на работу временно.

И теперь уже не мы им, а давно они помогают нам с Людой, дарят подарки, очень часто приезжают в Орск в гости. Я счастлива, что Игорь выбрал себе в жены Валентину, заботливую мать, нежную, чуткую жену и добрую внимательную невестку.

Годы постепенно залечивают старые раны. И вот уже в нашем тур-ковском доме не выключается радио, из радиорепродуктора льются звуки песен, а мы подпеваем. А иногда вечерком садимся с дочкой на крылечке и, как прежде с мамой, поем уже с Людой на два голоса любимую песню мамы Кати — «Соловей-соловушка» и многие другие, репертуар у нас большой. И, конечно же, любуемся своими Турками, наслаждаемся запахом цветов, которых у нас полный палисадник.

Однажды вечером мне не спалось. Я сидела на крыльце одна, дыша чистым воздухом и слушая тишину. Такой тишины не может быть в городе никогда. Уже не поют соловьи, трелями которых мы заслушивались в мае, когда в этот раз приехали в Турки. Не квакают даже лягушки от пруда из оврага. Полная тишина. И вдруг, не веря своим ушам, слышу, как юные голоса поют далекую и в то же время такую близкую песню:

На полянке возле школы
Стали танки на привал.
И веселый звук гармошки
Всю деревню обежал.
От зари и до заката
Разливался гармонист.
Разрумянились девчата
Хорошо как играет танкист!

Песня смолкла. Она явно слышалась справа от нашего дома. Не могла же петь постаревшая Шура или девяностолетняя тетя Лиза. Только мы, девочки-старшеклассницы, возвращаясь из кино в военные годы, пели эту песню. Неужели показалось? Но я же не сумасшедшая.

И снова справа от меня слышу звуки другой песни:

Домик над речкой, маленький сад.
Ночью над садом песни звучат.
Песни простые, косы густые,
Косы густые, ласковый взгляд.

Но это же наша песня, еще более нераспространенная, чем

первая. И как мама Катя не могла усидеть, услышав звуки гармошки в любой стороне села, теперь я шла на звуки берущей за душу песни. Прошла в полной темноте, едва различая узкую тропинку мимо нежилого дома Бурковых, а вон сквозь густую зелень, обвивающую листьями дикого винограда веранду, вижу свет. Кто же поет у Шуры? Вот я уже в палисаднике. Но кругом тишина. И вдруг снова песня:

Ой, цветет калина в поле у ручья.

Парня молодого полюбила я.

Песня оборвалась. Должно быть, услышали мои шаги на ступеньках, шорох за дверью. А у меня вдруг откуда-то появился совсем молодой голос, и я продолжила в темноте прерванную песню:

Парня полюбила на свою беду,

Не могу открыться, слов я не найду.

Распахнулась дверь, и я увидела Зинку, подругу моих самых ранних детских лет. Она со своими внучками-подростками приехала навестить свою старшую сестру. Приехали из Петровска под вечер и вот устроили застолье.

А на другой день Зина пришла ко мне. И вот мы уже на нашей веранде вспоминаем свои детские проказы. И все слышится: «А ты помнишь? А ты помнишь?» Но больше всего вспоминались грозные годы войны, когда разрывы бомб слышались от Ртищева в шестидесяти километрах от нашего села. И непременно вспоминались наши репетиции, как глоток воздуха в то напряженное время. Не сговариваясь вдруг запели:

Ой, Днепро, Днепро, ты широк, могуч,

Над тобой летят журавли.

С нами пела и Люда. Как внучки Зины, Люда тоже знала все мои песни военных и даже довоенных лет. Зина пошла домой, мурлыча песню:

Кто погиб за Днепр, будет жить в веках,

Коль сражался он как герой.

И я вдруг заметила, как сильно она хромает, как располнела. А закрою глаза и вижу другую Зинку: самую стройную из нашей девичьей стайки, шуструю с какими-то искринками в глазах, присущими только ей.

И припомнился снова невольно смешной случай. Это было в первый послевоенный год: возвратившись из Саратова, стали снова заниматься художественной самодеятельностью. И жил в те годы в Турках молоденький милиционер. Я не помню уже его имени, но прозвище у него было Перронный. Решив, что я командир в нашей девичьей команде, он признался мне, что влюблен в нашу Зину и попросил помочь познакомиться с нею

получше. Опыта в любовных делах у меня не было, у подружек тоже. Договорились лишь с Юлей и Симой, что будем стараться оставлять нашу Зину наедине с Перронным. Бежала ли наша девичья стайка на Хопер купаться, шли ли на танцы или в кино, Перронный вырастал перед нами как гриб из-под земли. И сколько бы раз мы ни оставляли с ним нашу Зину, они друг на друга вовсе и не смотрели, расходясь вскоре друг от друга в разные стороны. И только перед самым отъездом вновь в Саратов на учебу мы узнали, что влюблен-то парень вовсе не в Зину, а в Юлю, только думал, что ее зовут Зиной. Где-то он сейчас, этот Перронный? И жива ли в своем Владивостоке моя милая Юля? Ответы на письма не приходят давно. А в Саратове, будучи студентами, мы часто встречались все вместе и с улыбкой вспоминали нашего неудачливого влюбленного.

Не теряю связи и с четырьмя своими одноклассницами. Чаще всего приходят письма от Нины Богдановой и Нины Сысоевой. Нина Богданова пишет: «Спасибо, что ты как-то объединяешь нас. Ты у нас вроде штаба». А мне очень интересна судьба близких мне людей.

Не так давно получила письмо из Ленинграда от Лиды Яшининой. Двенадцатилетней девочкой ее привезли в Турки из блокадного Ленинграда. Мы подружились и остались друзьями на всю жизнь. Встречались в Ленинграде уже будучи взрослыми. Теперь она приглашает меня на свою дачу в деревеньку под Петербургом. Но это мне не под силу. По состоянию здоровья уже с трудом добираюсь даже до Турков.

Во время моего последнего приезда в Турки сидела однажды в любимой моей мамой горнице. Вдруг Люда вводит ко мне незнакомую женщину и говорит:

— Мама, познакомься, это твоя сестра.

В ответ на мой удивленный взгляд женщина сказала:

— Меня зовут Нина. Я ваша двоюродная сестра, племянница вашего родного отца.

Но так как родители разошлись еще до моего рождения, то я могла многих родственников не знать. Так появилась у меня в Турках сестра. Нина рассказала, что после окончания десятилетки уехала в Волгоград к дяде, то есть моему отцу, там закончила сельскохозяйственный институт. В Турки возвратилась, уже выйдя на пенсию. У нас оказались общие знакомые, они рассказали обо мне, и Нина меня нашла, завязалась переписка. Приехав на следующее лето в Турки без меня, Люда несколько раз бывала у Нины, которая встречала ее как дорогую племянницу. Нина тоже горячо любит свое село.

С любовью вспоминают о Турках и мои двоюродные братья,

проживающие в Саратове, сыновья того самого малыша Сереньки, несшего когда-то в поле своим родным пышки, замешанные старой бабкой не на соде, а на хине да и заблудившегося. Старший его сын Станислав Куделькин пишет: «Давно мы уехали из Турков. Только где бы ни довелось побывать, а вот тянет меня туда, как никуда больше. И всегда, когда мне удавалось туда приехать, даже по такому печальному поводу, как похороны тети Кати, я не упускал возможности пробежать по родным, знакомым с детства незабываемым местам».

Быстро растет молодое поколение. Мой старший внук Саша в Самаре получил уже два высших образования. Упорно «грызет» науку и младший внук Сергей. Да и давно ли бегала босоногой девчонкой Наташка Богданова, наша турковская соседка. И вот уже взрослая красивая девушка скоро будет специалистом-модельером, а маленькая дошкольница Яна теперь уже ученица восьмого класса. И мне вслед за кем-то тоже хочется сказать:

Всем турковчанам долгих лет
С моей простой руки,
Успехов новых и побед.
Да пусть живут Турки.

СОДЕРЖАНИЕ

Книга 1. Предки
КУДЕЛЬКИНЫ……5
ИВАНОВЫ……13
ОСИНЫ……19
ТРОФИМОВЫ……39
В РОДНОЙ СЕМЬЕ……51
ТОМКА……69
Книга 2. Мое время
ТУРКИ ДОВОЕННЫЕ……..87
ВОЙНА……..111
МИРНОЕ ВРЕМЯ……..125
СТУДЕНЧЕСТВО……..135
ЗАМУЖЕСТВО……149
Книга 3. Потомки
ОТЪЕЗД РЭМИРА……..172
МЫ ОДНИ……..175
СУД……177
А ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ……181
А ВСЕ-ТАКИ ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА……187
ЛЮДА СТАНОВИТСЯ ИНЖЕНЕРОМ……195
ДЕТИ ВЫРОСЛИ……..203
НА ПЕНСИИ……210
ТУЧИ НАД РОДИНОЙ……218
РОДНЫЕ ВЫ МОИ ТУРКИ……..223
И БЕДА ПРИШЛА, ДА НЕ ОДНА……231
ОСТАЛИСЬ ОДНИ……238
В ОРСКЕ……246
РАЗНЫЕ СУДЬБЫ……247
ДА ПУСТЬ ЖИВУТ ТУРКИ……..249